

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
БЕЛОРУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
БРЕСТСКАЯ ЕПАРХИЯ БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ И КУЛЬТУРЫ (Г. БРЕСТ)
ЦЕНТР ЕВРАЗИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ФИЛИАЛА РОССИЙСКОГО ГО-
СУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА В Г. МИНСКЕ**

*Под общей редакцией
доктора технических наук, доцента Бахановича А. Г.*

Господь нам дарует Победу

Сборник научных статей по итогам:

*Международной научно-практической конференции
«Господь нам дарует Победу», посвященной 800-летию
со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского,
775-летию вокняжения святого благоверного князя Тимофея Дов-
монта, 80-летию начала Великой Отечественной войны
и произнесения «Послания пастырям и пасомым Христовой
Православной Церкви» местоблюстителя Патриаршего
престола митрополита Московского и Коломенского Сергия
(Брест, БрГТУ, 21–23 июня 2021 года)*

Брест 2022

УДК 271.2(063)(476)
ББК 74.480.46л0
Г 72

По благословению
Митрополита Минского и Заславского Вениамина,
Патриаршего Экзарха всея Беларуси

Редакционная коллегия:
доктор технических наук, доцент
Брестского государственного технического университета *Баханович А. Г.*,
кандидат технических наук, доцент
Брестского государственного технического университета *Яловая Н. П.*,
кандидат исторических наук, доцент
Института мировой экономики и международных отношений
Российской академии наук *Гронский А. Д.*,
кандидат исторических наук, доцент
Брестского государственного технического университета *Сушко В. В.*

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории Беларуси БрГУ им. А. С. Пушкина
В. В. Зданович

кандидат исторических наук, доцент,
декан исторического факультета БрГУ им. А. С. Пушкина
А. А. Савич

Г72 **Господь нам дарует Победу** : сборник научных статей международной научно-практической конференции, посвящённой 800-летию со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского, 775-летию вокняжения святого благоверного князя Тимофея Довмонта, 80-летию начала Великой Отечественной войны и произнесения «Послания пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Московского и Коломенского Сергия, Брест, 21–23 июня 2021 г. / Брестский государственный технический университет, Белорусская Православная Церковь, Брестская епархия Белорусской Православной Церкви, Российский центр науки и культуры, Центр евразийских исследований филиала Российского государственного социального университета в г. Минске; под ред. А. Г. Бахановича (гл. ред.), Н. П. Яловой, А. Д. Гронского, В. В. Сушко. – Брест : Издательство БрГТУ, 2022. – 115 с.

ISBN 978-985-493-554-6

В сборнике научных статей представлены результаты гуманитарных исследований по актуальным проблемам истории Православной церкви, государственно-религиозных взаимоотношений, анализу и осмыслению патриотизма, героизма, сохранения исторической памяти и достоверности в современном обществе.

УДК 271.2(063)(476)
ББК 74.480.46л0

ISBN 978-985-493-554-6

© Издательство БрГТУ, 2022

Приветственное слово

ректора Учреждения образования «Брестский государственный технический университет» Александра Геннадьевича Бахановича

Уважаемые участники Международной научно-практической конференции!
Высокопреосвященнейший Митрополит Вениамин! Высокопреосвященнейший
Архиепископ Иоанн!

Мы рады приветствовать вас на открытии Международной научно-практической конференции «Господь нам дарует Победу», посвященной 800-летию со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского, 775-летию вокняжения святого благоверного князя Тимофея Довмонта, 80-летию начала Великой Отечественной войны и произнесения «Послания пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Московского и Коломенского Сергия.

Тематика нашей научно-практической конференции является как никогда актуальной, учитывая вызовы и гибридные войны современного общества, экзистенциальный кризис человека эпохи постмодерна. Глобализационные процессы, которые затрагивают мировое сообщество, в том числе и постсоветское пространство, влияют и на трансформацию аксиологических мировоззренческих установок.

Традиционные ценности, которые столетиями формировались у славянских народов, претерпевают значительные изменения или вовсе утрачивают актуальность. Поэтому очень важно, чтобы такие фундаментальные духовные понятия, как любовь к Родине, патриотизм, сострадание, миролюбие не искажались, не фальсифицировались исторические факты и события, свидетельствующие о ратных подвигах в защиту Отечества!

Героизм Святых – Александра Невского и Тимофея Довмонта – это яркий пример нам, потомкам, проявления духовной силы и безмерной любви к Отчизне! Пример служения соотечественникам и Богу! Много тяжелых испытаний было в истории восточных славян, но братские народы рука об руку сражались с врагом и побеждали противника, проявляли отвагу и защищали земли от захватчиков.

Двадцатое столетие не стало исключением: народам Советского Союза выпало тяжелое испытание, которое вошло в историю как Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Всё население огромной державы стало на защиту Родины и войска Красной Армии отражали жестокие атаки немецко-фашистских захватчиков, население оккупированных территорий организовывало партизанское ополчение, подпольную и антифашистскую деятельность, в тылу женщины, дети и старики трудились на нужды фронта... Навсегда в памяти народов останется подвиг защитников Брестской крепости, героизм которых вдохновлял на подвиги бойцов фронта и народного сопротивления! Имена героев навсегда вписаны в историю: майор Пётр Гаврилов, полковой комиссар Ефим Фомин, капитан Иван Зубачев, лейтенант Андрей Кижеватов, лейтенант Алексей Наганов...

Таким образом, сохранение исторической памяти о событиях прошлого, объективность в оценках общественных изменениях, верность духовно-нравственным традициям славянских народов – одна из задач, которая остро сфокусирована перед научным сообществом, представителями власти и общественными деятелями, христианской церковью.

Искренне желаем всем участникам Международной научно-практической конференции успешной плодотворной работы, направленной на созидание и осмысление актуальных направлений работы научного мероприятия.

Приветственное слово

Высокопреосвященнейшего Вениамина, Митрополита Минского и Заславского, Патриаршего Экзарха всея Беларуси

Уважаемые участники конференции!
Дорогие братья и сестры!

Приветствую вас и поздравляю с началом работы Международной научно-практической конференции «Господь нам дарует Победу», посвященной изучению ряда значимых исторических событий: 800-летия со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского, 775-летия вокняжения святого благоверного князя Тимофея Довмонта, 80-летия начала Великой Отечественной войны и произнесения «Послания пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского).

Они важны для всех восточных славян и тесно связаны с историей Православия на белорусских землях, напоминая нам о тех испытаниях, которые выпали на долю наших народов, и вызывают глубокое уважение к нашим предкам, сумевших в суровых условиях сохранить свою веру и культурную самобытность.

Полагаю особенно символичным объединение в рамках данной конференции указанных святых имён, исторических дат, времени проведения форума и священного для всех нас места – города Бреста. 80 лет назад Брест первым принял на себя ужасающий по силе удар врага. Защитники легендарной Брестской крепости в веках покрыли свои имена славой, исполнив завет Господа нашего Иисуса Христа: *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя»* (Ин. 15:13).

Мы живем в эпоху глобальных цивилизационных сдвигов. Кардинальные изменения происходят во всех сферах человеческой деятельности. Что останется в прошлом, чему нельзя дать исчезнуть в потоке времени, какие ценности мы должны сохранить и принести в будущее?

Выбор очень сложный. Новации стремятся захватить мир, отсесть всё, что стоит на пути и мешает их развитию. Как показывает история, в такие периоды многое из действительно необходимого и даже бесценного для жизни народа уходит в небытие. Многие потом приходится возрождать, но что-то уже невозможно восстановить, и об утерянном мы вспоминаем с сожалением.

Современная эпоха также отличается тем, что человек, стремясь оказывать всё большее влияние на ход истории и современной жизни, реализует не Божественное, а своё видение будущего. И не всегда его видение является благоприятным для существования народа и человечества в целом. Поэтому часто в человеческой деятельности находим подтверждение словам Священного Писания: *«Мудрость человеческая есть безумие перед Богом»* (1 Кор. 3:19).

Сегодня каждый должен сделать осознанный выбор того, что мы должны сберечь и взять с собою в будущее. Но определив ориентиры, мы не имеем права оставаться пассивными. Надо не только знать свои ценности, следовать им, но и уметь их отстаивать, суметь передать их будущим поколениям.

Это ставит перед государством, обществом, Церковью целый комплекс серьёзных задач, которые невозможно решить без привлечения гуманитарной науки. Защита исторической памяти, традиционных ценностей, их популяризация, обеспечение условий для их трансляции в будущее – в этом видится возрастающая роль научного знания, что определяет и цели нашей конференции.

В эпоху глобального противостояния, когда в информационном пространстве идет острая борьба между альтернативными концепциями объяснения реальности, когда любая фальсификация может быть выдана за истину и навязана общественному мнению, под угрозу попадают базовые духовно-культурные ценности, на которых строилась и столетиями стояла наша православная восточнославянская цивилизация. Одна из важнейших задач конференции состоит в том, чтобы дать истинную картину прошлого восточнославянских народов. На конференции большое внимание будет уделено образам святых державных мужей – Александру Невскому и Тимофею Довмону Псковскому, исследованию их подвига защиты веры и земного Отечества.

Их имена многие столетия являлись, и в наши дни остаются, символами борьбы народов наших земель против иноземных захватчиков.

Одной из тем конференции является «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского), с которым он обратился в первый день Великой Отечественной войны. Послание стало первым призывом к народу встать на защиту своей Родины от иноземного врага под знаменем православной веры, которая многие столетия поднимала народ на защиту Отечества. Это очень важный духовный и исторический факт. Мы помним, что и победа в Великой Отечественной войне была одержана, прежде всего, благодаря мобилизации духовных сил народа. Надеюсь, что роль Церкви в защите Отечества будет детально рассмотрена на конференции.

Война меняет взгляд на ценность жизни и отношение к смерти. Одним из способов сохранения человеческого достоинства в условиях войны является обращение к вере, постулаты которой призывают человека выйти из узкого круга бытия, увидеть себя в перспективе вечности. Вера помогает воину не только проявлять любовь к собственной стране и людям, но и великодушие к противнику. Восприятие событий через призму духовности помогает, в том числе и современному человеку, переступить прошлые обиды и жить дальше ради общего блага.

Поколение, пережившее войну, к сожалению, уходит. Теряется живая связь

времен, глубина переживания и осмысления великой трагедии. И этим все более активно начинают пользоваться те, кто заинтересован в пересмотре прошлого, в переписывании истории в угоду политической конъюнктуры. Данная проблема обязательно должна быть затронута на конференции, причем с позиций как светской, так и церковной истории. Фальсификации светской истории порождают непонимание сути подвига народа, а деформация церковной истории влечет за собой повреждение духовности, угрозу разделения народа Божия. И то, и другое ведет к потере ценностных ориентиров современного общества, искажению образа будущего. Перед светскими и церковными учеными стоит задача противостояния этим тенденциям, для чего необходимо активно разрабатывать вопросы формирования исторической памяти, воспитания глубоко мотивированного патриотизма.

Проблематика конференции заставляет задуматься и о задачах, которые стоят перед церковно-исторической наукой. Прежде всего, речь идет о формировании белорусской церковно-исторической школы, базирующейся на едином методологическом подходе исследований. К участию в создании такой школы могут присоединяться светские историки, готовые в силу своих убеждений помогать Церкви осуществлять ее миссию духовного окормления народа.

Среди направлений исследования в первую очередь нужно назвать продолжение введения в научный оборот документальных исторических источников, значительные массивы которых хранятся в архивных собраниях Беларуси, России, Украины, Польши и других стран. Продолжения разработки, а в некоторых случаях и ее начала, требуют некоторые актуальные темы, относящиеся к разным периодам истории Православия на наших землях, – от средневековья до современности. Мы еще многого не знаем о временах Древней Руси, Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, Российской империи и Советского Союза. С одной стороны, об этих периодах написано немало, но, с другой стороны, вызовы современности актуализируют многие проблемы, которые ранее казались не столь важными или даже не были изучены.

Одной из важнейших задач церковно-исторической науки является изучение межконфессиональных отношений в Беларуси, их развития на разных исторических этапах. Это целый комплекс научных проблем, имеющих прикладное значение. Осмысление путей формирования многоконфессионального общества, поддерживающего мирные взаимоотношения между людьми разных вероисповеданий в современной Беларуси, позволит в полноте использовать исторический опыт белорусского народа в этой очень деликатной сфере жизни. Работы церковных историков должны быть безусловно объективными, а их выводы опираться на широкую источниковедческую базу и тщательно подобранные методы исследования.

Важно, чтобы теоретические наработки стали не только достоянием научной общественности, но и неотъемлемой частью духовной жизни народа. Они должны войти в нашу жизнь, стать частью нашей культуры, стержнем, определяющим жизненные идеалы и поступки людей.

Поэтому хочу высказать искренние слова благодарности Вам, уважаемый Александр Геннадьевич, всему коллективу Брестского государственного техни-

ческого университета за готовность взять на себя задачу организации конференции и выполнение важной миссии интеграции науки с образовательной практикой воспитания молодого поколения, за создание благоприятных условий для проведения нашего форума.

Пользуясь возможностью, выражаю благодарность Высокопреосвященнейшему архиепископу Брестскому и Кобринскому Иоанну за активную поддержку этой инициативы. Искренне благодарю руководство Брестской области, Российский центр науки и культуры в городе Бресте, Центр евразийских исследований филиала Российского государственного социального университета в г. Минске за оказанную поддержку.

Уважаемые участники конференции!

Сегодня жизнь предъявляет все более серьезные вызовы. Предпринимаются попытки разделить наш народ, рассорить братские народы, противопоставляя друг другу. Для понимания того, как правильно преодолевать встающие перед нами трудности и испытания, следует обратиться к словам Спасителя: *«Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир»* (Ин. 16:33). Лишь с Господом мы можем обрести мир. Только Он поможет нам сохранить мужество, преодолеть все испытания и далее жить в мире и по правде Божией.

Пусть по молитвам святых Александра Невского и Довмонта Псковского Господь да вдохновит вас в вашей научной и просветительской работе, а нынешний форум послужит миру и процветанию наших братских народов.

Благословение Божие да пребудет со всеми вами!

Митрополит Минский и Заславский,
Патриарший Экзарх всея Беларуси,
почётный профессор Учреждения образования «Брестский государственный
технический университет»

Приветственное слово

**Высокопреосвященнейшего Иоанна,
Архиепископа Брестского и Кобринского**

Многоуважаемый господин Ректор,
досточтимые дамы и господа, дорогое студенчество, братья и сестры!

Между духовенством Брестской епархии Белорусской Православной Церкви и опытными педагогами высших школ Бреста сложились добрые, теплые отношения. Благодаря нашим совместным усилиям молодые люди имеют возможность приобщаться к богатому духовному наследию Православной Церкви и национальной культуры.

На протяжении всех этих лет Православная Церковь была подлинным духовным родителем, воспитателем и хранителем белорусского народа и его государственности, вдохновителем людского стремления к духовному и полити-

ческому единству.

Если бросить беглый взгляд на историю, то можно увидеть, сколь многим обязано человечество христианству, которое явилось культуuroобразующим началом европейской цивилизации. Именно христианство открыло в человеке личность. Человек в христианстве предстает как образ личного Бога в безличном мире. Каждый человек бесконечно ценен, важен, уникален и неповторим, послан Богом на дело, которого за него никто другой не может исполнить. Такого представления о человеке как личности не знал древний дохристианский мир.

Крещение Древней Руси князем Владимиром положило начало процессу христианизации древнерусского государства и формированию на духовно-нравственном фундаменте Православия основных черт образа жизни и менталитета, в том числе и белорусского народа. Такие черты характера, как самоотверженность, жертвенность, соборность, сострадательность, нестяжательность, жажда справедливости, стремление к нравственной правде и другие во многом сформировались благодаря Православию с его идеалами святости, благочестия и бескорыстного служения Богу, людям и Отечеству.

Основу ментальности, духовных ценностей и традиционного воспитания белорусов составляет православная вера. Многие ли народы могут сказать о себе, что их в определенный момент истории направляли и наставляли святые, что их история на какой-то отрезок времени становилась священной историей?

Белорусская православная земля дала целую плеяду выдающихся мыслителей, церковных и общественных деятелей. Среди них можно вспомнить имена святителя Кирилла Туровского, преподобной Евфросинии Полоцкой, преподобномученика Афанасия Брестского, преподобного Леонтия Карповича, князя Константина Острожского, святителя Георгия Конисского и других. Новейшая история Православной Церкви на Беларуси неразрывно связана с именем митрополита Филарета (Вахромеева).

Именно в том факте, что Православная Церковь является для нашего народа главной школой государственности, и кроется ответ на вопрос – почему мы с такой настойчивостью требуем её влияния на школу. Быть может, хорошо образованный «общечеловек», человек без свойств и сможет быть эффективным менеджером транснациональной корпорации, но ни с каким трудом, где нужно чувство безусловной верности Родине и её целям, где необходимо умение не ставить свое разумение и свой интерес выше порученного страной дела, такая личность справиться не сможет, да и не захочет.

Отсутствие такой платформы воспитания уже сейчас ощущается крайне остро: многие общественные проблемы, начиная с экономических, связаны с откровенным упадком духа людей, с ростом безразличия ко всему происходящему (кроме своего личного благополучия), с брожением умов. В современном лексиконе практически отсутствует понятие греха. Принятый сегодня секулярный лексикон знает лишь преступление, нарушение закона.

Технический и социальный прогресс, стремительное развитие информационных технологий, различные реформы и инновации приобретают на сегодняшний день масштабы глобального характера. Наряду с этим вместо утвер-

ждения традиционных духовно-нравственных ценностей предпочтение отдается исключительно материальным благам и потребительским нуждам. На фоне этих событий проблема сохранения отечественного духовного наследия, национальной идентичности, культурно-исторических традиций и ценностей является особенно актуальной и значимой, так как именно духовная основа позволяет человеку правильно осмысливать события в его жизни и в жизни общества, принимать верные решения.

И поэтому, когда мы говорим о религиозном воспитании, нужно понимать, что речь не только и даже не столько в религиозных основаниях каких-либо интеллектуальных убеждений, но прежде всего – в понимании смысла человеческой жизни. Для чего живет человек, на каких ценностях строится его жизнь – задаться этими вопросами, иными словами, обратить внимание носителей секулярного сознания на религиозное как таковое: на религиозную мысль, на религиозный опыт, религиозную практику в ее актуальности и в ее исторической перспективе и призвано религиозное просвещение.

В конечном итоге вопрос религиозного просвещения – это вопрос будущего: будет ли наш народ размножаться и нравственно развиваться или же сокращаться и постепенно вымирать, будет ли в обществе царствовать грех и вседозволенность или же люди станут ориентироваться на какие-то абсолютные нравственные нормы, которые на религиозном языке называются Божественными заповедями.

Участникам чтений предстоит поделиться своими размышлениями на полях заявленной темы.

Призываю всех присутствующих приобщиться к духовной атмосфере нашего форума и не терять духовную стойкость и рассудительность, которые помогали нашим предкам переживать самые тяжелые и непростые испытания в жизни белорусского народа, а также со вниманием отнестись к тем страницам истории, которые будут рассматриваться на начавшейся конференции.

Благодарю за внимание.

Безнюк Д. К., заместитель директора по научной работе Института социологии НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор

Черняк Ю. Г., заместитель директора по научной и инновационной работе Института социологии НАН Беларуси, кандидат социологических наук, доцент

Шкурова Е. В., заведующий центром оперативных исследований Института социологии НАН Беларуси, кандидат социологических наук, доцент

Beznyuk D., Deputy Director for Science of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Sociological Sciences, Professor

Chernyak Yu., Deputy Director for Science and Innovation of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor

Shkurova A., Head of the Operational Research Center, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor

ФЕНОМЕН ПАТРИОТИЗМА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ БЕЛАРУСОВ THE PHENOMENON OF PATRIOTISM IN THE MASS CONSCIOUSNESS OF BELARUSIANS

В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в апреле 2021 года. Выявлено, что патриотические установки белорусов связаны не только со стремлением защищать интересы своего народа, но и готовностью сохранять культуру и историю своей страны. Определены свойства патриотизма как фактора консолидации и стабилизации изменяющегося социального пространства. Установлена необходимость определения качественных характеристик патриотизма и условий его воспроизводства.

The article presents the results of a sociological study conducted by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus in April 2021. It was revealed that Belarusians' patriotic attitudes are associated not only with the desire to protect the interests of their people, but also with the readiness to preserve the culture and history of the own country. The properties of patriotism as a factor of consolidation and stabilization of the changing social space have been determined. The need to reveal the qualitative characteristics of patriotism and the conditions for its reproduction has been established.

Ключевые слова: патриотизм, историческая память, патриотические установки, страна, Республика Беларусь.

Key words: patriotism, historical memory, patriotic attitudes, country, Republic of Belarus.

Патриотизм как социальное явление – основа существования и развития нации и государственности. Именно чувство патриотизма и преданности своей Родине является ключевым элементом ценностных ориентаций той или иной социальной общности. Проявляясь в коллективных чувствах, оценках, отношении к своему народу и его истории, патриотизм выступает важной составляющей национальной идеи и идеологического воспитания. В условиях глобальной реконструкции мировоззрения, изменения социальной и ментальной структуры патриотическая самоидентификация выступает одним из эффективных спосо-

бов консолидации и интеграции, что определяет актуальность исследований в данной сфере.

Институтом социологии НАН Беларуси в апреле 2021 года проведен опрос населения по данной тематике. В качестве генеральной совокупности рассматривалось население страны старше 18 лет. Исследование проводилось методом опроса «лицом к лицу» по репрезентативной случайной республиканской территориальной выборке с проверкой квот на последнем этапе. Замеры осуществлялись во всех регионах Беларуси с соблюдением пропорционального представительства по основным социально-демографическим характеристикам генеральной совокупности (полу, возрасту, образованию). При размере выборочной совокупности в 2110 респондентов она является репрезентативной (ошибка выборки – 2,1 % при уровне значимости $\alpha = 0,05$) по семи регионам республики (6 областей и г. Минск) и зонам проживания (областные центры (население свыше 250 тыс.), крупные города (от 100 до 250 тыс.), большие города (от 50 до 100 тыс.), города с населением от 10 до 50 тыс. и малые города с населением менее 10 тыс., поселки городского типа и сельские населенные пункты).

Результаты исследования демонстрируют, что Республика Беларусь у ее жителей ассоциируется преимущественно с Родиной, страной, в которой они живут и ценят историческую память предков (см. рисунок 1). При этом респонденты старшего поколения (65 лет и старше) чаще, по сравнению с другими возрастными группами, выражают любовь к своей стране и ассоциируют ее с землей, которую защищали деды и прадеды (46,0 %).

Рисунок 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Для меня Беларусь – это», %

Оценивая сущностные характеристики патриотизма, белорусы чаще всего отмечают, что быть патриотом – значит любить Беларусь, жить и работать в своей стране для ее благополучия, любить белорусский язык и культуру, а также

уважать государственные символы (см. рисунок 2). Причем мужчины чаще, чем женщины (на 10,1 %), выражают готовность защищать Беларусь, даже рискуя собой. Молодые люди (до 25 лет) чаще выражают готовность к активной деятельности на благо Беларуси, а пожилые (старше 65 лет) указывают на необходимость жить и работать только в своей стране.

Рисунок 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что для вас значит быть патриотом Беларуси?», %

По результатам исследования, более половины белорусов (58,3 %) назвали себя патриотами, 24,6 % – затруднились ответить. Обращает на себя внимание тот факт, что 17,1 % опрошенных не считают себя патриотами Беларуси (см. рисунок 3). Наблюдается зависимость выраженности патриотизма от возраста: старшее поколение (старше 65 лет) чаще относит себя к патриотам (на 17,4 %), чем респонденты младше 25 лет.

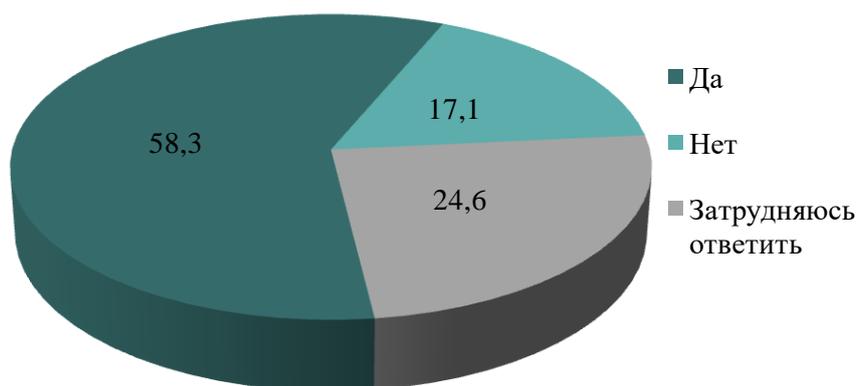

Рисунок 3 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Считаете ли вы себя патриотом Беларуси?», %

Так как патриотизм сопряжен с понятием гражданственности, одной из задач исследования являлось определение того, что для населения означает быть гражданином (см. рисунок 4). Для белорусов в первую очередь важно иметь гражданские права и свободы (48,7 %), белорусское гражданство (40,8 %), быть ответственным за судьбу Беларуси (25,1 %), иметь активную гражданскую позицию (24,8 %), ощущать чувство единства со своим народом (23,8 %).

В ходе социальных перемен вполне закономерно возникновение межпоколенческих различий в патриотических установках, их смысловом наполнении и содержании. Так, например, для представителей возрастной группы 25–44 года значимость наличия прав и свобод выше по сравнению с представителями поколения 45 лет и старше (56,3 % и 44,7 % соответственно). В свою очередь, среди респондентов, выбравших вариант ответа «подчиняться законам и выполнять обязанности гражданина», доля старшей возрастной группы больше (34,1 %). Таким образом, понимание гражданственности в общественном сознании во многом определяется возрастными (поколенческими) особенностями.

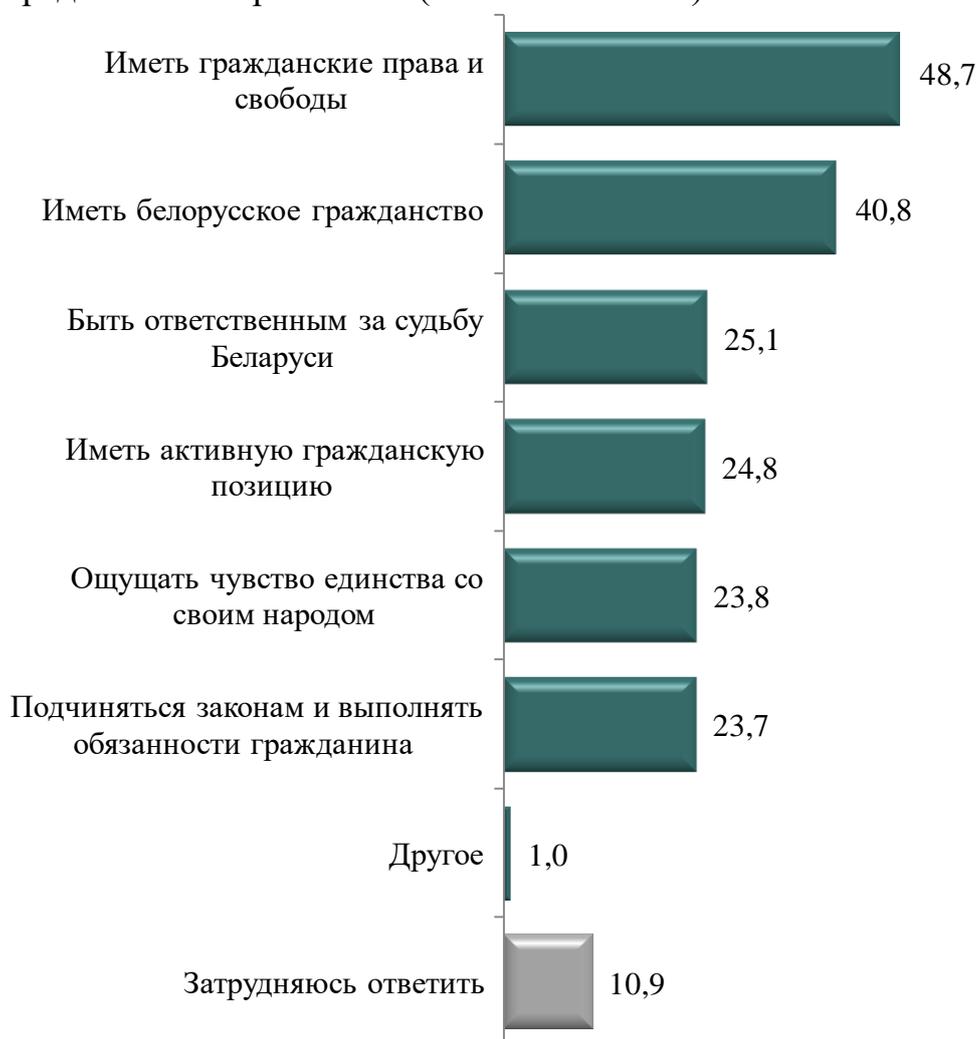

Рисунок 4 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что для вас значит быть гражданином Беларуси?», %

Базовыми элементами конструктивного патриотизма являются не только стремления человека защищать интересы своего народа, чувство гордости за

достижения своей страны, но и готовность сохранять ее культуру и историю, выступающими в качестве необходимого условия национальной идентичности. Результаты исследования показывают, что главными символами национально-государственной идентичности для белорусов выступают народные символы (аист, зубр, василек), объекты культурного наследия страны (дворцы и замки, слуцкие пояса, Беловежская пуца и т. д.), а также государственная символика Республики Беларусь (см. рисунок 5).

Необходимо отметить, что государственная символика как главный символ идентичности белорусов воспринимается в качестве таковой преимущественно представителями поколения старше 65 лет (52,7 %). В возрастной группе до 25 лет она значима лишь для 35,4 % респондентов. Обращает на себя внимание и тот факт, что белорусский язык и литературу в качестве символа национальной идентичности рассматривают только 16,4 % представителей старшей возрастной группы, в то время как для молодежи в возрасте до 25 лет этот показатель гораздо более значим (35,5 %).

Рисунок 5 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что, по вашему мнению, является главным символом национально-государственной идентичности белорусов?», %

Конструктивный патриотизм является одним из главных факторов социальной консолидации. По результатам исследования можно определить три базовых основания, объединяющих население Беларуси (см. рисунок 6). К их числу можно отнести, во-первых, потребность в социальном порядке, выраженную в желании жить в стабильности и достатке (55,3 %), а также в отдельной и независимой стране (43,5 %). Во-вторых, фактором общественной консолидации выступает система традиционных ценностей: историческое наследие (35,9 %), национальные традиции и обычаи (34,5 %) и ментальность (32,6 %). В-третьих, в качестве объединяющих условий респонденты отмечают культурно-территориальные аспекты – национальные ценности (25,0 %), совместное проживание (23,9 %) и белорусскую культуру и язык (20,7 %).

Рисунок 6 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что, на ваш взгляд, прежде всего объединяет народ Беларуси?», %

Наиболее распространенным локусом феномена патриотизма выступает территория. Как показывают результаты исследования в полной мере белорусы испытывают привязанность к месту собственного рождения (49,8 %), к родной земле (47,2 %), к населенному пункту, в котором проживают в настоящее время (45,5 %), Беларуси как стране (44,0 %). При этом в целом привязанность к родным местам у старшего поколения выражена гораздо заметнее, что закономерно в силу большей мобильности молодежи.

Патриотизм представляет собой сложный когнитивно-эмоциональный комплекс, формирующий различные поведенческие и оценочные стратегии субъектов в культурной среде и социальном пространстве. В современных условиях глобальной трансформации мировоззрения, динамизма информационного поля патриотизм выступает одним из эффективных факторов консолидации и стабилизации изменяющегося пространства, что демонстрируют результаты проведенного исследования. В этой связи определение качественных характеристик патриотизма, условий его воспроизводства, возможных источников повышения значимости в общественном сознании приобретает статус одной из важнейших эвристических задач, стоящих перед современным гуманитарным знанием.

Беспалова Т. В., доктор философских наук, профессор, член Совета по делам национальностей при Правительстве г. Москвы

Bespalova T.V. doctor of philosophical sciences, professor, member of the Council for Nationalities under the Government of Moscow

ПОДВИГ, ГЕРОИЗМ, НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО FEAT, HEROISM, NATIONAL UNITY

В статье поднимается проблема социокультурной специфики героизма, причин проявления героического, обозначаются основные методологические подходы к исследуемому феномену. Особое внимание уделяется способам формирования и сохранения героики в период радикальных социокультурных перемен, в эпоху «войн памяти».

The article raises the problem of sociocultural specifics of heroism, the reasons for the manifestation of heroic, identifies the main methodological approaches to the phenomenon under study. Special attention is paid to ways of forming and preserving heroics during the period of radical sociocultural changes, in the era of "memory wars."

Ключевые слова: героизм, герой, подвиг, самопожертвование, национальное единство, межкультурный диалог.

Key words: heroism, hero, feat, self-sacrifice, national unity, intercultural dialogue.

Известный тезис Т. Карлейля *«почитание героев будет существовать вечно, пока будет существовать человек»* подвергся серьезному сомнению в современную эпоху «войн памяти», в связи с чем возникла угроза не только утраты национальной и культурно-цивилизационной идентичности, общей исторической памяти, но и человеческой сущности. Заявленная проблематика имеет огромное количество граней, поэтому в представленном исследовании мы остановимся на некоторых методологических аспектах исследования феномена героизма, проблемах социокультурного проявления героического и инструментального использования образа героя в процессах формирования национального единства.

Э. Ренан, рассуждая о метафорике, отмечал, что нации необходимо не только «тело», но и «душа». «Нация – это душа, духовный принцип. Две вещи, являющиеся в сущности одною, составляют эту душу, этот духовный принцип. Одна – в прошлом, другая – в будущем. Одна — это общее обладание богатым наследием воспоминаний, другая — общее соглашение, желание жить вместе, продолжать сообща пользоваться доставшимся неразделенным наследством... Нация, как и индивидуумы, – это результат продолжительных усилий, жертв и

самоотречения. Культ предков – самый законный из всех; предки сделали нас такими, какими мы являемся в настоящее время. *Героическое прошлое, великие люди, слава (но истинная) — вот главный капитал, на котором основывается национальная идея. Иметь общую славу в прошлом, общие желания в будущем, совершить вместе великие поступки, желать их и в будущем – вот главные условия для того, чтобы быть народом* (курсив – Т. Б.). Любят пропорционально жертвам, на которые согласились, пропорционально бедам, которые пришлось перенести» [3].

Героическое прошлое, великие люди, истинная слава – национальная идея любой страны. Однако разница не только в различном историческом прошлом, но и в определении героизма в разных культурных традициях, формах проявления героики, способах ее проявления и отражении в культуре. Например, в русской традиции подвиг совершается не ради славы, и если она даже приходит, то это, во многом, воля случая.

Глубочайшие изменения в культуре XX–XI веков отразились на восприятии героики не только прошлого, но и настоящего времени. В условиях доминирования потребительских установок не только в российском обществе, во всем мире в какой-то момент подлинно героическое стало отвергаться, очерняться, игнорироваться, зато возникла и героизировалась целая плеяда псевдогероев, антигероев, суперменов. Чертами героев иногда стали наделяться злодеи (в мультипликации, кинематографе), в связи с чем выбор добра и зла стал затруднительным для молодежи, не имеющей устойчивой духовно-нравственной основы.

Помимо этого появились новые типы «героев», кардинально отличающиеся от лермонтовского «героя нашего времени», от героев античных времен, в целом от привычного представления героизма на уровне общественного сознания, сводя его к лидерству или причисляя к нему совершенно обычные повседневные поступки, которые в здоровом обществе являются обычной социальной нормой.

Процессы, связанные с масштабным сносом памятников героям, в 2020 году охватили весь мир. Причем глобальный сценарий связан не только с фальсификацией истории, но и с затрагиванием самых болевых точек истории народов и государств. Возникает ощущение, что человечество подошло к очередному рубежу, а глобальные силы взялись за обнуление мировой истории. В современном мире происходит переход от разрушения памятников советским солдатам в Европе, Прибалтике, на Украине, в Чехии к сносу более древних памятников, в том числе героям западных цивилизаций – Черчиллю, Рузвельту, Вашингтону, Колумбу и даже Иисусу Христу... Может быть, этот сценарий своим совершенно абсурдным (а на самом деле целенаправленным) уничтожением ключевых исторических фигур, которые являются знаковыми не только для отдельных цивилизаций, но и для всего человечества, в конце концов приведёт к пересмотру отношений между государствами, возродит межцивилизационный диалог на основе уважения исторических, культурных и религиозных традиций народов [1].

Несмотря на политическую реальность, объективные сущностные черты подлинного героизма и подвига все равно остаются неизменными на протяжении всего времени существования человечества.

Научный анализ героизма в большинстве работ сводится к его восприятию как некоей крайности, *положительного отклонения от социокультурной нормы*, стремления к сверхчеловеческому, совершению невозможного в любой сфере человеческой деятельности, формированию особого типа человека, способного рискнуть собственной жизнью ради общего блага (Карлейль, Ф. Ницше, С. Булгаков, Т. А. Апилян, В. Д. Плахов, И. Тэн и др.). Разделяем эту позицию.

Важнейший признак героизма и героического был обозначен Г. Гегелем – всеобщее признание, которое наступает в результате совершенно особого индивидуального проявления воли и сознания. Признавая объективные сущностные черты героизма, следует учитывать, что каждая культурная среда формирует собственные смыслы героического и героики в процессах национального бытийствования народа.

Философский подход к проблеме героизма заострен на обозначении его сущностных признаков, определении ценностей жизни, смерти, Бога, Родины, служения, греха, красоты, любви.

Исторический подход описывает героическую личность, историю совершения подвига, поддерживает устойчивость пантеона героев, определяет значение героизма в истории государственности.

Политологический подход предполагает изучение инструментального использования героики/предательства в политике, сохранение общей исторической памяти и обоснование, соответствующей политическим вызовам, политики памяти и забвения.

Социологический подход интересен в русле исследования значимости подвига и героики для социума, трансформации образа героя в период радикальных социальных перемен (войны, революции, бунты, протесты), социокультурных форм проявления героического и изменения общественного восприятия героики/предательства.

Культурологический подход исследует героические образы в искусстве и культуре (литература, живопись, кинематограф, песенная культура и др.), семантику героического, значение героики/предательства в сохранении культуры и цивилизации.

Героика, составляя основу исторической памяти, сохраняет народ как субъект истории и политики и созданные им государство и цивилизацию. В эпоху роковых событий пантеон героев пересматривается, частично перечеркивает общее историческое прошлое – это бывает необходимо политической силе, которая спланировала радикально изменить социальную реальность. Однако это практически невозможно осуществить, так как память о героях одна из сильнейших.

Тем не менее, в эпоху радикальных перемен героев могут на какое-то время «сделать» предателями, а предателей – героям – надо ли прогнозировать чем обычно это завершается для государства и общества? Минимум – потерей легитимности, максимум – переворотом, революцией, майданом. Примером является современная Украина, где героизация «антигероев» привела к деструктивным политическим процессам, русофобии и антисоветизму.

Как формируется образ национального героя? Почему каждая историческая эпоха создает свой образ героя? Каков запрос на новый тип героя в 21 веке? Насколько социальный идеал может быть новым и каковы границы «дегероиза-

ции» старого идеала? Останется ли самопожертвование главной сущностной чертой героизма в будущем? Почему пантеон героев должен быть относительно устойчив? В чем социокультурная специфика проявления героизма в России? Как можно объяснить совершение героического поступка, помимо самопожертвования, природа которого в сфере иррационального? Вопросов много, ответы будут даны лишь на некоторые из них.

Отвечая на последний вопрос, отчасти можно допустить, что самопожертвование скорее всего объяснимо спецификой героического сознания. *Героическое сознание* (по Вико) воспринимает все происходящее с миром «как происходящее с самим собой», отсюда и возникает повышенная социальная ответственность за судьбу страны, народа, культуры и цивилизации. Такое восприятие мира встречается не так часто, поэтому воспринимается иногда на уровне повседневного сознания как «странность», но лишь до момента, пока обществом не осознан масштаб подвига, представляющего собой общественно значимое действие во имя высшего блага.

Героизм тесно связан с памятью, «вечной памятью», когда выбор определенного действия возникает в соответствии с особым чувствованием прошлого, настоящего и будущего. Такая «память подобна свободе – недостижимая, никогда не осуществляемая до конца, она всегда живет в памяти человека, ибо сплетена из мгновений восторга независимости от случайных переплетений судьбы, обжигающего ледяного воздуха своеволия, решимости бросить вызов всему миру, бросить свою жизнь ему под ноги. У большинства людей не было таких мгновений, многие только мечтали о подобной смелости, никогда не решаясь на поступок, никогда ничем не рисковали, но памятью о такой свободе обладают все люди, пусть подспудно, неявно, неосознанно. Как, наверное, воспоминания о тех редких моментах, когда они действительно были свободны, только испугались пойти до конца» [2, с. 35].

Способность человека рисковать жизнью, безгранично влиять на современников и потомков, заставляя поверить их в возможное воздействие на масштабные исторические и политические процессы, представляет собой только одну грань феномена героизма – непосредственно само осуществление подвига. Далее возникает процесс героизации индивида, оформление легенды и воспоминаний о нем, отражения в сферах культуры и искусства героического образа, его сакрализация и мифологизация.

Героические образы на протяжении истории народа сменяют друг друга, и в момент, когда часть имен великих людей уже устойчиво вошла в пантеон героев, иная его часть вымещается новыми именами, не по причине большей заслуги, а по объективным причинам смещения общественного внимания на других.

Герой в момент подвига обычно одинок. Герой появляется благодаря общественному признанию, обретает подлинную свободу, побеждает смерть (Христос), поэтому подвиг не ограничен хронологическими рамками, он вечен, властвует над временем, покоряя очередные поколения людей. Оптимизм и вера в себя характеризуют героическую личность, благодаря которой происходит возрождение идеала, культуры и достигается вневременная солидарность общества.

Какие еще черты присущи герою? Герою обычно свойственны критицизм и безупречная воля, способные подчинять, покорять не только свой народ, но даже врагов особым чувствованием проблемы, словом или действием, которое не вписывается в привычные социальные рамки. В научных работах по проблеме героизма принято разграничивать понимание героя как действительной личности и героя как социального статуса. Конструируемый или возникающий стихийно образ героя создает интегративное пространство общей исторической памяти, является идеологической основой определённых социальных групп. Изменение государственной или политической идеологии оказывает непосредственное воздействие на пересмотр пантеона героев.

Казалось бы, и подвиг, и преступление – это определенное нарушение социальных норм, тем не менее абсолютно каждый ощущает различие этих социальных явлений.

Интересно в этой связи изучение взаимосвязи «преступления и кары» и «подвига и награды» в работе (1914 год) П. Сорокина, как социальных механизмов формирования желательного и нежелательного поведения в обществе. Детальный анализ автором основных форм поведения – «преступно-карательных» и «услужно-наградных» приводит его к выводу о том, что последнее («наградное право») практически не исследовано в науке. Если у ряда народов, отмечает Сорокин, преступлением считается наступить на тень другого человека, то видимо нечто подобное происходит и с восприятием подвига. Определение преступления и подвига в диалектической взаимосвязи происходит на основе принципа *должного* (что должно считаться преступлением или подвигом)

и сущего (что есть преступление и подвиг, чем они были) [4]. На уровне должностования представление о подвиге у многих народов схожи, а на уровне сущего возникает множество различий (частностей).

Например, феномен «камикадзе» возник в японской культуре для обозначения пилотов-смертников и был лишь частью более широкого культурного явления «токкотай». Русские богатыри, символизирующие мощь, силу, державность великой России, не имели аналогов в мировой истории и культуре и т. д. Культура и религия обуславливают формы проявления героического в истории народов, а политическая идеология влияет на отражение героики в культуре и искусстве.

Героика советского времени подверглась наиболее масштабному пересмотру от фигуры Сталина, Кирова, Дзержинского до отдельных фигур, репрессированных в послевоенное время, что вполне объяснимо сменой идеологического курса государства в 90-е годы. Однако Сталин как верховный главнокомандующий уже вписан в живую народную память, которая сильнее всех попыток девальвировать память о нем. Инструментальное использование «символических фигур» памяти – И. В. Сталина, Николая II и др. приводят к разрушению национального единства российского общества. Например, деструктивные технологические смыслы фильмов «Матильда», «Смерть Сталина» использовались в качестве «спланированной провокации», мишенью которой были интересы различных групп людей – православных, коммунистов и др.

Уважительное принятие своей истории, континуальный взгляд на прошлое

во взаимосвязи с любовью к Родине, принятие трагического в собственной истории с точки зрения православной мудрости и интересов национальной безопасности – главное условие построения великого будущего. На наш взгляд, недопустимо перекраивать сложившееся в обществе представление о героике прошлого, сталкивать или сравнивать героев различных исторических эпох. Девальвация феномена героизма может принимать различные формы. Продвижение проектов «Бессмертный барак» или «Последний адрес» параллельно с интегративным проектом «Бессмертный полк» размывает грань между героем, предателем и жертвой и ведет к определенной конфронтации в обществе.

В советское время история переписывается отчасти в ущерб героике дореволюционной России и тогда не могло быть иначе по причине конструирования иного идеологического измерения прошлого. Именно на уровне частных дискуссий по поводу героики/предательства, а иная интерпретация героической истории касается героя как действительной личности, а не героя как социального статуса.

Феномен героизма тесно связан с войной.

Война, являясь одним из самых подражательных видов человеческой деятельности, культурно и религиозно обусловлена. На войне проявляются самые высшие и низшие человеческие качества. В русской философии особенно сложно обозначена сущность войны – как «озверения и потери человеческого облика... и великой любви, преломлённой во тьме» (Н. Бердяев), мистическое понимание оборонительной войны связывается с духовным пробуждением народа и духовной правдой. Одухотворение войны (при безусловном предпочтении мира автором статьи) становится политической и нравственной максимой в любое время, чтобы кровопролитие не превращалось в массовое убийство. Героизм на войне – это духовный подвиг.

Современное понимание войны и героизма возможно только после осмысления целого ряда понятий – «кошмарная война», «информационная война», «абсолютная война», «террористическая война», «война как самоцель», «война без причины», «война как поражение цели», «война как политическая акция», «кибервойна», «конфликты низкой интенсивности» и многих других.

Каждый тип войны создавал свой образ «героя. В конфликтах низкой интенсивности и подобного рода новых типах войн возникает особый образ героя, «невидимого героя» (спецназ, разведка, контрразведка и др.), имена которых знают только избранные. Память о таких героях обычно мифологизируется в своих кругах, они становятся «живыми легендами».

Гражданские войны, напротив, требуют практически полного забвения (хотя, скорее, верного оформления общих воспоминаний и умолчаний) не по причине невозможности объяснить, почему одна из сторон оказалась исторически побежденной/победившей, а *по причине возможной политической реанимации в будущем «тлеющего» в народной памяти конфликта.* Например, в Луганске в 1977 году был открыт сквер славы героев Гражданской войны, который в настоящее время приобретает особый символический смысл.

Война относится к роковым событиям в жизни любого народа, по мнению В. Н. Расторгуева, например, существует как бы две истории народа – до войны и после нее. Война (речь о справедливой «священной») – это духовная мобили-

лизация всех сил. Как писал о. Сергей Булгаков, в этот момент «ангельские воинства приходят на помощь миру человеческому». Именно война формирует строжайшую основу исторической памяти, являясь одновременно и бедствием, и проверкой силы народного духа. Иногда война является единственным способом победить зло и утвердить добро.

Любая война начинается с чувственного и идейного неприятия оппонента. Убийство на войне является вынужденным кровопролитием.

«...В настоящее время ряд убийств (убийство на войне, в случае необходимой самообороны, смертная казнь и т. д.) не считаются преступными актами, но напротив, ещё награждаются, как акты доблестные...индивид может совершить поступки из чисто эгоистических побуждений (личный мотив), и тем не менее, эти акты могут совпасть с общественными интересами, следовательно не будут «антиобщественными инстинктами». Примером первого типа могут служить те лица, которые пользуясь нормами закона, мстят своим недругами, основательно или неосновательно, обвиняя их в нарушении норм, охраняемых правом. Примером второй категории могут служить Христос, мученики, Сократ и т. д., несомненно нарушавшие общественные нормы, но столь же несомненно действовавшие не из «личных побуждений», а во имя высшего долга».

Сорокин выделяет 3 важнейшие черты подвига, которые можно считать объективными сущностными характеристиками феномена героизма:

- непротиворечие поступка с переживанием его долженствования (как своего, так и чужого);
- его сверхнормальность или избыток добродетельности, то есть выход за пределы обязанностей;
- добровольность этих актов [4, с. 98].

Таким образом, помимо указанных черт, внешнее проявление преступления и подвига может быть сходным, тогда как ключевой в определении подвига становится мотивация героического поступка и его обозначение как положительного социокультурного отклонения от нормы.

Героизм безусловно имеет объективные сущностные черты и, как бы это ни прозвучало, находится вне сферы нравственности и морали – на героический поступок в экстремальных условиях способен практически любой человек. Никто не сможет точно объяснить, как и почему совершается подвиг – это сфера иррационального. Почитание героев, создание пантеона героев каждым народом обуславливает создание привлекательного образа героя, поэтому независимо от нравственных черт, после совершения подвига герой наделяется лучшими нравственными характеристиками по причине достижения им невозможного.

Героями за все время развития человечества становились многие – ученые, военные, космонавты, государственные деятели, политики – каждый на своем месте совершал невозможное, но далеко не каждый становился признанным героем при жизни, да и после смерти. Условий для героизации индивида огромное количество, но определяющим становится общественное признание и стечение множества случайных и неслучайных обстоятельств. Легализация героики не всегда совпадала с ее легитимацией. Однако в большинстве случаев в пантеон героев действительно попадали очень редкие люди, которые станови-

лись бессмертными благодаря народной памяти.

Героизм – сложное многоуровневое явление, обладает социокультурной спецификой, проявляется в экстремальных ситуациях. *Отражение социокультурной специфики героизма можно подробно исследовать в различных видах культурной деятельности, искусстве, этому требуется посвящать масштабные научные исследования.*

Таким образом, тезис Т. Карлейля о вечном почитании героев оспорить невозможно, пока существует человечество. Единственное, не стоит забывать об инструментальном использовании героизма в политических процессах, поэтому требуется не только оберегать героическое прошлое в его социокультурных формах проявления, но и своевременно фиксировать и защищать героики настоящего в интересах национальной безопасности России.

Литература и источники

1. Russia's response to new types of threats of the XXI century / Bepalova, T. [et al.] // Innovative Technologies in Science and Education (ITSE-2020). – 2020. – Vol. 210 – Number 16025.
2. Губин, В. Д. Метафизика памяти / В. Д. Губин. – М., 2017.
3. Ренан, Э. Что такое нация? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php – Дата обращения 10.06.2020.
4. Сорокинъ, П. А. Преступление и кара, подвигъ и награда. Соціологическій этюдъ объ основныѣхъ формахъ общественнаго поведенія и морали / П. А. Сорокинъ. – С.-Петербургъ, 1914.

Вилисов М. В., ведущий научный сотрудник центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН, доцент кафедры государственной политики, факультет политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

Vilisov M. V., Leading Researcher, Center for Interdisciplinary Research at INION RAS, Associate Professor of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, candidate of political sciences

АВТОРИТЕТ СЛУЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ НЕФОРМАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ THE AUTHORITY AND POWER OF “BEING ON SERVICE” IN THE CONTEXT OF INFORMAL GOVERNANCE

Страны постсоветского пространства давно находятся в фокусе внимания с точки зрения изучения переходных процессов социально-экономических и политических трансформаций после распада СССР. Зачастую с этими процессами связываются неудачи в построении формальных общественно-политических институтов по международным образцам. При этом недостаточное внимание уделяется аспектам неформального управления, практики которого существуют независимо от политических режимов и общественно-политических формаций, весьма устойчивы и имеют амбивалентную природу. Их негативная сторона, проявляющаяся в формате коррупции, «захвата государства», клиентелизма и других аналогичных явлениях, как правило, чаще привлекает исследователей, чем позитивные проявления. Авторитет служения как раз и относится к таким незаслуженно забытым явлениям. Задача современных социальных наук – вернуть эту тематику в поле научного анализа.

The countries of the post-Soviet space have long been in the focus of attention from the point of view of studying the transitional processes of socio-economic and political transformations after the

collapse of the USSR. Failures in building formal socio-political institutions on international standards are often associated with these processes. At the same time, insufficient attention is paid to aspects of informal governance, the practices of which exist independently of political regimes and socio-political formations, are very stable and have an ambivalent nature. Their negative side, manifested in the format of corruption, "state capture", clientelism and other similar phenomena, as a rule, attracts researchers more often than positive manifestations. The authority and power of "being on service" is precisely one of such undeservedly forgotten phenomena. The challenge for modern social sciences is to bring this topic back into the field of scientific analysis.

Ключевые слова: неформальное управление, клиентелизм, кронизм, непотизм, неопатримониализм, служение.

Key words: informal governance, clientelism, cronyism, nepotism, neo-patrimonialism, being on service

Войны как испытание для социального управления

Войны и конфликты являются катализатором многих социальных процессов и вызовом для социального управления. Большие мировые войны XX века, в том числе Великая Отечественная война, были проверкой на эффективность для всей системы государственного и политического управления как в военной, так и в гражданской сферах. Более того, это был период высшего напряжения всей социальной системы, всего народа (отсюда, собственно, и апелляция к «отечественной» или «народной» войне). Это означало включение всех механизмов социального управления, не только в рамках формальных институтов, но и в рамках иных, неформальных отношений, как управления, так и сетевого горизонтального социального взаимодействия. В таких условиях существенно возрастает роль неформального лидерства и авторитета, способного дублировать, страховать или даже полностью заменять формальные управленческие структуры, особенно в случае их физического устранения (гибель командования в бою, оккупация территорий и регионов страны) или затруднения действий (нарушение коммуникаций, окружение и проч.). В этой связи важными становятся вопросы ценностных оснований неформального лидерства, результативности и эффективности системы неформального управления с точки зрения формальных институтов, особенно в условиях доминирующего (авторитарного или даже тоталитарного) государства.

Неформальное управление как объект изучения социально-политическими науками

Неформальное управление как целостный феномен попало в поле зрения социальных и политических наук относительно недавно [4]. Специфика современного научного подхода к изучению этого феномена заключается в том, что он рассматривается как амбивалентное явление, способное оказывать как позитивное, так и негативное влияние на состояние формальных управленческих процессов, социальных отношений и господствующих моральных норм [1]. Это достаточно большой шаг вперед по сравнению с доминировавшим ранее представлением о том, что любые значимые социальные взаимодействия, особенно в сфере политики и государственного управления, должны происходить в рамках формальных институтов, а если они в них не укладываются, то должны быть стигматизированы, признаны нелегальными и далее – аморальными. Истоки такого подхода достаточно объяснимы – они связаны с попытками укрепления государственной бюрократии и борьбой с патримониальными практиками, существовавшими ранее и проявлявшимися в виде деструктивных социальных явлений клиентелизма, кронизма, непотизма и проч. [2, 3]. Считалось, что

в ходе демократического транзита и построения современного национального государства эти практики постепенно уйдут как из сферы политики и управления (государственного и корпоративного), так и из других сфер социальной жизни. Практика постколониального и постсоветского транзита, а также практика развитых западных демократий показала, что это не так [2, 3, 7]. Структуры и практики неформального управления имеют широкое распространение и связаны, скорее всего, с самой социальной природой человека.

Неформальное управление в России и постсоветских странах

Изучение неформального управления в России и в странах бывшего Союза в рамках социальных наук в настоящее время фокусируется только на постсоветском периоде и отчасти – на современном. Последнее важно для понимания того, каким образом неформальные структуры позволяли людям выживать в условиях чрезмерной регламентации советской системы (известный феномен, когда «в советских магазинах ничего не было, но на столах у советских людей было всё») [5]. Однако, к сожалению, пока катастрофически мало исследований о том, каким образом эти механизмы работали и работают в условиях войн и конфликтов, а также в среде военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов. Это представляется серьезным недостатком, так как оставляет без внимания значительную часть социальной жизни в условиях экстремальных ситуаций (войн, конфликтов, стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций), в том числе такие явления, как героизм, самопожертвование, служение, демонстрируемые личным примером, формирующие желаемые образцы поведения и моральный авторитет.

Неформальное управление в контексте военной истории

Говоря о страницах военной истории России, в том числе о подвиге солдат Брестской крепости, мы можем отметить недостаточную изученность неформальных механизмов управления во время Великой Отечественной войны. Помимо нормативных требований приказов была масса примеров личного мужества, самоорганизации военнослужащих во время гибели командиров, окружения, в плену и концентрационных лагерях. Такие модели поведения вызывали воодушевление, формировали авторитет как самих героев, так и соответствующего поведения, которое можно охарактеризовать в терминах служения. Без этих примеров не было бы такого воодушевления и слаженной работы на низовом уровне управления: в армии, в тылу, во всех сферах общественной жизни. Конечно, важно изучать и мотивы такого поведения, влияние государственной пропаганды, но вряд ли можно отрицать, что идеал служения был важнейшей и наиболее привлекательной моделью поведения, разделявшейся значительной частью жителей страны и становившейся основой неформального авторитета и управления в эти сложные годы.

Актуальные проблемы

К сожалению, эти вопросы сейчас мало изучаются в контексте именно неформального управления. Есть отдельные исследования, посвященные проблемам воспитания военнослужащих, подготовки сотрудников правоохранительных органов, но они фокусируются только на отдельных моментах, связанных в основном с внедрением определенных нормативных ценностей, и не дают полной картины того, какие неформальные механизмы воздействуют на реальные управленческие процессы, как они содействуют формальным институтам или снижают их эффективность [6]. Ярким примером амбивалентности неформальных управленческих меха-

низмов является «дедовщина». Возникшая еще в дореволюционной России как явление неформальной самоорганизации сначала воспитанников кадетских и военных училищ, а затем в Красной и Советской Армии как инструмент содействия реализации власти командиру, она достаточно быстро вышла из-под контроля и приобрела совершенно аморальные черты, прежде всего как раз из-за подмены ценностей, положенных в ее основу: вместо служения, подвига и самоотверженности – эгоизм, насилие и эксплуатация [8]. Самое интересное, что механизмы действия этих инструментов были точно такими же. При этом из-за нехватки научного инструментария исследования этих явлений, борьба с ними была чудовищно неэффективной, а сами эти явления очень сильно разлагали вооруженные силы и подрывали доверие к ним. Именно тогда стало доминировать упрощенное противопоставление «неуставных отношений» и отношений «по уставу».

Вопрос о ценностях, положенных в основу, – очень важный. В Российской империи это, безусловно, были религиозные ценности. В советское время – новый набор ценностей идеологического характера. Как видим, они могут меняться, но важно, насколько они разделяются субъектами неформальной власти. Этих данных у нас, к сожалению, сейчас не хватает, хотя жизнь ставит все новые вызовы, в том числе перед сотрудниками правоохранительных органов, например, при противодействии уличным беспорядкам и проч.

Задача современной социальной науки – собрать имеющиеся эмпирические данные и изучить этот опыт для его возможного применения в наши дни.

Литература и источники

1. Baez-Camargo, C. Where does informality stop and corruption begin? Informal governance and the public/Private crossover in Mexico, Russia and Tanzania / Baez-Camargo, A. Lebedeva // Slavonic and East European Review – 2017. 95 – (1). – P. 49–75. Made of access: <https://edoc.unibas.ch/65764/>

2. Erdmann, G. Neopatrimonialism reconsidered: Critical review and elaboration of an elusive concept/G. Erdmann, U. Engel // Commonwealth & Comparative politics, 2007. – 45(1).

3. Fisun, O. Rethinking post-Soviet politics from a neopatrimonial perspective / O. Fisun [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/280882953_Rethinking_post-Soviet_politics_from_a_neopatrimonial_perspective . – Дата обращения: 01.09.21.

4. International Handbook on Informal Governance / Ed. by Christiansen T., Neuhold C. – Northampton, 2013.

5. Ledeneva, A. Russia's practical norms and informal governance: the origins of endemic corruption. – A. Ledeneva // 2013. – Social research [Electronic resource] – 80(4) https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1421771/3/Ledeneva_Russia's%20Practical%20Norms%20and%20Informal%20Governance%20The%20Origins%20of%20Endemic%20Corruption%20from%20computer.pdf. – Data of access: 01.09.21.

6. Беляков, А. П. Духовно-нравственные основы воспитания военнослужащих – актуальная проблема современности / А. П. Беляков // Научное мнение. – 2015. – № 1–2. – С. 64–70.

7. Карл, Т. Л. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) / Т. Л. Карл, Ф. Шмиттер. – Полис. – 2004. – № 4. – С. 6–27.

8. Солнышков А. Ю. Искажения в понимании армейской дедовщины, их причины и практические следствия / А. Ю. Солнышков // Социологические исследования – 2009. – № 12. – С. 108-116.

Гронский А. Д., кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный со-

трудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, заместитель председателя Синодальной исторической комиссии Белорусской Православной Церкви

Gronsky A. D., candidate of historical sciences, associate professor, leading research fellow, National Research Institute of World Economy and International Relations named after Ye.M. Primakov, Russian Academy of Sciences; deputy chairman, Synodal Historical Commission, Belarusian Orthodox Church.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ВОЙНА ЛОЗУНГОВ ДНЯ ПОБЕДЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ HISTORICAL MEMORY AND THE WAR OF VICTORY DAY SLOGANS IN THE POST-SOVIET SPACE

В статье рассматривается проблема функционирования исторической памяти в обществе. Анализируются механизмы передачи исторической памяти. Обращается внимание на контроль памяти с помощью школьных учебников и отношения к памятникам. Исследуется проблема противостояния лозунгов, которые актуализируются в период празднования Дня Победы: лозунг «Можем повторить» (и его вариант «Если надо, повторим»), а также лозунг «Никогда снова» (вариант: «Никогда больше»). Обращается внимание, что первый лозунг в обоих вариантах появился в среде участников войны, т. е. он сформулирован людьми, понимавшими, что такое война. Второй лозунг сформулирован как стремление Германии к тому, чтобы не повторилось геноцида, случившегося во время Второй мировой войны.

The article deals with the problem of the functioning of historical memory in society. The mechanisms of transmission of historical memory are analyzed. Attention is drawn to the control of memory with the help of school textbooks and attitudes to monuments. The problem of the confrontation of slogans that are actualized during the celebration of Victory Day is investigated: the slogan « We can repeat» (and its variant «If necessary, we will repeat»), as well as the slogan «Never again». Attention is drawn to the fact that the first slogan in both versions appeared among the participants of the war, i.e. it was formulated by people who understood what war is. The second slogan is formulated as Germany's desire to ensure that the genocide that occurred during the Second World War does not happen again.

Ключевые слова: историческая память, история, Великая Отечественная война, «Можем повторить», «Если надо, повторим», «Никогда снова/больше».

Keywords: historical memory, history, the Great Patriotic War, «We can repeat», «If necessary, we will repeat», «Never again/more».

Вряд ли стоит доказывать то, что представление о прошлом у разных людей или человеческих коллективов различаются. Этому способствует множество факторов. Люди могут обладать различным опытом, быть активными участниками того или иного события или вообще находиться вдали от эпицентра события, какое-то событие может просто пройти мимо сознания человека. Также на оценку прошлого влияют идеологические предпочтения того или иного человека и т. д.

Однако прошлое это не только то, что человек пережил лично. Личное прошлое крайне коротко в сравнении с историческим прошлым, в котором каждый конкретный человек не жил. И если не такое далекое прошлое, в котором конкретный человек не жил, может познаваться по рассказам еще живых очевидцев старшего возраста, которые были непосредственными участниками событий или хотя бы жили в то время, то более отдаленные периоды не имеют жи-

вущих очевидцев в силу временной ограниченности человеческой жизни. Историческое прошлое отнесено от современности на многие столетия и даже тысячелетия, в зависимости от того, что считать историческим прошлым, а также в зависимости от того, какое историческое прошлое должно быть осознано: региона, государства, населенного пункта и т. д. В этом случае ни опыт, ни активное участие в событиях не помогут осознать то, что произошло, например, 600 лет назад. Однако люди знают о событиях давно ушедших эпох. В этом случае в дело вступает историописание и историческая память. Однако научные книги по истории далеко не всем будут понятны, т.к. они пишутся специалистами для специалистов. Для широкого круга читателей существует научно-популярная литература, музеи, школьные учебники, кино, литература и другие виды искусства, отражающие исторические сюжеты и т. д. Все эти направления постижения истории обладают большей или меньшей субъективностью, поскольку главной задачей для них является не поиск истины как таковой, а передача впечатлений, создание некой картины прошлого, которая должны восприниматься более-менее эмоционально и даже односторонне.

Для управления населением того или иного государства у различных политических сил существуют разнообразные наборы методов. Одним из них является контроль над образом прошлого. Прошлое становится известным ныне живущим поколениям не столько по научным исследованиям (которые не всем понятны, известны и доступны), сколько по информации, содержащейся в школьных учебниках истории, музейных экспозициях, рассказам пожилых родственников, семейным легендам и т. д. Одним словом, обычный человек осознаёт историю не в строго научном её варианте, а в её «народной» версии. Которая, естественно, представлена упрощённо. Стоит понимать, что научные исследования также не всегда соответствуют реальности, т. к. учёные получают финансирование или от государства, или от заинтересованных политических сил. А это отражается на качестве исследования и оценочных суждениях исследователей. Содержание школьных учебников или музейных экспозиций также идеологично. Оно контролируется заинтересованными политическими силами и представляет официальную версию истории, если учреждения государственные. Частные музеи или частные школы могут создавать свои версии экспозиций и учебников, не контролируемых государством, но представляющие прошлое в свете интересов какой-нибудь альтернативной политической силы. Школа и музей, таким образом, формируют представления о прошлом. Это отмечали и исследователи. Например, французский историк Марк Ферро писал: «Не нужно себя обманывать: образ других народов или собственный образ, который живёт в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории. Это запечатлевается на всю жизнь. Для каждого из нас это открытие мира, открытие его прошлого, и на сложившиеся в детстве представления впоследствии накладываются как мимолётные размышления, так и устойчивые понятия о чём-то. Однако то, что удовлетворяло нашу первую любознательность, побуждало наши первые эмоции, остаётся неизгладимым» [19, с. 8]. А немецкая исследовательница Алейда Ассман уточняла: «Лишь то, что выставлено в музеях, воплощено в памятниках и попало в школьные учебники, обретает шанс на передачу следующим поколениям» [4, с. 16]. Но на учебники, музеи и памятники

оказывают влияние те или иные политические силы. Стоит вспомнить хотя бы декоммунизацию на территории Украины, которая началась с 2014 г. и превратилась сначала в «ленинопад» – разрушение памятников Ленину, а потом в ликвидацию других памятников, отражающих советскую эпоху. В запале борьбы с советским монументальным наследием случались и казусы. Так, в рамках декоммунизации в 2015 г. в Одессе был демонтирован памятник внуку Николая I великому князю Константину Константиновичу, создавшему в Одессе кадетский корпус [8]. Памятник был поставлен во дворе бывшего кадетского корпуса в 1999 г. Великий князь Константин Константинович не имел к коммунистам никакого отношения, т. к. он умер в 1915 г., т. е. ещё до событий Октябрьской революции, но, тем не менее, его монумент попал под декоммунизацию.

Управление прошлым хорошо заметно по школьным учебникам. Образ того или иного исторического периода подается согласно актуальной на момент написания учебника исторической концепции собственного прошлого. Это легко проверить, сравнив, например, каким образом подавалась информация о Великом княжестве Литовском в ученике «История БССР», изданном в 1978 г. [1, с. 30–41] и учебнике «История Беларуси» за 6 класс, изданном в 2016 г. [7, с. 61–135]. Информация о Белорусской народной республике состояла в учебнике «История БССР» всего лишь из одного предложения: «Эта небольшая группка заклятых врагов рабочих и крестьян [речь о «белорусских буржуазных националистах» – А. Г.] объявила в условиях немецкой оккупации о создании так называемой “Белорусской народной республики”, да еще назвала эту несуществующую “республику” независимой» [1, с. 158]. В учебнике «История Беларуси. XX век», изданном в 1992 г. отношение к БНР уже не слишком критичное. Ей посвящено несколько страниц [6, с. 121–123]. В 1993 г. в учебнике «Гісторыя Беларусі» для 9 класса двое из трех авторов предыдущего учебника посвятили истории БНР также несколько страниц, но информация была уже представлена сугубо положительно [17, с. 17–20]. Позже объем информации о БНР стал сокращаться, но не слишком сильно, снова появились указания на несостоятельность БНР как суверенного государства, но это преподносилось более-менее мягко и некритически. Однозначных заявлений, подобных тем, которые содержались в учебнике 1978 г. уже не использовалось [См.: 18, с. 20–24; 10, с. 108–111; 15, с. 16–18; 9, с. 25–26].

Таким образом, по содержанию учебников можно проследить, каким образом политика контролирует и корректирует предоставление информации об историческом прошлом. А вот рассказы родственников-очевидцев или семейные легенды ни власть, ни политическая оппозиция полностью контролировать не в состоянии. В итоге, если государство или иные политические силы формируют собственную версию истории, она может не совпадать и даже противоречить «народной» версии. В этом случае получается, что политическая сила и общество «помнят» разные версии одной и той же истории. Возникает борьба за презентацию своего взгляда на то, «как было на самом деле», за собственную версию исторической памяти. Не всегда историческая память, транслируемая политическими силами, в том числе и государством, совпадает с исторической памятью народа. Если для народа историческая память относительно естественна, т. е. она в малой степени подвергается идеологической обработке, то для политических сил необходима конкретная версия исторической памяти, оправ-

дывающая их право на политическое доминирование или хотя бы на существование данной политической силы. Поэтому историческая память подвергается коррекции.

Исторической памятью учёные заинтересовались лишь в XX в. Сначала она представлялась как противопоставление исторической науке. Историческая наука базируется на выверенных научных методологиях, для понимания проблемы широко применяет различные исторические источники, рассматривает различные точки зрения и в конце концов приходит к некоему объективному выводу.

Историческая память не опирается на источники и научные методологии, она существует в виде семейных преданий, жизненных историй, рассказов очевидцев и т. п. Историческая память не рассматривает ситуацию с разных точек зрения и вообще не стремится к объективности, она стремится к передаче впечатления о событии. Поэтому историческая память более эмоциональна, чем любое научное исследование. Историческая память передаёт знания о прошлом, полученные не путём сравнения различных источников, а путём собственного прочувствования ситуации или пересказа того, что чувствовали её непосредственные участники.

Таким образом, учёные разграничивали объективную историческую науку и субъективную историческую память, утверждая, что историческая наука создаёт точные представления о реальности прошлого, а историческая память формирует эмоциональное отношение к прошлому. Однако в последнее время учёные стали относиться к исторической памяти гораздо благожелательнее. Например, историческая память о немецкой оккупации периода Великой Отечественной войны в своём отношении к событию в целом совпадала с выводами учёных, использовавших для выяснения истины многочисленные исторические источники. Поэтому постепенно историческая память перестала рассматриваться как противовес историческому знанию, а стала его дополнять там, где это было возможно.

Память о войне является наиболее укорененной в человеческом сознании, потому что война даёт множество примеров подвига и трагедии, к которым у человека формируется эмоциональное отношение. Большие войны, продолжавшиеся длительное время, остаются в памяти. В памяти могут остаться и краткосрочные войны, если они явили обществу яркие примеры трагедии или героизма. При этом зачастую в коллективной памяти народа остаются не столько сами войны, сколько их отдельные эпизоды. Например, говоря о русско-японской войне 1904–1905 гг., российское общество вспомнит в первую очередь бой крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с японской эскадрой. Практически никто не вспомнит, что это сражение называлось боем у Чемульпо. Остальные же эпизоды войны, даже Цусимское сражение или оборона Порт-Артура, останутся в тени воспоминаний, хотя примеров героизма русских моряков и солдат в этих сражениях также достаточно, но они уступают по эмоциональному отклику бою у Чемульпо.

С Великой Отечественной войной ситуация иная. Война была настолько масштабной, что затронула практически всех. При этом она представляла собой и многочисленные образцы героизма, которые начали появляться с самого начала войны. Вспомним хотя бы оборону Брестской крепости. Во время этой

войны случилась огромная трагедия, которая направлялась нацистской идеологией о неполноценных народах и оставила серьезный след в исторической памяти населения, попавшего под оккупацию. Так что эмоциональный след от переживаний войны оказался очень глубоким. Но осмысление тех событий пришло позже. Сразу после войны были другие заботы, связанные с восстановлением разрушенных населенных пунктов, налаживанием мирной жизни. Люди, общаясь друг с другом, рассказывая о своих военных переживаниях, понимали, что не только они, но и остальные переживали эту войну примерно одинаково. В обществе сложился консенсус, в котором государство не могло принять серьезного участия, потому что и без государства люди имели похожие суждения о событиях недавнего прошлого. Память о войне начала широко отражаться в творчестве. Фильмы и книги, описывающие события войны, снимались и писались теми, кто войну видел собственными глазами. Многие зрители и читатели также знали о войне не понаслышке и видели в произведениях творческую подачу исторической правды. Кстати, подавляющее большинство песен, которые иногда называют военными, написано после войны.

С течением времени поколение участников войн старело и уходило. Знания о войне все больше черпались не от непосредственных участников событий, а из пересказов их родственников, уже не заставших войну. А потом наступит время, когда не останется даже тех, кто слышал рассказы участников событий.

Исчезновение СССР, который был победителем в войне, спровоцировало желание начать пересмотр итогов Второй мировой войны. Сложная социально-экономическая ситуация периода «перестройки» и первых постсоветских лет негативно повлияла на выполнение социальных гарантий в отношении пожилых людей, в том числе и ветеранов. Их ряды стали меньше. На май 2021 г. в России в живых было около 68 000 непосредственных участников боевых действий, а всего лиц, которые приравнены к ветеранам (труженики тыла, блокадники, узники концлагерей, инвалиды войны), было немногим более 1 000 000 человек. На Украине в живых в первой половине 2021 г. оставалось примерно 30 000 участников боевых действий, в Беларуси – 7 000, в Казахстане – 2 000. Всего на постсоветском пространстве без учета России в 2021 г. проживало 46 000–47 000 участников боевых действий и около 1 000 000 лиц, приравненных к ветеранам [13]. Если несколько десятков лет назад школьники могли услышать о событиях Великой Отечественной войны из уст самих ее участников, то во втором десятилетии XXI в. такая возможность стремительно исчезает.

На этом фоне начали появляться попытки переформатировать историческую память под текущие политические и идеологические нужды. В начале XXI в. на постсоветском пространстве столкнулись два лозунга, которые касались войны: «Можем повторить» (вариант: «Если надо, повторим») и «Никогда снова» (вариант: «Никогда больше»). Второй лозунг актуализировался в ответ на первый в качестве альтернативы. Сторонники второго лозунга воспринимают слова «Можем повторить!» как символическую агрессию или угрозу. Однако данное восприятие можно отнести на счет интерпретации конкретных людей или групп. В частности, российский телеведущий В. В. Познер объяснил знакомому французу смысл лозунга так: «Есть такой контингент людей у нас, которые спят и видят, чтобы была война. И они, те, которые не имеют никакого опыта войны, которые вообще ее не

испытали, потому что те, кто испытал, они бы прокляли тех, кто так говорит. Так вот они, ссылаясь на прошлую войну, как бы грозят противнику. “Можем повторить!” – то есть готовы снова потерять почти тридцать миллионов человек, готовы на то, чтобы еще десятки миллионов стали калеками, чтобы миллионы детей выросли сиротами или без отцов, чтобы тысячи наших сел и городов были снесены с лица земли, чтобы наша страна была отброшена на несколько десятилетий – все это мы “Можем повторить!”» [11]. Т. е. В. В. Познер считает, что «те, кто испытал, они бы прокляли тех, кто так говорит».

Однако лозунг «Можем повторить» не появился в XXI в. «Выражение “Можем повторить” стало известным после того, как один из советских солдат оставил надпись на основании колонны фасада Рейхстага в мае 1945 года. Она была многократно запечатлена на фото и кинохронике. Предположительно, надпись была сделана мелом, она не сохранилась. Автор ее неизвестен.

Полный текст надписи: “За налеты на Москву, за обстрел Ленинграда, за Тихвин и Сталинград. Помните и не забываете. А то можем и подовторить”. Подовторить – это диалектное слово, характерное для псковской группы говоров, оно означает одновременно “подтвердить” и “повторить”. Это может служить указанием на то, что автор фразы был родом из-под Пскова» [16].

Таким образом, «Можем повторить» – это как раз фраза тех, кто «испытал» войну лично. Вообще, на Рейхстаге можно было увидеть не только «Можем подовторить», а еще фразы, которые вызвали бы у части общества обвинения в символической агрессии. Например, «Получайте за нашу Родину» или «Гансы и Фрицы, вы это никогда не забудете! А если надо мы придем еще!» [5]. В последней фразе, кстати, тоже прочитывается повторение, но это не бравада, это повторим, «если надо». Да и «подовторить», исходя из надписи на Рейхстаге, мы можем не беспричинно, а за то, что противник забудет, что он делал на территории Советского Союза.

В немного измененной форме, но с тем же смыслом «Если надо – повторим» фраза появилась в популярной песне в вышедшем в 1955 г. фильме «Максим Перепелица»: «Пусть враги запомнят это: / Не грозим, а говорим. / Мы прошли с тобой полсвета. / Если надо – повторим». И в этом случае есть четкое указание на то, что «не грозим, а говорим», т. е. фраза – это не угроза, а предупреждение. Текст этой песни был написан М. А. Дудиным, который также имел непосредственное отношение к войне – он был не только ветераном, но и блокадником. Вряд ли бы человек, прошедший такие испытания во время войны, стал бы бравировать словами. Более того, именно слова М. А. Дудина высечены на фризах пропиленов Пискаревского кладбища, где бравада вообще не уместна. Любители всюду видеть символическую агрессию, могут в качестве таковой интерпретировать и фразу М.А. Дудина на Пискаревском кладбище: «Бессмертная слава героев умножится в славе потомков» [14]. Ведь слава героев умножится в славе их потомков, значит потомки должны повторить. Видимо, дело в том, что идеологические взгляды, социальный опыт и многие другие характеристики не позволяют части общества воспринимать фразы с тем смыслом, который в них вкладывали авторы. Как указывает группа российских исследователей, «новые перформативные практики и обслуживающие их символы становятся причиной конфликтов, потому что коммуниканты вкладывают в одни и те же практики

разные смыслы» [3, с. 108]. Однако, как выяснили исследователи, лозунг «Если надо, повторим» «разделяли представители всех социальных групп» [2, с. 35–36]. Лозунг «Можем повторить» кто-то и использует ради бравлады. Но в данном случае это некорректная интерпретация естественной сути лозунга, которая прочитывается в надписи на стене Рейхстага или в песне на слова М. А. Дудина.

В качестве противопоставления лозунгу «Можем повторить» возник лозунг «сторонников противоположного дискурса» – «Никогда больше». Как указывают исследователи, наклейка с этим лозунгом оказалась не очень популярной [3, с. 101–102]. И дело здесь не в какой-то символической агрессии общества, а в самом восприятии Дня Победы. «Мы победили. Можем повторить» звучит вполне логично, но «Мы победили. Никогда снова» уже вызывает странные чувства. Тем более, что лозунг «Никогда больше/снова» имеет специфическую нагрузку. Он связан с тем, что «послевоенная Германия прошла достаточно долгий путь к общественному консенсусу “Никогда больше!”, т. е. к модели, считающейся сегодня образцовой для обществ, несущих историческую ответственность за геноцид не на уровне биографической памяти, а на уровне принадлежности к национальной идентичности» [12, с. 75]. Таким образом, «Никогда больше» или «Никогда снова» – это лозунги «обществ, несущих историческую ответственность за геноцид».

Красная армия не практиковала геноцид немцев, поэтому в исторической памяти нет чувства коллективной вины за знамя Победы над Рейхстагом или надписи на нем. Тем не менее, именно лозунгом «Никогда снова», навязывающим чувство вины, пытаются заменить лозунг «Можем повторить».

Литература и источники

1. Абецедарский, Л. С. История БССР: Учебник для учащихся средней школы / Л. С. Абецедарский, М. П. Баранова, Е. Г. Павлова. – Изд. 4-е. – Минск: Народная асвета, 1978. – 288 с.
2. Артамонова, Ю. Д. К вопросу о механизмах исторической памяти / Ю. Д. Артамонова // Вестник славянских культур. – 2018. – Т. 48. – С. 29–40.
3. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы / А. Архипова [др.] // Антропологический форум. – 2017. – № 33. – С. 84–122.
4. Ассман А., Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
5. Берлин. Рейхстаг. 1945 год. Исторические фотографии // Живой журнал Любови Сапожниковой. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://100decor-ls.livejournal.com/1061.html>. – Дата обращения: 16.06.2021.
6. Бич, М.О. История Беларуси. XX век: учеб. пособие для 10–11-х кл. сред. шк. / М. О. Бич, В. Н. Сидорцов, В. М. Фомин; Под ред. В. Н. Сидорцова. – Минск : Народная асвета, 1992. – 352 с.
7. Бохан, Ю. Н. История Беларуси с древнейших времен до конца XV в.: учеб. пособие для 6-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения: в 2 ч. / Ю. Н. Бохан, С. Н. Темушев. – Ч. 2. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – 146 с.
8. В Одессе снесли памятник Константину Романову из императорской семьи // Голос правды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://golospravdy.eu/v-odesse-snesli-ramyatnik-konstantinu-romanovu-iz-imperatorskoj-semi> – Дата обращения: 16.06.2021.
9. История Беларуси, XIX – начало XXI в.: учеб. пособие для 11-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / Под ред. А. В. Касовича, А. П. Соловьянова. – Минск: Изд. центр БГУ, 2021. – 240 с.
10. История Беларуси, XIX – начало XXI в.: учебное пособие для 11-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения; под ред. Е. К. Новика; пер. с белорус. яз. Н.С. Макаревич. – Минск : Изд. центр БГУ, 2009. – 239 с.
11. История песни. Есть такие слова: «Если надо повторим!» [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <https://123ru.net/moscow/205059342>. – Дата обращения: 16.06.2021.

12. Махотина, Е. А. Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: новые направления memory studies в Германии / Е. А. Махотина // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко – М.-СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 75–92.

13. Названо число живых участников войны в России и странах СНГ [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2021/05/05/naz-vano-chislo-zhivykh-uchastnikov-voyny-v-rossii-i-stranakh-sng.html> – Дата обращения: 14.06.2021.

14. Память о блокаде в камне и в стихах [Электронный ресурс] // Вокруг книг. Блог Центральной библиотеки им. А.С. Пушкина г. Челябинска. – Режим доступа: https://vokrug-knig.blogspot.com/2021/01/blog-post_51.html. – Дата обращения: 16.06.2021.

15. Панов, С. В. История Беларуси, 1917 г. – начало XXI в.: учеб. пособие для 9-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / С. В. Панов, В. Н. Сидорцов, В. М. Фомин; пер. на рус. яз. О. Р. Ермакович, В. М. Иванова. – Минск: Изд. центр БГУ, 2019. – 180 с.

16. Путин заявил, что Россия ответит любому агрессору так же, как СССР фашистам [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/7933423>. – Дата обращения: 16.06.2021.

17. Сідарцоў, У. Н. Гісторыя Беларусі: 1917–1992: вучэб. дапам. для 9-га кл. сярэд. шк. / У. Н. Сідарцоў, В. М. Фамін. – Мінск: Народная асвета, 1993. – 319 с.

18. Тращанок, Я. І. Гісторыя Беларусі: (кастрычнік 1917 г. – пачатак XXI ст.): вучэб. дапаможнік для 11-га кл. агульнаадукац. устаноў з бел. мовай навучання / Я. І. Тращанок, А. А. Вараб'еў; пад рэд. Я. І. Тращанка. – Мінск: Народная асвета, 2009. – 175 с.

19. Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира: пер. с фр. / М. Ферро. – М.: Высшая школа, 1992. – 350 с.

Загорнов А. А., кандидат исторических наук, доцент Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина

Zagornov A. A., Candidate of Historical Sciences, Docent Brest State University named after A. S. Pushkin

СЛАВЯНЕ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ВОЙНЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В ОЦЕНКЕ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО SLAVS AND EUROPEAN WARS THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY IN THE ASSESSMENT OF N.Y. DANILEVSKY

Статья посвящена отражению в политической публицистике Н. Я. Данилевского идеи единения славян в контексте европейских военных конфликтов второй половины XIX века. Отмечено, что ученый интерпретирует франко-прусскую войну 1870–1871 гг. и русско-турецкую войну 1877–1878 гг. в русле своей теории культурно-исторических типов, где славянский тип на основе православия имеет перспективы для наиболее полной реализации. Процесс объединения славянских народов определяется им как условие сохранения идентичности. В рассматриваемых работах Н. Я. Данилевский подчеркивает, что противостояние России и Европы исторически обусловлено и будет продолжаться в будущем. Сделан вывод об актуальности идеи славянского единства в сложной геополитической ситуации XXI века.

The article is devoted to the reflection in the political journalism of N.Y. Danilevsky of the idea of the unity of the Slavs in the context of European military conflicts of the second half of the XIX century. It is noted that the scientist interprets the Franco-Prussian war of 1870–1871 and the Russian-Turkish war of 1877–1878 in line with his theory of cultural and historical types, where the Slavic type based on Orthodoxy has prospects for the most complete implementation. The process of unification of the Slavic peoples is defined by him as a condition for preserving identity. In the works under consideration, N.Y. Danilevsky emphasizes that the confrontation between Russia and Europe is historically conditioned and will continue in the future. The conclusion is made about the

relevance of the idea of Slavic unity in the complicated geopolitical situation of the XXI century.

Ключевые слова: славяне, военные конфликты, идентичность, единство.

Keywords: Slavs, military conflicts, identity, unity.

Войны, представляющие собой форму социального конфликта, организованной вооруженной борьбы между государствами, можно рассматривать и как разрешение противоречий цивилизационного характера.

В этом контексте интерес представляют работы известного русского мыслителя Н. Я. Данилевского, написанные во второй половине XIX века и посвященные противостоянию Европы и России, а также определению места славян как особой группы народов в мировом сообществе. Будучи ученым-биологом, Н. Я. Данилевский создал оригинальную концепцию общественного развития, в которой обосновывался цивилизационный поход к истории, выдвигалась идея культурно-исторических типов и критиковалась европоцентристская модель мира. Именно благодаря этой концепции он вошел в историю мировой социологии и политологии.

Ученый продуктивно интерпретировал общеславянские идеи в духе панславизма в рамках своей теории культурно-исторических типов с выделением славянского культурного типа на основе православия и отводя России ведущую роль в объединении славянских народов.

На данный момент Н. Я. Данилевский заслуженно признан одним из классиков геополитики, оказавшим сильное влияние, к примеру, на евразийскую геополитическую школу. Наряду с О. Шпенглером он признан основателем цивилизационного подхода к истории.

В 1865 году Н. Я. Данилевский начал писать свою самую известную историко-философскую книгу «Россия и Европа», которая впервые была напечатана в журнале «Заря» («почвеннической» ориентации) в 1869 году (№ 1–6, 8–10), а отдельным изданием в С.-Петербурге в 1871 году.

В своей книге Н. Я. Данилевский дает систему философии истории с позиции славянофила и панслависта. Он не признает единого линейного развития истории человечества. Основные положения Н. Я. Данилевского: нет единой человеческой истории, а есть череда сменяющих друг друга цивилизаций, проходящих в своей истории детство, зрелость и дряхлость. Все цивилизации реализовывались в какой-нибудь одной из четырех сферах: религиозной, культурной, политической или экономической, и только в славянской. Н. Я. Данилевский надеялся на осуществление четырехосновного культурно-исторического типа.

Публицистическая деятельность Н. Я. Данилевского связана с событиями второй половины XIX столетия, центральное место среди которых занимают франко-прусская война 1870–1871 гг. и русско-турецкая война 1877–1878 гг. В политической публицистике выделим несколько значительных статей – «Россия и франко-германская война. Дополнение к книге «Россия и Европа» (1871 г.), а также «Война за Болгарию» (1877–1878 гг.) и «Горе победителям!» (1879 г.), представляющих собой серьезное аналитическое исследование геополитических столкновений указанного времени. Сразу следует отметить, что они во многом предвосхищали современную политическую ситуацию, развивающуюся уже с учетом процесса глобализации, но несущую в себе следы противоречий прошлого.

Большая статья «Россия и франко-германская война», имеющая подзаголовок «Дополнение к книге «Россия и Европа», была опубликована (как и ранее книга «Россия и Европа») в славянофильском журнале «Заря» в январе 1871 г. [1, с. 14]. В европейских конфликтах Н. Я. Данилевский призывал следовать политической конъюнктуре, если делается «шаг вперед к освобождению и объединению Славянства» [1, с. 14]. Он определял определяющую роль русского государства в освобождении славян «из-под немецкого, из-под мадьярского и из-под турецкого гнета» [1, с. 19]. Для того, чтобы в последующем способствовать политическому объединению славянства, «дабы доставить тем и себе, и ему достаточную силу сопротивления против всяких грядущих политических невзгод» [1, с. 19–20]. При этом, отмечал автор, следует учитывать, что европейские страны (прежде всего Англия) «постараются, при всяком удобном случае, вредить нам, чтобы препятствовать исполнению этой нашей исторической задачи» [1, с. 20].

Говоря о текущих острых противоречиях Германии и Франции, Н. Я. Данилевский утверждал, что «немного прошло бы времени, как они готовы бы были соединиться на общей для них почве Европейских или Германо-Романских интересов против Славянства и России» [1, с. 34].

Согласно концепции ученого, Россия должна была играть основную роль в объединении славян. Так, он отмечал, что «Россия остается в глазах всех Славян, не потерявших не только политического, но и просто здравого смысла, единственным якорем их спасения, единственной их путеводной звездой. Никто кроме России не может их избавить от немецкого наплыва, никто кроме Славян не может и России доставить постоянных пособников против немецких стремлений, которые не замедлят обнаружиться с такою яростью, что могут продолжать оставаться невидимыми только для слепорожденных» [1, с. 39]. И далее он отмечал, что в этих условиях сближение России «с прочими Славянами, и их с Россией, не может конечно не считаться благодетельным для обеих сторон» [1, с. 39].

Н. Я. Данилевский, в предверии мировых войн, до которых он не дожил, предвидел, что усилившаяся Германия «со всею яростью и очевидностью» выступит против русских интересов и «Россия принуждена будет выступить на защиту самых существенных своих интересов, нераздельных с интересами всего Славянства» [1, с. 40].

Русско-турецкая война оказала глубокое воздействие на ученого. В этой войне Н. Я. Данилевский увидел продолжение противостояния Европы и России. В его политической публицистике, посвященной данной войне, выделим две значительных статьи – «Война за Болгарию» (1877–1878 гг.) и «Горе победителям!» (1879 г.).

В обширной статье «Война за Болгарию», публиковавшейся в ряде номеров периодического издания «Русский мир» в 1877–1878 гг. и посвященной русско-турецкой войне, Н. Я. Данилевский продолжил и развил идеи о противостоянии России и Европы. Он, например, отмечал, что «где только идет дело об отношениях Европы к России, там нет и речи о справедливости, равноправности, беспристрастности» [1, с. 57].

Русско-турецкая война, где сербский вопрос занимал важнейшее место, ста-

ла серьезным испытанием для всей государственной системы Российской империи. Однако поддержка Сербии, «естественного союзника России» [1, с. 128], имела не только стратегическое, но и духовное значение. Поэтому грядущие тяжести войны не остановили решение российского императора поддержать единоверцев на Балканах в борьбе за независимость.

Эта война, как подчеркивал Н. Я. Данилевский, «есть первое сознательное действие Русского народа и Русского государства во имя освобождения порабожденного Славянства. Это высокое значение останется за ней во всяком случае, независимо даже от самого ее успеха» [1, с. 41].

Европейские страны заняли в целом выжидательную позицию. Как писал современник: «При ужасной вести об изнасилованиях, убийствах, истязаниях стариков, женщин, детей, у Европы не вырвался вопль негодования, который, заглушив мнимый и лживый политический расчет, заставил бы ее встрепенуться, броситься на помощь несчастным...» [1, с. 50].

Успехи турецких войск в 1876 г. привели к активизации действий правительства Российской империи по защите сербского народа. Как отмечал Н. Я. Данилевский, сербы подняли дух русского народа [1, с. 46].

Миллионы рублей и тысячи добровольцев, посланные российским народом, «дали возможность осуществиться героическому порыву сербского народа» [1, с. 92].

Западноевропейские страны заняли четкую антироссийскую и антиславянскую позицию после завершения русско-турецкой войны. Поэтому содержание Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора и Берлинского трактата столь существенно отличались друг от друга. «Не с точки зрения человеколюбия, свободы, справедливости требуют они пересмотра русско-турецких мирных условий, а с точки зрения нарушенных будто бы общеевропейских интересов именно этими освободительными мирными условиями», – писал в апреле 1878 г. Н. Я. Данилевский [1, с. 119].

В заключение статьи он отмечал, что «...дело в том, что Европа никогда не станет за Россию против кого-бы то ни было из своих, особенно в вопросе касающемся Славянства. Справедливость и человеколюбие, свобода и право народностей, о которых так много кричат в другое время, – отступают здесь на второй, третий план, и даже утрачивают всякое значение» [1, с. 133].

В следующей статье «Горе победителям!», опубликованной в 1879 г. в «Русской речи» и носящей теоретический характер, Н. Я. Данилевский делает обобщения, которые выходят за рамки истории и носят геополитический характер. Известный русский философ, литературный критик и публицист Н. Н. Страхов даже назвал ее лучшей политической статьей XIX века на русском языке [1, с. 8].

Н. Я. Данилевский, делая экскурс в историю международных отношений, отмечал, что внешняя политика Российской империи с конца XVIII века была включена в орбиту западноевропейских интересов, что позволило решать многие конфликты, используя российскую армию и ресурсы, а окончательные результаты их разрешения при активных усилиях европейской дипломатии фиксировались не в ее пользу. Он писал, что в «течение XIX столетия Россия вела 12 внешних войн с европейскими государствами, из коих семь были предприняты, как мы это показали выше, в интересах ей совершенно

чуждых и даже враждебных. Само собою разумеется, что такое бесплодное напряжение сил не могло привести к благоприятным последствиям. Наружным, видимым выражением этой политики было то, что приобретения России в это время ограничились лишь одним Царством Польским, настоящим ящиком Пандоры, приведшим Россию уже к двухкратной внутренней войне и к усилению польского элемента в западных губерниях. Без этого пагубного приобретения, центр Польских волнений находился бы в Пруссии, или Австрии, а западные губернии продолжали бы русеть, как во времена Екатерины» [1, с. 181].

Дополняя концепцию, изложенную в книге «Россия и Европа», автор писал, что «антагонизм Европы и России не только сохранится по-прежнему, но будет все возрастать и возрастать, – по мере возрастания внутренних сил России, по мере пробуждения и уяснения народного сознания, как русского, так и других славянских народов» [1, с. 168].

Обосновывая высокую идею освобождения братьев по вере в ходе русско-турецкой войны, Данилевский отмечал, что «народные влечения основаны на более прочном фундаменте, чем вчерашние, сегодняшние или завтрашние биржевые или дипломатические воззрения» [1, с. 168].

Русско-турецкая война, хотя и завершилась победой, оставила горький осадок у российского и сочувствующего ему общественного мнения славянских стран от заключенного 14 июля 1878 г. Берлинского трактата. Обоснованные ожидания балканских славян не оправдались и Н. Я. Данилевский предупредил, что в них они могут увидеть «бессилие России и будут обращаться за помощью уже не к ее силе, а к благорасположению Европы, что, впрочем, им и рекомендуется; и это благорасположение будет даваться им по мере их отчуждения от России» [1, с. 180].

Дело заключалось, скорее всего, в том, что общеевропейский интерес, который «длится с самого Венского конгресса и продлится еще долго ... состоит не в чем ином, как в противодействии России» [1, с. 190]. Н. Я. Данилевский неоднократно подчеркивал, что политическое единство Европы проявляется всякий раз, когда ее интересы сталкиваются с интересами России.

Как отмечал современник событий: «Отрицательные результаты, достигнутые русскою политикой, многим превзошли положительные, достигнутые русским военным искусством и русскою военною доблестью» [1, с. 137].

Если, например, «России и Славянству» нужно было полное освобождение сербского народа, то Европе нужно было «отрезать друг от друга две родственные части одного и того же племени: Сербию и Черногорию, вбив между ними австрийский клин» [1, с. 196].

Рассматривая печальные последствия Берлинского конгресса 1878 г., Н. Я. Данилевский писал, что если факт осознания антагонизма интересов Европы и России станет «нашим политическим догматом», то при всех материальных потерях война велась не напрасно [1, с. 174].

Именно политическим догматом Н. Я. Данилевский хотел видеть осознание русским обществом противоположности политических устремлений России и Европы. Такой подход, по его мысли, позволил бы сохранить Россию от перманентных неудач в отношении в Европой и проводить открытую русскую политику.

Завершая статью, он отмечал, что «интересы Славянства требуют правда не только свободы, но и единства; но оно явится, как необходимое, силою обстоятельств вынужденное следствие самостоятельности и свободы» [1, с. 192].

Таким образом, оценивая указанные войны второй половины XIX века, Н. Я. Данилевский выходит на уровень обобщений геополитического характера. В этом, во многом, заключается сохранение актуальности его работ. Политическое развитие славянских народов в XX веке показало, что надежды мыслителя на славянское единство в предложенной им форме так и остались нереализованными. Однако отметим, что рассуждения ученого о культурно-исторической самобытности и цивилизационном конфликте России и Европы, сделанные во второй половине XIX века, во-многом совпадают с реалиями современности. Сегодня уже сложно говорить, например, о целостности и единстве славянства, более того, антироссийская составляющая стала в последнее время расширяться в политической повестке не только западных, но и южных и даже у части восточных славян. В своих публицистических работах Н. Я. Данилевский, говоря о различии и противостоянии России и Европы в XIX веке, о важности единения и определения славян, пытается определить путь построения общего славянского мира.

Литература и источники

1. Данилевский, Н. Я. Политическая философия. Дополнения к книге «Россия и Европа» / Н. Я. Данилевский. – М. : Издательство «ФИВ», 2013. – 288 с.

Закунов Ю. А., кандидат философских наук, доцент, руководитель отдела наследования культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, (г. Москва).

Zakunov Yu. A., PhD, Associate Professor, Head of Department

Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D. Likhachev, (Moscow)

СВЯТОЙ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ КАК СИМВОЛ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ SAINT ALEXANDER NEVSKY AS A SYMBOL OF THE FORMATION OF RUSSIA'S NATIONAL IDENTITY

Св. Александр Невский предстает как личностное воплощение национальной идеи России на этапе её исторического становления и оформления в борьбе с внешними и внутренними врагами, как идеал цельности воина, мудрого государственного правителя и инока, стяжающего Божественную благодать ради спасения души и служения Отечеству. Понимание роли духовного и политического наследия Александра Невского в контексте становления национальной идентичности России требует историософского и духовно-нравственного измерения, осознания русской идеи как цельности, воспитания творческого национального духовного акта, результатом которого является осуществление к совершенной форме своего высшего призвания, исходя из условий национального бытия и своеобразия исторического момента.

St. Alexander Nevsky appears as a personal embodiment of the national idea of Russia at the

stage of its historical formation and formation in the struggle against external and internal enemies, as the ideal of the integrity of a warrior, a wise state ruler and a monk who acquires Divine grace for the sake of saving his soul and serving the Fatherland. Understanding the role of the spiritual and political heritage of Alexander Nevsky in the context of the formation of Russia's national identity requires a historiosophical and spiritual and moral dimension, awareness of the Russian idea as a whole, evolution of a creative national spiritual act, the result of which is the realization of one's highest calling to the perfect form, based on the conditions of national existence and peculiarities of the historical moment.

Ключевые слова: Александр Невский, русская идея, национальная идентичность, православие, государственность, народность, историософия.

Key words: Alexander Nevsky, Russian idea, national identity, Orthodoxy, statehood, nationality, historiosophy.

Образ Александра Невского для русского человека имеет особое значение. Каждый национальный герой и святой несет на себе конкретную миссию в плане духовном. Вокруг таких национальных центров (духовных «очагов и алтарей») спланиваются люди, осуществляется таинственная связь времен благодаря исторической памяти, объединяются разные поколения одного народа, живущие в разные времена.

Какие конкретные жизненно важные ценности и идеи воплощает в себе Александр Невский? Почему так важны для нас его личность и подвиг, отделенные столетиями, но всегда близкие в судьбоносные лихие годы? В чем значение его образа для сегодняшнего дня? Ответы не просто в обращении к историческим фактам и свидетельствам, но к историософскому измерению, поскольку речь идет о смыслах и ценностях, обращенных в вечность и одновременно к каждому живущему.

Логично начать с важнейшей движущей силы истории России – национальной идеи, которая обнаруживала себя в святых подвижниках, пророках и героях, гениальных творцах и мыслителях, в их деяниях и культурном наследии, в событиях и обстоятельствах жизни, становившихся историческими уроками, вызовом, испытанием или наказанием. Эта идея выражает духовное предназначение, общий идеал, ведущую цель развития, объединяющую силу народа (нации), синтезирующий фактор, определяемый часто как национальный дух. Она представляет метафизическое непреходящее духовное начало, заложенное в характере народа, и требует своего проявления и осуществления. Обратимся здесь к формулировкам И. А. Ильина, согласно которым *Русская идея* – это идея цельности: культура особого творческого духовного акта, где из созерцающего сердца, свободной и предметной Любви творится жизнь и культура, опираясь на доброту, искренность и совесть в душе. Она является движущим определяющим мотивом в борьбе с материей за ее преобразование, есть благая (Богом данная) сила, выражающая и призвание (заданность) и присущее своеобразие (данность) и духовно-исторический путь (осуществление). «Скрытая и еще не развернувшаяся для прошлого, она все больше и дальше развернется в будущем», но Россия уже жила и живет ею «во все свои вдохновенные часы, во все свои благие дни, во всех своих великих людях» [5, с. 323], например, таких как Александр Невский. Важнейшая реальность России – это ее государственная, политическая и военная история, неразрывно связанная с культурными и духовными процессами. Неотъемлемые страницы русской истории – это во-

енные победы России, ее героические усилия в борьбе с внешними врагами, то, что составляет ее славу и гордость, свидетельствует о величии державы и силе ее духа [См.: 3, с. 10; Так же: 5, с. 413, 595–598].

Личность и жизнь Александра Невского – это пример воплощения русской идеи *цельности* воина, государственника и христианина, посвятившего всю свою жизнь служению Богу, стране и народу, исходя из данных даров, конкретно-исторического времени, места и возможностей. Так главная идея в богатой традиции жизнеописаний Александра Невского на протяжении шести веков состоит в том, чтобы раскрыть образ князя как воплощение великой одухотворяющей Идеи добра, противостоящей Царству зла. Истоком же победы здесь выступает не грубая сила, а Православие, т. е. власть Истины (Правды Божией). Как указывают жития, перед наиболее важными решениями и победами князь усердно молился, постоянно вел богоугодный образ жизни. Победы его сопровождались чудесными явлениями и знамениями: будь то явление Филиппу (помощнику Александра) святых мучеников Бориса и Глеба перед Невской битвой или несметное множество убитых ангелом господним на противоположной стороне реки Ижоры, где не могли пройти полки Александровы. Князь же всегда хвалил и славил имя своего творца. Оставляя царство земное, стал монахом, «ибо имел безмерное желание принять ангельский образ. Сподобил же его бог и больший чин принять – схиму» (Житие).

При этом Александр понимал нераздельность «национального» и «религиозного», что каждому народу даны свои дары и промысел, задание от Бога. Так обличая псковичан за измену, обращался к ним: «О невежественные псковичи! Если забудете это до правнуков Александровых, то уподобитесь иудеям, которых питал господь в пустыне манною небесною и перепелами печеными, но забыли все это они и бога своего, избавившего их от плена египетского» (Житие).

Образ Александра Невского особо страшен врагам России и православия, поскольку символизирует путь праведного меча. С молитвы начинается путь Александра, его жизнь праведная, но не заканчивается молитвой, не ограничивается ею. Наиболее близок русскому духу образ Александра воина, не аскета и не юродивого, но святого воина, обличенного высшей властью, готового «положить жизнь за други своя», способного побороть лукавой соблазна малодушия, покарать предательство и зло. «Одних повесил, других с собою увел, а иных, помиловав, отпустил, ибо был безмерно милостив», – повествует житие. Лицемерных «духовных» обличителей Александра за его бескомпромиссность в брани судила сама история. Для князя выбор всегда был однозначным: чем более пожертвовать – телом (поклониться Орде, но остаться чистым в вере) или душою (сохранить мнимую независимость, но потерять духовную чистоту под латинством). Незавидная судьба Даниила Галицкого и его «наследия», создавших проблемы русскому миру, хорошо известны, за которые приходится расплачиваться и поныне. В замечательной статье историка Г. В. Вернадского «Два подвига св. кн. Александра Невского» [1] убедительно показана фатальность выбора пути одного и спасительность выбора другого. Западный путь обуреваемого гордыней Даниила привел к латинизации юго-западной Руси, потере политической самостоятельности и самобытности, угрозе полной

денационализации. Восточно-православный выбор Александра заложил фундамент будущего Московского царства благодаря подвигу смирения инока в сочетании с доблестью воителя.

Рассуждая на тему национального характера и призвания, И. А. Ильин писал, что русскому народу дан от Бога свой национально-духовный уклад: т. н. первичные силы – сердечное созерцание, внутреннее свободолюбие, непосредственная искренность духа и жажда правды, которые преобладают над силами вторичными – волей, рассудком и организационной дисциплиной, более доминирующих у западных народов. Отсюда – божественный замысел и историческое задание русскому народу: не брать в готовом виде чужую форму и организацию, но из данных первичных сил (укрепленной веры и совести, осуществленной свободы и предметного созерцания) выращивать вторичные силы, свою русскую духовную культуру воли, мысли и общественной организации. Это означает учиться умерять и оформлять свои силы, что непросто для русского человека, который по характеру доверчив, как малое дитя, и страстен, как невоспитанный взрослый. «Духовная свобода дана нам от природы; духовное оформление задано нам от Бога» и «дисциплина есть наше великое задание, наше призвание и предназначение» [2, С. 9]. Строгая организующая сила Александра, правителя и военачальника, отвечала этой потребности.

С другой стороны, было неприятие Александром западного немецкого духа не только из-за католичества. Ведь русским оказались в равной мере чужды как провинциализм, закрытость от новой технической культуры и просвещения, так и слепое поклонение техническому прогрессу, бездуховность и материализм цивилизации. «Общий религиозно-православный Иоанновский дух любви и свободы, объединяющий историческую Церковь, национальное самочувствие и государство, призван к преобразению светского национального самосознания, новой национально-светской культуры и национально-светской цивилизации» [6, с. 288–289]. Так писал И.А. Ильин о русской национальной идентичности. В зарождении этого духа, верного душе, телу народа, православию и будущей государственности видится величественная роль Александра.

Следуя логике противостояния национальной идеи, заложенной Александром Невским, и её западнической антитезе в лице Даниила Галицкого, можно увидеть уже в XX веке своеобразное продолжение этого «вечного» спора национальных идентичностей на примере православного националиста И. А. Ильина и христианского либерала-западника Г. П. Федотова. Так И. А. Ильин, рассматривая логику русской истории через призму взаимодействия трех начал – церковного, национального и государственного, чаемого их полноценного осуществления, утверждает, что до Петра Великого небесное и земное не разделялись в русском самочувствии, национальное от вероисповедно-церковного. Но именно с «западника» Петра начинается эпоха *русского национального самосознания*, путь не разделения и противоборства единого организма, но *различения*, культурного оформления и взаимопроникновения его частей. В этом смысле глубоко символично особое почитание Петром I именно Александра Невского (перенос мощей, объявление покровителем новой столицы).

Г. П. Федотов указывает на те же три силы. И них складывается российская история, взаимодействие между которыми обуславливает особенности ее на-

стоящего и которым принадлежит ее будущее. Это *Церковная* Россия, живущая ныне традициями Древней Руси, *Народная* Россия, одурманенная коммунизмом или мещанским духом американского технократизма и *Петровская* Россия, живущая ценностями западной культуры (начало государственное). Каждая из них необходимо нуждается друг в друге. На разных этапах соотношение между ними и преобладание было различным, от чего зависела и зависит судьба России. Утверждается потребность в их слиянии, взаимном приобщении как залогом подлинного народного творчества. Однако закономерен вопрос: на какой духовной почве оно будет осуществлено? Федотов отвечает, что на пути к ней стоят различные проекты решений, различные «идеологии», которыми будет жить Россия XX века, но «одна черта должна резко отличать их от большинства идеологий дореволюционной России: они будут соединять в себе элементы древнерусской и новой, петровской, культуры, в разных сочетаниях и разных стилях» [8, с. 101]. В этом дано красноречивое подтверждение абстрактного понимания духовной основы национального единения в попытке механически соединить части в единое целое без подлинного русского духа. У Федотова есть символ этой триады – «три столицы»: Киев, Москва, Петербург. Борьба между «азиатским» началом России, воплощенным в Москве, и «европейским» началом – Петербургом уравнивается духовно-религиозными истоками Киева, а через него делается мост к Древней Греции – духовному оплоту всей европейской культуры [См.: 9, с. С.50–59].

Государственно-политическая и военная история России, её героические усилия, победы и поражения в борьбе с внешними и внутренними врагами неразрывно связаны с духовными процессами. При этом по-разному складывалась первоочередность этих трех начал, которые то поддерживали друг друга, способствуя осуществлению русского предназначения в целом, то подменяли друг друга или даже враждовали, тем самым погружая Россию в очередную смуту. Более подробно об этом см. в статье автора «Русские перед судьбоносным выбором [2].

С высоты 800-летней исторической ретроспективы Александр Невский предстает как провозвестник национально-религиозно-государственного идеала, оправданного временем. Как известно в восточном христианстве сформировалось свое представление об идеальной форме взаимоотношений между церковью, государством. Поскольку церковно-государственные взаимоотношения – явление двустороннее, то идеальная форма исторически могла быть выработана лишь в государстве, признающем православную церковь величайшей святыней. Попытки выработать такую форму были предприняты в Византии, где принципы церковно-государственных отношений нашли свое выражение в государственных законах империи, отразились в святоотеческих писаниях и получили название «*симфонии церкви и государства*». Классическая византийская формула взаимоотношений между государственной и церковной властью заключена в "Эпанагоге" (вторая половина IX века): «Мирская власть и священство относятся между собою, как тело и душа, необходимы для государственного устройства точно так же, как тело и душа в живом человеке. В связи и согласии их состоит благоденствие государства» [7].

В России, духовной наследнице Византии, идея симфонии властей получила свое развитие и восполнение в формуле «Православие. Самодержавие. Народность», к которой Россия шла на протяжении веков (См. *Схема. Организация трех аспектов власти согласно идеалурусской цивилизации*). Роль в этом процессе Александра Невского, соединившего в своей деятельности и образе госу-

дарственного деятеля, преданного Богу и своему народу, оказались знаковыми для судеб выходящей на широкую историческую арену Руси, а для потомков стал православным святым и образцом национального лидера, сделавшего верный исторический выбор судьбоносного значения.

Развиваемая в трудах митр. Филарета (Дроздова) эта триада формально была провозглашена со ссылкой на всю предыдущую историю России в 1834 г. министром народного просвещения гр. С. С. Уваровым. В дальнейшем она имела осмысление (философско-историческое и политико-теоретическое) в работах А. С. Хомякова, К. Н. Леонтьева, Л. А. Тихомирова, К. Победоносцева, И. А. Ильина, И. Л. Солоневича, митр. Иоанна (Снычева) и др. В этой формуле полновластие и единодержавие православного царя не имеет, по сути, ничего общего с политическим абсолютизмом или папизмом. В основе самовоззрения всякой законной власти на Руси была забота о чистоте православного вероисповедания. Государь, с одной стороны, связан каноническим учением православной церкви, св. таинствами и помазанием на царство, то есть мистически, и отвечает перед Богом за весь народ, попечительствует о нем и управляет государственными делами. Он пребывает «в симфонии» с церковью, которая учит и молится за всех. В центре жизни стоит религия (Бог), связывающая всех воедино по духу. В земном плане есть функциональные и иерархические различия: например, *Церковь* учит (проповедует и благословляет), *Государь* правит (карает и охраняет), *Народ* творит (созидает материальную и духовную культуру). Внутри имеется своя субординация. Например, внутри Церкви есть соответствующего ранга архиереи, которым подчиняются священники и т. д., внутри Государства министры, которым подчиняются соответствующего ранга чиновники, в народе авторитет основан на мастерстве профессионалов своего дела. Однако глава государства, например, не вмешивается в конкретные сферы деятельности (сколько и чего следует выращивать крестьянину, по какой цене ему продавать товар, какие ему следует петь песни и т. п.) в свою очередь крестьянин участвует в делах общегосударственного управления в меру своей компетенции (призывается в армию в случае войны и т. п.), и прежде всего решает вопросы относительно своей работы, общины и семьи. Церковь дает всему лишь духовно-нравственную оценку. Именно эти принципы взаимосвязей духовного, государственного и народного угадываются в действиях Александра Невского, задающего ориентиры для всех сторон на будущее.

Православная церковь (*учит*)

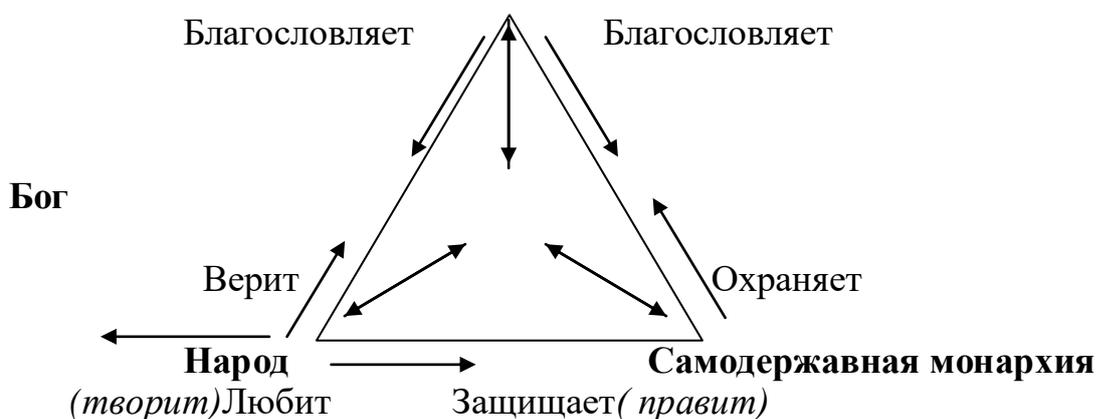

Рисунок 1 – Организация трех аспектов власти согласно идеалу русской цивилизации

Следует отметить, что в результате реформ Петра I «симфония властей» была нарушена: церковь оказалась подчиненной императору (государству) – было отменено патриаршество, а народ насильно закрепощен озападненным дворянством. Получилось искажение известной триады в сторону увеличения роли государственного в ущерб религиозному и народному. Это соблазн *абсолютизма* с его отрывом от народа, приобретением классового характера, опорой на высшее сословие, тенденцией к бюрократизации и паразитированию дворянства, превращение церкви в государственное духовное ведомство. Возникшая неустойчивая конструкция была чревата внутренними социальными конфликтами, разжигаемыми врагами России извне, изменниками и глупцами изнутри. После отмены крепостного права (1861 г.) наметилось восстановление нарушенной триады, но революционные события нач. XX века прервали этот процесс.

Ещё один замечательный факт: совпадение двух 800-летних юбилеев в 2021 году. Два события, промыслительная связь между которыми спустя столетия становится более очевидной и требует осмысления. Это одновременное рождение великого князя Александра, спасшего Русь от военного и духовного порабощения, указавшего своей жизнью, в чем подлинные основы политической независимости и единства православной Руси, и основание города Нижнего Новгорода, который стал символом народного движения под предводительством нижегородского старосты Козьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского, освободивших г. Москву от поляков, положившее конец Смутному времени и давшее начало вхождению в очередную период русской государственности. История Нижнего Новгорода в связи с Александром Невским имеет символическое продолжение: местом его кончины стал г. Городец, расположенный в 50 км. выше Нижнего Новгорода. Дальнейшие события не менее символичны. В XIX в. в Нижнем Новгороде на месте слияния двух великих русских рек Оки и Волги по инициативе купечества и указанию Александра II на Стрелке был построен величественный собор в честь св. благоверного князя Александра Невского (был освящен 1881 г.), ставший третьим по высоте храмом в России. После революции в 30-х гг. он был едва не разрушен богоборческой властью, но оставлен, видимо, в качестве символа крушения традиционных основ Российской империи. Также как и переименование Нижнего Новгорода в Горький. Удручающий обезглавленный вид собора на самом панорамном месте слияния рек, где сделали речной порт, поражал гостей на протяжении десятилетий. Кстати, во время Великой Отечественной войны на крыше собора работала зенитная батарея, защищавшая небо от налётов немецкой авиации.

Фото 1 – Вид на собор Александра Невского (г. Горький, 70-е годы XX в.)

Сейчас собор восстановлен полностью, являясь главной достопримечательностью города.

Фото 2 – памятник Александру Невскому рядом с собором

Литература и источники

1. Вернадский, Г. В. Два подвига св. Александра Невского / Г. В. Вернадский // Евразийский временник. – Прага, 1925 – Кн. 4. – с. 318-337.
2. Закунов, Ю. А. Русские перед судьбоносным выбором / Ю. А. Закунов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.km.ru/glavnoe/2011/09/26/istoriya-rossiiskoi-federatsii/russkie-pered-sudbonosnum-vyborom>. – Дата обращения 10.04.2021.
3. Ильин, И. А. О России / И. А. Ильин // Собрание сочинений. – Москва : Русская книга, 1996. Т. 6, кн. 2.
4. Ильин, И. А. О русской идее / И. А. Ильин // Наши задачи : историческая судьба и будущее России : статьи 1948–1954 гг. : в 2 т. / И. А. Ильин ; сост. и авт. вступ. ст. И. Н. Смирнов. - Москва : МП "Рарог", 1992. – Т. 1. – [2].
5. Ильин, И. А. О русской культуре / И. А. Ильин / Собрание сочинений. – Москва : Русская книга, 1996. Т. 6, кн. 2.
6. Ильин, И. А. Опасности и задания русского национализма / И. А. Ильин // Наши задачи : историческая судьба и будущее России : статьи 1948–1954 гг. : в 2 т. / И. А. Ильин ; сост. и авт. вступ. ст. И. Н. Смирнов. – Москва : МП "Рарог", 1992. – Т. 1. – [2].

7. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>. – Дата обращения 10.04.2021.

8. Федотов, Г. П. Трагедия интеллигенции / Г. П. Федотов // Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. – Спб., 1991. – Т.1. – С.101.

9. Федотов, Г. П. Три столицы / Г. П. Федотов // Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. – Спб., 1991. – Т.1 – С. 49–64.

Левшун Л. В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры стилистики английского языка учреждения образования «Минский государственный лингвистический университет», г. Минск, Республика Беларусь

Levshun L.V., Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Stylistics of the English Language of the Educational Institution "Minsk State Linguistic University", Minsk, Republic of Belarus

**КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ:
САКРАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКА VS ПОЛИТИЗАЦИЯ СВЯТОГО
(ОТ «ПОВЕСТИ О ЖИТИИ» ДО ФИЛЬМА С. ЭЙЗЕНШТЕЙНА)
PRINCE ALEXANDER NEVSKY: THE SACRALIZATION OF
THE POLITICIAN VS THE POLITICIZATION OF THE SAINT
(FROM "THE STORY OF A LIFE" TO THE FILM BY S. EISENSTEIN)**

Автор выявляет основания и причины политизации образа святого благоверного князя Александра Невского в культуре *slaviaorientalis*. К анализу привлекаются: «историческая теология» «Повести временных лет» в сюжетах, посвященных «ратям» русских князей с «погаными»; концепт «божия суда», одним из видов которого был судебный поединок, известный в древней Руси как «поле»; «Повесть о житии Александра Невского»; новозаветные контексты, смыслообразующие для «Повести». Обосновывается положение, что автор «Повести» представлял себе идеальную политическую систему древнерусского государства какагиократию (в отличие от византийской симфонии), а в киносценарии А. П. Павленко и С. М. Эйзенштейна фраза, вложенная в уста Александра Невского, являет политический девиз динамократии. И эта подмена свидетельствует как о политизации образа святого князя, так и о существенном изменении кода современной культуры *slaviaorientalis*.

The author reveals the grounds and reasons for the politicization of the image of the holy blessed prince Alexander Nevsky in the culture of *slavia orientalis*. The following are involved in the analysis: "historical theology" of the Tale of Bygone Years in plots dedicated to the battles of Russian princes with pagans; the concept of "divine judgment", one of the types of which was a judicial duel, known in ancient Russia as a "field"; "The Tale of the Life of Alexander Nevsky"; New Testament contexts, meaning-making for the "Tale". The article substantiates the position that the author of the "Tale" imagined the ideal political system of the ancient Russian state as hagiocracy (in contrast to the Byzantine symphony), and in the screenplay by A.P. Pavlenko and S.M. Eisenstein's phrase, put into the mouth of Alexander Nevsky, is the political motto of dynamocracy. And this substitution testifies both to the politicization of the image of the holy prince and to a significant change in the code of modern culture *slavia orientalis*.

Ключевые слова: «Повесть временных лет», воинские повести, политизация, судебный поединок, «поле», агиократия, динамократия, «Александр Невский» С. Эйзенштейна.

Key words: «Tale of Bygone Years», military stories, politicization, judicial duel, "field", hagiocracy, dynamocracy, "Alexander Nevsky" by S. Eisenstein.

Самое древнее повествование о деяниях князя Александра Ярославича, по-

лучившего прозвище Невский, сохранилось в статье за 1263 год Лаврентьевской летописи, переписанной в 1377 году с «ветшаного летописца» 1305 года; статьи подобного содержания включены и в состав иных древнерусских летописей – Новгородской I младшего извода, Софийской I, Псковской II, Никоновской (Патриаршей); известно также более десятка отдельных списков разных редакций «Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра». И во всех известных ныне текстах сообщается, что князь Александр, отправляясь на битву со шведскими рыцарями, «нача крепити дружину свою и рече: **не в силах Богъ, но в' правде**» [цит. по 5, с. 189].

Однако в 1938 году Петр Андреевич Павленко совместно с Сергеем Михайловичем Эйзенштейном, создавая киносценарий ставшего вскоре культовым в СССР фильма «Александр Невский», заменяют эту сентенцию, уже прочно вошедшую в состав русской идиоматики, иным выражением – заглавный герой фильма, готовясь выступить против врага, восклицает: **«Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет. На том стояла и стоит русская земля!»**

Политическая подоплека этой подмены образа святого князя (каковым он предстает в «Повести о житии») образом решительного политика и опытного воина в киноповести очевидна, как очевидны и причины этой подмены накануне Второй мировой войны. Однако знаменитый фильм С. М. Эйзенштейна (1939 г.) следует расценивать, на мой взгляд, не как начало этого процесса, а как его логическое завершение, исток которого кроется в глубокой древности.

Феномен политизации святых и святости в целом – социальные и политические причины этого явления, обстоятельства и закономерности – изучен достаточно хорошо. Вместе с тем культурологический и, глубже, вероисповедный механизмы политизации святого князя как оборотная сторона сакрализации светского правителя еще не становились предметом специального исследования. В этом отношении особа Александра Невского почти идеальна: будучи одним из самых сакрализованных деятелей истории Руси, он является вместе с тем и одним из самых политизированных ее святых акторов; а составитель житийной повести о нем не устает напоминать о небесном покровительстве князю, указывая читателю, что «на таковые Бог призирает». Идея священности княжеской власти, которую в данном случае освящает личная святость князя Александра Ярославича, что и гарантирует политическую успешность его деяний, таким образом, определяет весь художественный строй этого произведения, но вместе с тем и закладывает основу и дает мощный импульс политизации образа Александра Невского.

Определяясь в терминах, отметим, что под политизацией мы понимаем ментальную и сопутствующую ей идейную трансформацию культуры (в данном случае православной христианской), в результате чего в ее (культуры) поле начинают преобладать политические идентификации и политические же дефиниции и целеполагания накладываются на исходные вероисповедные концепты, искажая их первоначальные смыслы. «Политизация представляет собой процесс обретения политического статуса проблемами и явлениями, изначально таковым не обладавшими <...> Политический статус проблемы означает ее наивысший накал, обостренную общественную значимость и актуальность, неспособность субъектов принятия решений справиться с ней с помощью при-

вычных методов и практик» [2, с. 92]. Очевидно, что этот процесс отражает – как их следствие! – глубинные изменения в языке и коде культуры; прежде всего, в сторону ее (культуры) десакрализации.

Впрочем, основания для этой ментальной трансформации и таким образом «перевода социальных отношений из режима подчиненности традициям (в нашем случае – евангельским. – Л. Л.) в режим подчиненности властным интересам» [3, с. 95], наблюдаются еще в древнерусском летописании. Речь идет, прежде всего, о традиции, заложенной (возможно, неосознаваемо) составителями «Повести временных лет».

В. О. Ключевский был убежден, что древнерусские летописцы, в отличие от современных ему историографов, ищут «в событиях нравственного смысла и практических уроков для жизни», в их представлении «историческая жизнь служит нравственно-религиозной школой, в которой человек должен научиться познавать пути провидения» [4, с. 114]; потому историк охарактеризовал древнерусское летописание как «историческую теологию». С этим нельзя не согласиться. Однако уровень богословствования может (и должен, согласно христианской святоотеческой антропологии) быть разным. В частности, летописные воинские повествования демонстрируют явное противоречие в телеологических суждениях их составителей: причины «ратей» с «погаными» и причины побед в этих «ратях» не сводятся в цельную «теологию истории».

Так, с одной стороны, нашествия «поганных» и «иноплеменников» летописцы объясняют как наказание за грехи русичей, а иногда и конкретных русских князей, чему находим в летописи характерные примеры.

«В лѣто 6576 (1068) Придоша иноплеменьници на Рускую землю, – читаем в «Повести временных лет», – половци мнозѣ <...>Грѣхъ ради нашихъ попусти Богъ на ны поганья, и побѣгоша русьскыя князи, и побѣдиша половци. Наводитъ Богъ по гнѣву своему иноплеменьники на землю<...>Земли же согрѣшивши которѣи любо, то казнить Богъ смертию, или голодомъ, или наведениемъ поганыхъ<...> мы на злое възвращаемся<...> Да сего ради казни приемлемъ от Бога всякыя, нахожение ратныхъ; по Божью повелению приемлемъ казнь грѣхъ ради нашихъ».

«В лѣто 6601 (1093) Се на ны Богъ пусти поганья, не милуя их, но насъ казня, да быхом ся востягнули от злыхъ дѣлъ. Симъ казнить ны нахоженьемъ поганыхъ, се бо есть бо батѣгъ Божий<...> Да нахоженьемъ поганыхъ мучими, Владыку познаемъ, Егоже мы прогнѣвахомъ. <...>ны видѣ неправо прѣбывающа, нанесе намъ суцую рать и скорбь» [ПВЛ, 6601 (1093)].

«В лѣто 6604 (1096) <...>Богъ казнить рабы своя напастми и ратьми, да явятся яко злато искушено у горьнилѣ <...>сынове Измаилеви пущении на казнь хрестьяномъ» [ПВЛ, 6604 (1096)].

«В лѣто 6618 (1110) ...на ны навель Богъ, грѣхъ ради нашихъ, иноплеменники поганья, и побѣжахуть ны повелѣньемъ Божьимъ: они бо бяху водими анѣломъ по повелѣнью Божью» [ПВЛ, 6618 (1110)].

При этом летописцы вроде бы помнят и напоминают, что грехи, согласно христианскому учению, изживаются покаянием: «Аще ли покаавшеса будемъ, в немже ны Богъ велить быти, <...> всихъ грѣхъ прощени будемъ» [ПВЛ, 6576 (1068)] и тогда «Бог вышний обратит взор свой, исполненный гнева, на иноплеменников,

и падут они перед христианами» [см. ПВЛ, 6619 (1111)].

Однако основная идея «богословия греха и искупления» в «Повести временных лет» иная, и в более поздних летописях она выражена еще ярче.

В летописных воинских повествованиях наблюдается удивительная, и, вообще говоря, чуждая христианскому мировосприятию закономерность: князья, узнав о нашествии «иноплеменник», вовсе не каются в грехах и даже не помышляют об этом, а собирают войско и упорно сражаются с врагом, прибавляя ко всем уже совершенным своим преступлениям еще и грех убийства; а при этом еще просят Бога (пославшего «поганых» для вразумления и покаяния князей!) и Пречистую Его Матерь о помощи в битве: «Князи же <...> поидоша, възложише надежю свою на Бога и рекоша: убо смерть намъ здѣ, да станемъ крѣпко <...> поидоша, возложивше надежю на Бога и на пречистую Матерь его, и на святыя ангелы его» [ПВЛ, 6618 (1110)]. И оказывается, этого вполне достаточно: «вняв молитвам святой Богородицы и святых ангелов, смилостивился Бог и послал ангелов в помощь русским князьям против поганых» [ПВЛ, 6618 (1110)].

Бог помогает князьям одолеть противника, хотя князья ничем не выдают своего покаяния, но лишь демонстрируют обрядовое усердие.

«...князь Володимеръ пристави попы своя, гѣдучи предѣ полкомъ, пѣти тропари и коньдакы хреста честнаго и канунъ святой Богородицы. <...> Князи же наши, възложише надежю свою на Бога<...> възведше очи свои на небо, призываху Бога вышняго. И бывшую же соступу и брани крѣпщѣ, Богъ вышний възрѣ на иноплеменники со гнѣвомъ, падаху предѣ хрестьяны. И тако побѣжени быша иноплеменници<...> И поможет Богъ рускымъ княземъ. И въздаша хвалу Богу въ тѣ день<...>. паки иноплеменници собраша полки своя многое множество, и выступиша яко борове велиции и тмами тмы. И оступиша полкы рускыи. И посла Господь Богъ ангела в помощь рускымъ княземъ. <...> Избьени быша иноплеменницѣ многое множество<...> И спасе Богъ люди своя. Святополкъ же и Володимеръ, и Давыдъ прославиша Бога, давшиаго имъ побѣду таку на поганяя, и взяша полна много, и скоты, и кони, и овцѣ, и колодниковъ много изоимаша» [ПВЛ, 6618 (1110)].

Как вариант представлено также далекое от христианского учения убеждение в том, что грехи искупаются самим фактом мученичества, то есть претерпением физических страданий, абсолютно независимо от достижения или недостижения грешником метанойи: «нахожениемъ поганыхъ мучими, Владыку познаемъ, Егоже мы прогнѣвахомъ» и Который, «ны видѣ неправо прѣбывающа, нанесе намъ сущюю рать и скорбь, да *хотяще и не хотяще и всяко в будущий вѣкъ обрящемъ милость: душа бо, здѣ казнима, всяко у будущий вѣкъ обрящемъ милость и лготу от муки*» [ПВЛ, 6601 (1093)].

Видимо, уверенность в этом и приводит к отмеченному нами телеологическому противоречию: Бог «за грехи наши» насылает иноплеменников, чтобы обратить грешников к покаянию, и Сам же, удовольствовавшись обрядолатрией, к каковой (вместо покаяния!) прибегают согрешившие, помогает этих иноплеменников уничтожить, уподобляясь мстительному Иегове; не случайно все подобные пассажи в летописях сопровождаются аналогиями, аллюзиями, реминисценциями и цитатами исключительно из ветхозаветных книг. Акт покаяния, таким образом, отождествляется летописцами (созна-

тельно или нет) с победой над врагом, сопровождающейся многочисленными убийствами, совершенными к тому же с Божьей помощью, ангелами Божиими или даже самим Богом.

Эта путаница оснований и посылов, причин и следствий, целей и средств их достижения, тем не менее, представляет князя как защитника земли, получающего помощь (читай: легитимацию) от самого Бога только за то лишь, что усердно воздает Ему хвалу: «...призываху Бога вышняго <...> И поможе Богъ рускымъ княземъ. И въздаша хвалу Богу въ ть день <...> И посла Господь Богъ ангела в помощь рускымъ княземъ <...> И спасе Богъ люди своя <...> прославиша Бога, давшаго имъ побѣду таку на поганья» [ПВЛ, 6601 (1093)] – такой вот алгоритм.

Корни этого алгоритма взаимоотношений божества и земного правителя уходят в глубочайшую древность эпохи «дорекфлексивного синкретизма». Приведенные фрагменты «Повести временных лет» очевидно свидетельствуют о том, что древнерусские летописцы, как, впрочем, и христианизированная культура Европы, так и не смогли освободиться от языческого (а на самом деле – архетипического, возводимого, видимо, еще к инстинктивному поведению социальных животных) концепта «божия суда», одним из видов которого был судебный поединок; в древней Руси – так называемое «поле», прочно вошедший в систему социально-правовых отношений и сохраняющийся там – правда, в превращенных видах – едва ли не до настоящего времени.

Вражеское нашествие в восприятии древнерусского летописца, «исторического теолога», собственно и есть «суд Божий», позволяющий Творцу, так сказать, обозначить Свою позицию в отношении того или иного народа, представленного на поле боя его правителем и воинами. И это, несомненно, существенное основание для сакрализации политической власти и, вместе с тем, политизации сакральных институций. Но основание это лежит не в христианской культуре, а относится к общечеловеческим культурным архетипам.

В «Повести о житии Александра Невского» богословские противоречия, отмеченные нами в летописи, отсутствуют: не русичи навлекли на себя «гнев Божий» своими прегрешениями, но их враг характеризуется книжником как «шатающаяся безумием и посла послы загордѣвся ко князю Олександру в Новьгород, арка: аще можеша противитися мнѣ, то се уже есмь здѣ и пленю землю твою» [цит. по 5, с. 189].

Однако концепт «суда Божия» и в этой повести очевиден. Перед началом похода на шведских рыцарей 1240 г. Александр Ярославич обращается к Богу, Который «постави предѣлы языком, и повелѣ жити, не преступая в чюжую часть», словами псалмопевца: «суди, Господи, обидящим мя и возбрани борющимся со мною, прими оружие и щитъ, стани в помощь мнѣ» (Пс 34:1–2) [цит. по 5, с. 189]; а перед битвой на Чудском озере: «суди и рассуди, Господи, прю мою от языка велерѣчна» (ср. Пс 42:1), помози ми, господи, яко древлѣ Моисѣви на Амалика и прадеду моему Ярославу на оканнаго Святополка [цит. по 5, с. 191]. Победу Александра Ярославича его агиобиограф характеризует так: «Си же рече: имемъ Олександра рукама, сего дастъ богъ Олександру в руцѣ» [цит. по 5, с. 191]. Псковичи, как отмечает книжник, уверены, что именно Господь помог «вѣрному князю нашему оружиемъ крестнымъ свободити градъ Плесковъ от иноплѣмникъ

от иноязычникъ рукою олександровою» [цит. по 5, с. 191]».

Таким образом, обе битвы предстают в «Повести о житии» именно как варианты «поля» – традиционного для социально-политической и правовой систем древней Руси (и древнего мира в целом) судебного поединка.

В этот концепт «поля» как формы «Божия суда» органично вписывается и ставшая пословицей фраза, которой князь Александр перед Невской битвой «нача крепити и дружину сво[ю] и рече: **не в силах Богъ, но в' правде**» [цит. по 5, с. 189]. Собственно, это и есть краткая и точная формула судебного поединка как «суда Божия», в котором верх одерживает не сильный, а правый, – причем правый не по человеческим меркам и законам, а по Божьим. И хотя далее идет отсылка к ветхозаветному контексту («помянем пѣснословца Давыда: си въ оружии а сии на конехъ, мы же во имя Господа бога нашего призовемъ, си спяти быша и падоша (см. Пс 19:8–9)» [цит. по 5, с. 189]), очевидно, что сентенция, возглашенная князем, вполне может быть соотнесена и с новозаветными контекстами; в частности, апостольские выражения «неможное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (1 Кор 1:26–27) и «хотя немощны в Нем, но будем живы с Ним силою Божию в вас!» (2 Кор 13:4) по сути точно описывают данную ситуацию: воины Александра Ярославича выступают против врага, значительно превосходящего их военной силой, что специально отмечено в «Повести», но выступают «якоже Божія слуги <...> въ силѣ Божіей, оружии правды десными и шуими» (2 Кор 6:3–4,7). И это ассоциативное включение в текст «Повести» апостольской сентенции (это, собственно, «литургический эмотивный ключ», см. Зач. 125Б) объясняет **и причину** нашествия «иноплеменников»-«латинян» на Русь, **и миссию** Александра Ярославича: святой князь, явившись инструментом «Божия суда» («свободити град Плесковъ от иноплеменикъ от иноязычникъ рукою олександровою». [цит. по 5, с. 191]), призван посрамить «сильное мира», показав, прежде всего, вероисповедное превосходство православной Руси над рыцарями-латинянами.

Таким образом, можно предположить, что автор «Повести» представлял себе идеальную политическую систему древнерусского государства как **агиократию** (в отличие от византийской симфонии) – то есть как власть святых правителей, которые бы, по меткому определению Павла Ивановича Новгородцева, «взирали на свою задачу как на дело Божие, и чтобы народ принимал их как благословенных Богом на подвиг государственного служения», и при которых бы государственное строительство возвышалось «до степени Божьего дела» [6, с. 580]. В полном соответствии этими агиократическим представлениям составителя «Повести» в ней, как показал Вернер Филипп, обосновывается «новая точка зрения на соотношение светского и духовного поведения <...> политическая акция может стать святой, а, в свою очередь, религиозные требования могут реализоваться и в области светской» [цит. по: 7, с. 75]. И в культуре древней Руси под влиянием образа Александра Невского действительно возникает представление о новом типе правителя (но и новом типе святого!): не говорится ни о страданиях от насилия, ни о мученической смерти за христианскую веру или аскетическом бегстве от мира, как в житиях других святых русских князей (например,

Бориса и Глеба или Михаила Черниговского), но канонизируется «само богоподобное правление князя и, таким образом, решение мирских вопросов под благочестивую ответственность» [8, с. 63].

Хотя, на самом деле, этот тип, именно как тип, – весьма древний, существовавший, вероятно, еще в доисторическую эпоху, а в историческую редуцированный до теократии – соединения в одних руках высшей политической и высшей религиозной власти: царь-бог, царь-сын божий, царь-жрец, известные во всех древнейших цивилизациях.

Разумеется, такое восприятие правителя и политика не соответствовало советской идеологической системе рубежа 1930–1940-х годов. А потому П. А. Павленко, создавая свою киноповесть об Александре Невском, заменяет фразу из «Повести о житии», вкладывая в уста святого князя иную сентенцию: «кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет!», восходящую, вероятнее всего, к латинской «*qui gladio ferit, gladio perit*». Это выражение также может быть соотнесено с новозаветными текстами: евангельским «возврати меч твой в его место; ибо **все взявшие меч мечем погибнут**» (Мф 26:52) и из Откровения: «**кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом**. Здесь терпение и вера святых» (Откр 13:10). И, как правило, оно возводится именно к словам Христа в Гефсимании, которые в контексте киноповести кардинально меняют свой смысл и, как следствие, из духовного закона превращаются в политический принцип.

И тут интересно заметить: в евангельском повествовании вложенная П. А. Павленко в уста князя Александра сентенция синонимична исходной («не в силах Бог, а в правде»); а в контекстах «Повести о житии» и киноповести – антиномична ей.

В Евангелии Христос, запрещая Петру вступать в бой, предупреждает: всякий помысливший взять меч, чтобы убить, – даже, казалось бы, в самых благородных целях (ведь Петр схватил меч, чтобы защитить Богочеловека) – погубит свою душу уже самым этим помыслом («мечом и погибнет»). Ведь в христианской антропологии и психологии греховный помысел приравнивается к греху. Тот же смысл подобное выражение имеет и в Откровении; причем там дано пояснение: «Обидяй да обидить еще, и скверный да осквернится еще, и праведный правду да творить еще, и святой да святится еще» (Откр 22:11), что и означает: святость дается от Бога не сильным (взявшим меч), а праведным (побеждающим «въ силѣ Божіей оружием правды», см. 2 Кор 6:3–4,7).

В «Повести о житии» евангельская цитата Мф 26:52, казалось бы, могла свидетельствовать о том, что судьба врагов Руси предрешена уже по той только причине, что они «взяли меч» и замыслили убийство, причем убийство неправомерное, «шатающаяся безумием и <...> загордѣвсь» [цит. по 5, с. 189].

Но, во-первых, идея «суда Божия» звучит в сентенции «не в силах Бог, а в правде», несомненно, яснее, чем в «все взявшие меч мечем погибнут». Поэтому, думается, автор «Повести», ратуя за агиократию, привел именно это выражение, а не евангельское.

Во-вторых, это же предупреждение, обращенное Христом к апостолу Петру,

в контексте «Повести» касалось не только «латинян», но и русских воинов, взявших меч, по сути, тоже для защиты Христа. Таким образом, смысл фрагмента Мф 26:52, будучи в евангельском контексте синонимичен выражению «не в силах Бог, а в правде», в контексте «Повести о житии» получал противоположное, причем сильно политизированное, значение.

А вот в римской традиции сентенция «*qui gladio ferit, gladio perit*» констатирует лишь очевидное: воин, чье оружие меч, от меча и погибает в битве. Но в контексте политических событий рубежа 30–40-х годов XX века эта фраза приобретала острый политический смысл: на всякую силу найдется противостоящая ей сила, на всякий меч в руке воина – противостоящий ему меч. В общем, «попробуйте на нас напасть и получите достойный отпор». И именно этот смысл, весьма далекий от того, который имеет «омонимичная» евангельская сентенция «все взявшие меч мечем погибнут» (Мф 26:52), получает в киносценарии А. П. Павленко и С. М. Эйзенштейна фраза, вложенная в уста Александра Невского, о чем можно судить по самой редакции этого известного выражения, принявшего в киноповести вид «кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет!». Это политический девиз **динамократии**, причем никак не связано уже ни с Божьей волей, ни с Божьи судом. Так что именно святой князь, якобы действовавший под этим девизом, представляется создателями фильма как проводник и гарант истинности (или даже святости) данной политической доктрины. Оставаясь символом сакральной власти (правда, освобожденной от Божия Промысла), образ благоверного князя превращается вместе с тем в символ грозной военно-политической мощи. И уже не праведность пред Богом, а святость князя как таковая, как некая его индивидуальная особенность, общепризнанная в народе, в «постхристианскую» эпоху освящает политику силы: сила (а не правда) провозглашается теперь главным политическим актором. И эта подмена агиократии динамократией в фильме «Александр Невский», не замечаемая даже богословами, существенно изменила не только образ святого князя, но и сам код современной культуры *slaviaorientalis*.

Литература и источники

1. Данилевский, И. Н. Александр Невский: парадоксы исторической памяти. «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания / И. Н. Данилевский. – М. : ИВИ РАН, 2005, – С. 119–132.
2. Данилов, М. В. Явление «политизации» в современном обществе: постановка исследовательской проблемы / М. В. Данилов. – Саратов: // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. – 2009. – Т. 1, вып. 1. – С. 92–96.
3. Данилов, М. В. Концепт «политизация» в научном и общественно-политическом дискурсе / М. В. Данилов. – Саратов: // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. – 2010. – Т. 10, вып. 2. – С. 92–96.
4. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т.; / В. О. Ключевский, – Москва : Мысль, 1987 – [под ред. В. Л. Янина ; вступ. ст. В. Л. Янина, В. А. Александрова] – 426 с. – [Т.] 1: Курс русской истории.
5. Малышев, В. И. Житие Александра Невского. (По рукописи середины XVI в., Гребенщиковской старообрядческой общины в г. Риге) / В. И. Малышев // Труды Отдела древнерусской литературы. : Изд-во АН СССР, 1947. – Т. V. – М., Л. – С. 185–193.
6. Новгородцев, П. И. Восстановление святынь / П. И. Новгородцев // Об общественном

идеале. – М., 1991. – 639 с.

7. Цернак, К. Александр Невский и «окно в Европу» / К. Цернак // Князь Александр Невский и его эпоха: исследования и материалы. – СПб., 1995. – С. 75–80.

8. Шенк, Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Ф. Б. Шенк; / с нем. Е. Зеленской, М. Лавринович. – М. : Новое литературное обозрение, 2007.

Малыхина Л. Ю., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук учреждения образования «Брестский государственный технический университет»

Malykhina L.Y., candidate of historical sciences, associate professor, associate professor of the department of Humanities of the Brest state technical university

**ФЕНОМЕН УВЕКОВЕЧИВАНИЯ ПАМЯТИ
ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА И ЖЕРТВ ВОЙНЫ
В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ
THE PHENOMENON OF PERPETUATING THE MEMORY
OF DEFENDERS OF THE FATHERLAND AND VICTIMS
OF THE WAR IN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
AND STATE POLICY**

Статья посвящена исследованию феномена увековечивания памяти защитников Отечества и жертв Великой Отечественной войны. Согласно выводу автора, одним из источников сложившейся государственной практики сохранения и почитания памяти погибших является христианская религиозная традиция заботы об упокоении души.

The article is devoted to the study of the phenomenon of perpetuating the memory of defenders of the Fatherland and victims of the Great Patriotic War. According to the author's conclusion, one of the sources of the established state practice of preserving and honoring the memory of the dead is the Christian religious tradition of caring for the repose of the soul.

Ключевые слова: увековечивание, вечная память, историческая память, Великая Отечественная война.

Keywords: perpetuation, eternal memory, historical memory, the Great Patriotic War.

В формировании исторической памяти народа именно войны оказывают определяющее влияние на сохранение индивидуальных и коллективных воспоминаний. Коллективная память об истории Великой Отечественной войны является основой для национальной идентичности многих народов Восточной Европы. С этим наиболее масштабным событием XX в. связаны многие актуальные, мировоззренческие, ценностные и нравственные проблемы.

Практика увековечивания памяти о военных событиях, сложившаяся в лоне Русской православной церкви, дополняет и несколько отличается от способов мемориализации истории 1941–1945 гг., практикуемых государственными структурами Беларуси и России. Эти расхождения в понимании путей формирования исторической памяти народа возникли задолго до событий Второй мировой войны.

После революционных событий 1917 г., когда была пересмотрена концеп-

ция культурной памяти и преемственности поколений восточноевропейского сообщества, был установлен принцип нигилизма по отношению к культурной православной традиции.

«Этика нигилизма исходила из отрицания объективных ценностей, духовного внутреннего смысла жизни, единственным благом признавалось удовлетворение субъективных, в первую очередь, материальных потребностей большинства. Вера в возможность установления «рая на земле» основывалась на метафизической абсолютизации ценности разрушения. Русская религиозная философия пыталась противопоставить этому пафосу пафос созидания на основе веры в существование высших, общечеловеческих ценностей. Этим определяется та значимость, которую играют в символистской культурологии проблемы памяти» [1, с. 157].

Интерпретация памяти в работах русских религиозных философов-символистов П. А. Флоренского и Вяч. Иванова выступает в трёх моделях: 1) память как онтологическая основа культуры; 2) память как способ связи личности с культурой (антропологический аспект) и 3) память как основа исторической типологии культуры.

Первая, онтологическая модель памяти, базировалась на принципах символистской культурологии и представляла собой обращения к проблемам духа, построение картины мира по отношению Небо – Земля.

В советское время её стали вытеснять новоевропейским – горизонтальным типом мышления, который акцентировал внимание на эмпирическом, феноменальном мире. Горизонтальное светское мышление интерпретировало «культуру как механическую совокупность всех достижений человечества». Так, например, официальная история Великой Отечественной войны, которую исследуют на протяжении более семи послевоенных десятилетий и воспроизводят в культурной памяти народа, – это поражающая своими размерами совокупность фактов о ходе боевых действий на территории Советского Союза, о безвременно погибших на полях брани и в оккупации людей, о самотверженности бойцов Красной Армии и партизанских соединений, о победах и ошибках военно-стратегического и дипломатического характера и т. д. Эта история выступает как важное народное достояние, доказательство высокой цены доставшейся нам Победы, весомый аргумент в пользу мирного сосуществования народов.

Политика государственных и общественных организаций по увековечиванию памяти о Великой Отечественной войне в основном представлена такими направлениями, как изучение и исследование истории войны; поисковая деятельность; встречи с ветеранами; деятельность госорганов и общественных организаций по сохранению и возведению памятников; историографический анализ научной, научно-популярной и мемуарной литературы о войне; выявление и оцифровка архивных документов для пополнения имеющихся баз данных; патриотическая деятельность среди детей и молодёжи, включающая преподавание с 2005 г. спецкурса «Великая Отечественная война советского народа» в системе высшей школы Беларуси [2], а также истории этой же войны в школах Российской Федерации в рамках историко-культурного стандарта; работа по противодействию фальсификации истории и другими.

Большое значение в сохранении памяти о погибших на поле брани и жерт-

вах фашизма имеет государственная поддержка. В процессе создания новой идеологической концепции белорусского государства задача сохранения памяти о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войне всегда имела приоритет. Так, в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 21 декабря 1992 г. № 763 «Об увековечении памяти защитников Отечества и жертв войн» подчёркивалось, что «уважительное отношение к памяти защитников Отечества является священным долгом всех граждан Республики Беларусь» [5], определялись правовые, экономические и социальные основы деятельности по мемориализации той высокой цены, которую заплатил белорусский народ за Великую Победу.

Одним из первых указов вступившего в должность Президента Беларуси Александра Лукашенко стал Указ от 30 ноября 1994 года № 231 «Об улучшении работы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн в Республике Беларусь». Документ поручал создать при Министерстве обороны управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн и сформировать специализированное воинское формирование для проведения поисковой работы, связанной с увековечением памяти защитников Отечества и жертв войн.

Необходимость продолжения работы по мемориализации Великой Отечественной войны не ставится под сомнение. По словам российского учёного, доктора полит. наук Сергея Черняховского: «В каждой культуре есть базовый миф. Для христианского мира – это пришествие и подвиг Христа, для эллинистического мира – это 12 подвигов Геракла, для современной России такой же базовый системообразующий элемент – Победа в Великой Отечественной войне. {...} Об этом нужно рассказывать, как о коллективном подвиге спасения Человечества, подобном подвигу Христа» [3].

Концепт «память» фигурирует в абсолютном большинстве названий бывших и ныне действующих организаций и обществ, акций и юбилейных мероприятий, конференций, конкурсов и олимпиад, изданий и буклетов, посвящённых Великой Отечественной войне. Многие из мероприятий на военную тематику проходят под девизами «Вечная память героям!» или «Вечная память!» (т. е. и сражавшимся за Родину солдатам и трагически погибшим мирным жителям оккупированных территорий и тыла). И хотя связь между государственной политикой по сохранению памяти о защитниках Отечества, жертвах войны и религиозной практикой увековечивания имени очевидна, призыв сохранить «вечную память» в религиозном контексте приобретает новое осмысление, фокусируется на проблеме души.

Традиция (ритуал) увековечивания памяти о человеке, в том числе отдавшим свою жизнь на поле брани или погибшим, изначально носила религиозный контекст. Души безвременно, неожиданно ушедших из жизни людей, принесших жизнь свою как жертву во имя мира, спасения, победы стоило таким образом почтить и спасти, ибо уходили они, не покаядшись. В христианском понимании словосочетание «Вечная память (*кому-либо*)» представляет собой пожелание, чтобы всегда, вечно помнили кого-либо умершего, погибшего. Чтобы жизнь, отданная на поле брани или преждевременная, трагическая, не была напрасной, служила уроком для будущих поколений.

О народном героизме советского народа, заслужившего Великую Победу, как правило, вспоминают не только 9 мая.

22 июня во всех храмах Русской православной церкви по сложившейся традиции служат панихиды по воинам и мирным жителям, погибшим в Великой Отечественной войне. В своих обращениях к верующим в этот день пастыри часто напоминают людям о *«вождех и воинех за веру и Отечество на поле брани жизнь свою положивших, от ран и глада почивших, в пленении и горьких работах невинно умученных и убиенных, в блокаду скончавшихся и всех для Победы потрудившихся»*.

Православная церковь также считает долгом ежегодно, 29 августа (11 сентября), совершать чин *«поминовения православных воинов и о всех за Веру и Отечество на брани убиенных»*.

(Но поскольку это поминовение ещё при Екатерине Второй было назначено на такой исключительный день в году, как день воспоминания Усекновения главы святого Иоанна Предтечи, когда должны быть устранены все заупокойные моления, по распоряжению светской власти в 1903 г. этот чин в форме панихиды совершается в субботу Дмитриевскую). Это ближайшая суббота перед днём памяти св. великомученика Дмитрия Солунского (26 октября / 8 ноября).

Димитриевская суббота установлена в конце XIV в. вел. кн. Димитрием Донским, прежде всего, для поминовения воинов, погибших на Куликовом поле в 1380 г. Впоследствии в этот день стали совершать поминовение не только *«воинов православных, за веру и Отечество жизнь свою на поле брани положивших»*. Дмитриевская родительская суббота стала завершительным в календарном году днём всеобщего поминовения усопших, когда проводятся поминальные службы, а вечером православные верующие в кругу родных вспоминают почивших предков.

И в другие, подходящие для этого дни православные священнослужители творят панихиду о всех оставшихся без церковного погребения безвестно пропавших, похороненных в безымянных могилах бойцах, *«пострадавших и убиенных в различных походах за православную Веру и Отечество»*. Совершается также чин поминовения невинно убиенных, в том числе детей.

Именно в православном понимании высокая цена Победы приобретает истинно гуманистический смысл, ведь деятельность Русской православной церкви по увековечиванию представляет собой упоминание («поминовение») каждой души и молитву за её упокоение. Душ тех солдат и мирных жителей, чьи имена известны, и тех, кто остался безымянным героем или жертвой войны и также надеется на наше заступничество.

Выражение «вечная память» (от греческого αἰώνια μνήμη, и церковнославянского *вѣчнаа пѣмать*) – прежде всего является названием песнопения, используемого в православном богослужении для торжественного поминовения усопших. Изначально, в эллинистическом периоде такая практика использовалась для прославления как живых, так и умерших выдающихся лиц. В христианстве выражение использовалось в том же значении, но уже применительно к усопшим [7]. В более поздний период «Вечная память» стала последованием панихиды по любым усопшим. В богослужебной практике «вечная память» обычно поётся после заупокойных последований и ей обычно предшествует панихидное возгласие. В церковном понимании «Человек жив, пока живёт

память о нём».

Когда мы провозглашаем «Вечная память!», мы не впадаем в самоуверенность, что каждого ушедшего из земной жизни человека будут помнить последующие поколения. Говоря о вечной памяти, подразумевают достижение сопричастности с вечностью Бога. Только в памяти Божией, в узнаваемости Богом, по причастности к Богу мы достигаем вечности. Новый завет говорит, что «Бог есть Любовь». Провозглашая в конце земного пути «вечную память», мы выражаем надежду, что основной доминантой жизни героев и жертв войны была любовь – к семье, Родине и в этой жертвенной любви человек обрел симфоническую гармонию с божественной вечностью.

Помнить о трагических переломных этапах истории народа нужно прежде всего ныне живущим. Забвение генеалогических корней, по мнению П. Флоренского, это разновидность культурного нигилизма. Память о предках есть не только долг, она не только связывает личность с прошлым, но и становится важнейшим условием существования личности в культуре. В живой вечной памяти о достигнутых предками подвигах мы приобщаемся к этим свершениям. Причём род, как совокупность наших предков, состоит из имён. И очень важно в процессе реконструкции и передачи следующим поколениям истории Отечественной войны воскресить и почтить в памяти народной имя каждого без вести пропавшего, безымянного погибшего бойца, невинно убиенного ребёнка.

Рассматривая антропологический аспект памяти, П. Флоренский говорит: «Окончательная утеря имени общественно всегда означало гражданскую и историческую смерть, окончательное исчезновение с горизонта истории; напротив, вхождение в историю, закрепление в ней своего места, своей реальности всегда обозначалось как «создание себе имени», высшей степенью чего является вечная память имени соборным сознанием Церкви и, наконец, Богом» [8, с. 207].

Имена, являясь архетипами духа, существуют как форма культурной памяти. Память о конкретных именах наших соотечественников, миллионами ушедших из жизни в годы Великой Отечественной, одинаково важна и для церковного поминовения, и для личностного роста каждого из нас, служит укреплению народного духа и патриотизма.

Вертикальное религиозное мышление, к которому апеллирует в практике увековечивания народного подвига Русская православная церковь, переносит акценты в духовную сферу бытия человека и мира, помогает пробиться от массивных пластов культурной памяти к первоосновам бытия, утверждает идею христианского гуманизма, а не воинственности.

Процесс десекуляризации, затронувший народы постсоветского пространства, поставил вопрос о мемориализации событий Великой Отечественной войны в новую плоскость. Внешние формы увековечения памяти погибших – а это воинские ритуалы, почётный караул у вечного огня, возложение венков к обелискам и братским могилам и другие – нередко стали видоизменяться. В митингах всё чаще участвовали священнослужители Русской православной церкви и других конфессий. У памятников, обелисков, в мемориалах даже на гражданских панихидах по погибшим стали зажигать свечи. В конфигурациях самих мемориалов, как реконструированных, так и вновь созданных, стали ис-

пользоваться элементами религиозной символики.

Новые визуальные образы, элементы чина христианского поминовения душ усопших, включённые в мероприятия военно-патриотической направленности, несомненно влияют на эмоциональные составляющие мировоззрения современных поколений, подчёркивают важность сохранения и уважения как самой жизни человека – прообраза Бога на Земле, так и заботы о дальнейшей судьбе его бессмертной души.

Именно гуманистическая направленность антивоенного движения является условием для совместного сотворчества церковных, общественных и государственных организаций. Воссоздавая ценность христианского гуманизма в духовной культуре, Русская православная церковь обратила внимание на важность духовного спасения как невинно убиенных, так и бойцов, отдавших жизнь за Отчизну, воскресила в нас – непосредственных носителях этой культурной памяти – радость от прикосновения к духовной сокровищнице, осознания бессмертия человеческого духа, прикосновения к роду. Роду не как простой биологической зависимости человека от своих предков, а роду, место в котором даёт опору для собственного духовного восхождения.

Но было бы неверно ограничивать миссию церкви в деле сохранения памяти о войне только совершением панихид. Восстанавливая историю Великой Отечественной войны, Русская православная церковь отвечает на очередные вызовы времени. Чтобы, например, отвергая обвинения в пособничестве оккупантам, определить достойное место РПЦ в событиях 1941–1945 гг. Нуждаются в уточнении и корректировке множество фактов о взаимоотношениях Московской Патриархии и сталинского руководства. Необходимо дальнейшее обнародование и оценка фактов подвижничества священнослужителей, патриотического курса Патриархии в годы войны.

В начале 2020 г. XXVIII Международные Рождественские образовательные чтения в Москве были посвящены теме «Великая Победа: наследие и наследники». Это стало первым целенаправленным обращением к проблематике войны за всю практику существования этого авторитетного форума. 16–17 мая 2021 г. состоялись XXIX Международные образовательные чтения по теме «Александр Невский: Запад и Восток, историческая память народа». Вспоминая имя святого благоверного князя Александра Ярославовича Невского, хранителя православной веры, русского полководца XIII в., который воевал за Отечество, мы ещё раз столкнулись с необходимостью оживить тему национальной и религиозной идентичности, родовой и исторической памяти современных поколений, их обязанности перед предками.

Увековечивание памяти о защитниках Отечества и жертвах войны – основа культурно-исторической политики в белорусской республике, полностью соответствующая духовно-православным традициям белорусского народа – чтить память предков, быть благодарными за их защиту и заботу о потомках.

Литература и источники

1. Аленькова, Ю. В. Понятие культурной памяти в философско-религиозных воззрениях русского символизма / Ю. В. Аленькова // VIII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвящённые Дням славянской письменности и культуры : Материалы чтений, Минск, 23–26 мая 2002 г. : / ЕГУ, Институт теологии, БГУ культуры; Редкол.: Бендин А.Ю.

(отв. ред.) и др. – Минск : ООО «Ковчег», 2003. – Ч. 1, кн. 2. – С. 157–164.

2. Болсун, Г. А. О преподавании спецкурса «Великая Отечественная война советского народа в контексте Второй мировой войны» в системе высшей школы / Г. А. Болсун // Вестник БДУ. Сер. 3. – 2005. – № 2. С. 108–113

3. Болсун, Г. А. Воспитание памяти. Спецкурс «Великая Отечественная война советского народа в контексте Второй мировой войны» в системе высшей школы Республики Беларусь / Г. А. Болсун // Беларуская думка. – 2010. – № 11. – С. 142–148.

4. Как преподавать историю Великой Отечественной войны // Столичное образование [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.stolichnoe-obrazovanie.ru/istoriya/551-kak-prepodavat-istoriyu-velikoj-otechestvennoj-vojny>– Дата доступа: 12.11.2019.

5. Козак, К. І. Мемарыялізацыя вайны : сацыяльныя аспекты / К. І. Козак // Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў : матэрыялы міжнар. навук. семінара, Мінск, 1 верас. 2003 г. / Нац. арх. Рэсп. Беларусь ; адк. рэд.: В. Ф. Балакіраў, К. І. Козак. – Мінск, 2004. – 207 с. – С. 200–201.

6.) Об увековечении памяти защитников Отечества и жертв войн [Электронный ресурс]: (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 декабря 1992 г. № 763 – Режим доступа : <https://belzakon.net> – Дата доступа : 30.10.2019.

7. Савчук, Т. П. Увековечение событий Великой Отечественной войны в Беларуси: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Т. П. Савчук; учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина». – Минск, 2013. – 21 с.

8. Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1. А–Й. – 702 с.

9. Флоренский, П. А. Сочинения: в 4-х т. / Сост. и общ. ред. Игумена Андроника (А. С. Трубачёва), П. В. Флоренского, М. С. Трубачёвой. – М. : Мысль, 1999. – Т. 3 (2).

Мищенко В. В., кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», филиал БГУ в г. Новозыбкове, РФ

Mishchenko V.V. Ph.D., associate professor FGBOU VO Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky"branch of BSU in Novozybkov, Russia

ХРИСТИАНСКИЕ МЕНЬШИНСТВА И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

CHRISTIAN MINORITIES AND THE CONFESSIONAL POLICY OF THE SOVIET STATE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

В статье проводится анализ поведенческих линий конфессиональных групп христианских меньшинств (старообрядцы, баптисты, евангельские христиане) и их отношение к Великой Отечественной войне. Также рассматривается изменение конфессиональной политики Советского государства. Советское государство и христианская общественность в годы Великой Отечественной войны возродило духовное образование и деятельность культовых учреждений. Однако дальнейшая реализация руководством страны конфессиональной политики шла в разрез относительно перспектив построения коммунистического общества.

The article analyzes the behavioral lines of confessional groups of Christian minorities (Old Believers, Baptists, Evangelical Christians) and their attitude to the Great Patriotic War. The change in the confessional policy of the Soviet state is also considered. During the Great Patriotic War, the Soviet state and the Christian community revived spiritual education and the activities of religious

institutions. However, the further implementation of the country's confessional policy by the country's leadership ran counter to the prospects for building a communist society.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, старообрядцы, баптисты, евангельские христиане, конфессиональная политика, государственно-конфессиональные отношения.

Key words: Great Patriotic War, Old Believers, Baptists, Evangelical Christians, confessional policy, state-confessional attitude.

К началу Великой Отечественной войны отношения между государством и конфессиональными организациями в СССР были сложными от нормальных. Определяющим принципом в отношениях Советской власти с религией был атеистический характер коммунистической идеологии. Подавление религиозного сознания являлось одной из программных задач партии большевиков. После тотального погрома церкви, произведенного Советской властью в 1929–1940 годах, положение всех конфессий накануне и в самом начале войны 1941 года было крайне тяжелым.

В годы Великой Отечественной войны представители всех конфессий воевали за свободу своей Родины, отбросив все идеологические разногласия, забыв о нетерпимости к религии со стороны государства. Актуальным представляется изучение участия представителей конфессиональных меньшинств – старообрядцев и конфессиональные группы протестантов в СССР, баптистов и евангельских христиан.

Эти конфессиональные группы «роднит» и то, что в 1930-е гг. они практически стояли на грани исчезновения из-за репрессивной религиозной политики советских органов власти.

Архиепископ Михаил [11, с. 174] и два епископа Трифон [15, с. 284] и Иоанн [7, с. 118] Древлеправославной Церкви («беглопоповского» согласия) были вынуждены скрываться от преследования официальных властей на юге – Орджоникидзиевский край, Грузинская ССР и Сталинградская область. Единственный остававшийся на свободе весь период гонений на старообрядцев до войны епископ Калужско-Смоленский Белокриницкой иерархии (Русская Православная Старообрядческая Церковь) Сава (Ананьев) в 1941 году возвел в сан архиепископа Московского и всея Руси вернувшегося из заключения епископа Иринарха (Парфенова) [8, с. 34] – он служил, в основном, в Покровском соборе на Рогожском кладбище [4, с. 554].

У евангельских христиан и баптистов дело обстояло еще менее благополучно. Руководящий орган баптистов — Всесоюзный совет баптистов — перестал действовать в 1935 году, а спустя три года, в 1938 году, практически прекратил свою деятельность Всесоюзный совет евангельских христиан. Из Совета евангельских христиан уцелела едва ли не половина состава. Союз баптистов фактически был обезглавлен, так как его председатель Н. Одинцов погиб в лагере. Все церковные здания у общин отобрали, а из молитвенных домов евангельских христиан и баптистов на начало войны действовало лишь четыре: в Москве, знаменитый дом в Малом Трехсвятительском переулке, Ленинграде, Новосибирске и Ульяновске.

В то же время довольно ощутимая часть населения РСФСР на начало Второй мировой войны сохранила приверженность своим конфессиям. Так, по Почепскому району Орловской области (ныне Брянской области) о сохранившейся накануне войны религиозности населения говорят следующие цифры. В селе Третьяки из

56 дворов 88 человек при переписи назвались православными, 5 – баптистами, 26 – безбожниками. По участку № 3 г. Почепа 86 записались православными, 5 – безбожниками, по участку № 118: 49 – православными, 3 – безбожниками, по участку № 122 г. Почепа: 40 – православными, 6 – безбожниками [6, с. 316–320]. В Смоленске: 24 100 жителей записались православными, 1 128 – верующими других конфессий, в основном евангельскими христианами и баптистами, и только 201, что составляет менее 1%, – неверующими [6, с. 316–320]. Подобное положение складывалось повсеместно – в других городах РСФСР неверующими называли себя от 1 до 4% населения. Этот вывод подтвердили и результаты проведенной в стране переписи. Из 97 521 тыс. человек 55 278 тыс. (56,7 %) заявили о себе как о верующих [2, с. 106–107]. В феврале 1937 года в докладной записке на имя секретарей ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича, А. А. Андреева, Н. И. Ежова «О состоянии антирелигиозной работы» было сказано: «...полное закрытие церквей и молитвенных домов в ряде районов РСФСР не привело к снижению религиозности населения» [6, с. 316–320].

С началом Великой Отечественной войны Правительство Советского государства было вынуждено отказаться от репрессивной конфессиональной политики и перейти к практике частичных уступок в интересах религиозного населения страны. Продолжение конфронтации во взаимоотношениях между конфессиями и государством в условиях войны было чревато расколом в рядах трудового тыла, а также делало государственную власть уязвимой со стороны верующего населения. Правительство вынуждено было обуздать свой воинствующий атеизм, заменить его более лояльной по отношению к религиозным объединениям государственно-конфессиональной политикой. В свою очередь, конфессии заняли в трудные для страны дни патриотическую позицию. Так, в первый же день войны глава Русской православной церкви – местоблюститель патриаршего престола Сергей обратился с посланием «К пастырям и пасомым Христовой православной церкви» [3, с. 387–389], в котором заявил о неразрывных исторических связях Русской православной церкви с судьбами Родины и призвал всех верующих встать на ее защиту. Аналогичные обращения приняли и другие религиозные организации. Первосвященник Древлеправославной церкви Иринарх обратился к пастве с архипастырским посланием. В нем говорилось: «Старообрядцы никогда не были изменниками Родины. Они до последней капли крови защищали свое родное отечество. Мы уверены, что в годину тяжелых испытаний, которые нам в настоящее время приходится переживать, старообрядчество, также верное своим вековым традициям, дружно даст отпор коварному врагу, посягнувшему на наши священные границы» [8, с. 24–26].

Война поставила церковь евангельских христиан в очень сложное положение, потому что из гонимой в любой момент она могла превратиться во вражескую церковь. На это существовали свои причины. Первая – на оккупированных территориях стали открываться не только православные храмы, но и молитвенные дома евангельских христиан и баптистов. Положение протестантов отличалось от православных верующих тем, что у них было множество братьев по вере среди немецких солдат. В условиях кровопролитной войны это выглядело непозволительным. Вторая отличительная черта протестантов – пацифизм, корни которого уходили в XIX век, к менонитам и писателю графу

Льву Толстому. Можно себе представить, как должны были в военных условиях относиться к пацифистам. Всесоюзный Совет евангельских христиан в первые же дни войны разослал по всем общинам письмо с призывом активно выступить на защиту Родины. Исполняющий обязанности председателя Союза Михаил Орлов выпустил 28 июня 1941 года письмо ко всем членам церкви евангельских христиан. В нем не только говорилось о полной поддержке правительства в войне с Германией, что было естественно. Значительная часть письма посвящалась объяснению законности и обоснованности военной службы. Союз решительно встал на защиту тех членов, кто в первые дни войны сразу ушел на фронт, и осудил пацифистов. Это стало причиной издания целого ряда писем и богословских посланий, посвященных вопросу службы в армии верующих. Самым знаменитым было «Письмо по военному вопросу» руководства евангельских христиан и брошюра «Христианин и родина», написанная членом Совета евангельских христиан В. Урштейном.

«Письмо по военному вопросу» содержало взгляд на войну, на оружие с христианской точки зрения: «Что говорит Библия об употреблении оружия? Она говорит, что меч (оружие) может быть Божиим мечом». Всесоюзный Совет евангельских христиан и баптистов в своем послании призывал паству встать в ряды бойцов Красной Армии, работать в тылу: «Опасность для Евангелия велика... Дорогому для всех христиан имени Христа Германия желает противопоставить имя кровавого фюрера. Пусть каждый брат и каждая сестра исполняет свой долг перед Богом и перед Родиной... Будем мы, верующие, лучшими воинами на фронте и лучшими работниками в тылу! Любимая Родина должна остаться свободной...» [12, с. 2]. Письмо-воззвание, а также сближение между работниками Союзов евангельских христиан и баптистов привело в 1942 году к образованию Временного совета евангельских христиан и баптистов в Москве. В его состав от евангельских христиан вошли М. А. Орлов, Я. И. Жидков, А. Л. Андреев и А. В. Карев; от баптистов – М. И. Голяев, Н. А. Левинданто, П. И. Малин и Ф. Г. Патковский [9, с. 230].

Знаковым событием в развитии взаимоотношений между конфессиями и Советским государством, наполнявшихся в условиях войны новым патриотическим содержанием, стала встреча И. В. Сталина с ведущими иерархами – митрополитами Сергием (Старгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) 4 сентября 1943 г., на которой были обсуждены актуальные вопросы возрождения церковной организации и где Русская православная церковь получила разрешение на формирование канонических органов управления [10, с. 90]. Кроме разрешения на избрание и последующее избрание Архиерейским Собором предстоятеля Русской православной церкви с титулом «Патриарх Московский и всея Руси» митрополита Сергия [13, с. 650], результатами этой встречи стали: образование Духовного управления мусульман Средней Азии (1943 г.), Северного Кавказа и Дагестана (1944 г.), Закавказья (1944 г.) [14, с. 147]; Совета евангельских христиан-баптистов (1945 г.), регистрация и других конфессий. Кроме этого, «Союз воинствующих безбожников» прекращает свое существование. Также с целью урегулирования отношений с верующими и «соблюдения советской законности» были учреждены два новых государственных органа, ведавших делами религиозных объединений. В сентябре

1943 г. по распоряжению И. В. Сталина учрежден Совет по делам Русской православной церкви. Постановлением СНК СССР от 19 мая 1944 г. учреждается Совет по делам религиозных культов при СНК СССР как орган, призванный осуществлять связь между правительством и руководителями религиозных объединений всех конфессий, кроме православной. На Совет по делам религиозных культов Советом Министров СССР было возложено осуществление контроля за соблюдением, правильным применением и исполнением всех законодательных актов, относящихся к религии [1, с. 32].

С этого исторического момента началось «потепление» в отношениях между конфессиями и государством, однако конфессии непрестанно пребывали под государственным контролем, и любые попытки расширения культовой деятельности конфессии.

Таким образом, сложившиеся государственно-конфессиональные отношения к 1940 г. в рамках репрессивной политики пришлось изменить с началом Великой Отечественной войны. Советское государство и общественность в небольшой исторический период времени обустроило и упорядочило руководство как традиционными для страны конфессиями – православие и ислам, так и конфессиональные меньшинства – старообрядчество, баптизм и др., возродило духовное образование и деятельность культовых учреждений. Однако дальнейшая реализация руководством страны конфессиональной политики шла в разрез относительно перспектив построения коммунистического общества.

Литература и источники

1. Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы, 1939–1958: Дискуссионные аспекты / редкол.: Г. П. Мурашко, М. И. Одинцов; РАН Ин-т славяноведения. – М., 2003. – 380 с.
2. Всесоюзная перепись 1937 г. Краткие итоги / Ю. А. Поляков М., 1991. – 238 с. [и др.].
3. Государство Российское: власть и общество: с древнейших времён до наших дней: Сборник документов: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. С. Кукушкина. – М., 1996. – 527 с.
4. История Русской Православной Церкви. Новый Патриарший период / М. Б. Данилушкин [и др.]. – СПб., 1997. – Т. 1. 1917–1970.
5. Епископы Русской православной старообрядческой церкви в 1930-х гг: Библиографический словарь // Во время оно... История старообрядчества в свидетельствах и документах. Приложение к журналу «Церковь». – 2009. – № 5. – С.3 – 40.
6. Записка Отдела культпросветработы ЦК ВКП(б) секретарям ЦК ВКП(б) Кагановичу Л. М., Андрееву А., Ежову Н. И. о состоянии антирелигиозной работы. Февраль 1937 г. // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М. : Изд-во Библейско-Богословского Института св. апостола Андрея, 1996.
7. Вургафт С.Г., Иоанн (Спиридон Киприанович Калинин) / С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков // Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря / С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков. – М., 1996. – 118 с.
8. Иринарх. Епископы Русской Православной Старообрядческой Церкви в 1930-х гг // Во время оно. Приложение к журналу «Церковь». – 2009 г. – Вып. № 5.
9. История евангельских христиан-баптистов в СССР. М., 1989. – 624 с.
10. Куроедов, В. А. Религия и церковь в советском обществе / В. А. Куроедов. – М., 1984.
11. Михаил (Кочетов) // С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков // Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря / С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков. – М., 1996. – 118 с.
12. Письмо по военному вопросу к евангельским христианам и баптистам СССР Всесо-

юзного Совета евангельских христиан и баптистов. – М., 1942.

13. Русское православие. Вехи истории / под ред. А. И. Клебанова. – М. : политиздат, 1989. – 719 с.

14. Саидбаев Т. С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования / Т. С. Саидбаев. – М., 1978.

15. Вургафт С. Г., Трифон (Тимофей Фомич Епишев) // С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря / С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков. – М., 1996. – 118 с.

Мищенко Т. А., кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», филиал БГУ в г. Новозыбкове, РФ

Mishchenko T.A., Ph.D., associate professor FGBOU VO Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky"branch of BSU in Novozybkov, Russia

**КАЧЕЛИ, ИЛКА, ПЫЖИ, КАМЕНЬКИ: КАК ИГРАЛИ, РАБОТАЛИ,
ВЫЖИВАЛИ «ДЕТИ ВОЙНЫ» В 1941-1943 ГГ.
SWING, ILKA, WADS, STONES: HOW THEY PLAYED, WORKED,
SURVIVED THE "CHILDREN OF WAR" IN 1941-1943.**

Исследование на основе устных историй, собранных студентами НФ БГУ, опубликованными воспоминаниями сельских и городских жителей юго-запада Брянщины, которые в детстве и раннем подростковом возрасте пережили период оккупации и освобождение края в 1941–1943 гг. Приводится также несколько эпизодов воспоминаний жителей сел Добрушского района Гомельской области. Автор обращает внимание на контраст поведения захватчиков: большую жестокость при оккупации сел Восточной Беларуси, явную ненависть жителей к немцам. На Брянщине «дети войны» почти не ощутили присутствие немцев, в их рассказах возникают другие нации захватчиков, местные полицаи, власовцы. Различаются воспоминания по месту проживания детей – город или деревня, по возрасту.

Research based on oral stories collected by students of the NF BSU, published memoirs of rural and urban residents of the southwestern Bryansk region, who in childhood and early adolescence survived the period of occupation and liberation of the region in 1941-1943. There are also several episodes of recollections of the residents of the villages of the Dobrush district of the Gomel region. The author draws attention to the contrast in the behavior of the invaders: the great cruelty during the occupation of the villages of Eastern Belarus, the obvious hatred of the inhabitants towards the Germans. In the Bryansk region, the "children of war" almost did not feel the presence of the Germans, in their stories other nations of invaders, local policemen, Vlasovites appear. Memories differ according to the place of residence of children - city or village, age.

Ключевые слова: «дети войны», оккупация, юго-запад Брянщины, Восточная Белоруссия, устные истории.

Keywords: "children of war", occupation, south-west of Bryansk region, Eastern Belarus, oral histories.

Изучение повседневности мирного населения в период Великой Отечественной войны – относительно новая тема исторических исследований. Сложнее изучать то, что не является подвигом, явным проявлением героизма, примером подражания потомкам. Однако достоинство людей, выживание в условиях тотальной войны, сопряженной с беспрецедентной жестокостью к мирному населению, составляет важную часть исторической памяти о трагедии войны.

Ковалев Б. Н. в предисловии к книге «Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации» пишет: «Вторая мировая война была трагическим испытанием для многих миллионов людей. Смерть и разрушения, голод и нужда стали элементами повседневной жизни. Особенно тяжело переживалось все это на захваченных врагом территориях. Любой человек хочет жить. Любой человек хочет, чтобы жили его родные и близкие. Но существовать можно по-разному. Есть определенная свобода выбора: можно стать участником движения сопротивления, а кто-то предложит свои услуги иноземному захватчику» [16, с. 5].

Особой категорией населения, пережившей период оккупации в ходе Великой Отечественной войны, являются дети и подростки. Они были наиболее зависимы и уязвимы в условиях войны. Сейчас это пожилые люди, которые много лет прожили в своих родных местах, возродили мирную жизнь в послевоенный период, создали семьи и обеспечили последующим поколениям устойчивый мир, поддержку и развитие. Их воспоминания о военном детстве, представления об окружающем мире: Родине, враге, беде и взаимопомощи, семье и родстве – являются важным историческим источником, формирующим историческую память народа из субъективных позиций носителей памяти.

Регионом исследования, где студентами филиала БГУ в г. Новозыбкове в 2015–2016 гг. записывались устные истории «детей войны», являются пограничные районы России и Беларуси: Добрушский район Гомельской области РБ и Новозыбковский, Климовский, Злынковский районы РФ. Следует отметить, что в основном опрашивались местные жители, однако несколько респондентов перемещалось как в ходе войны в 1941–1943 гг. из другой области (Смоленской) или района современной Брянщины, что позволяет расширить представления о жизненных сценариях «детей войны». Среди опрашиваемых преобладают женщины, что отражает объективную ситуацию с разной продолжительностью жизни пожилых людей в нашей стране и сопредельных государствах. Об основных отличиях мужского и женского образа исторического прошлого в своем методологическом труде «Гендерная теория и историческое знание» написала Н. Л. Пушкарева: «В конечном счёте, исследователи сходятся в том, что память женщин – эмоциональнее и рефлексивнее (иногда со склонностью к морализированию), а мужчин – логичнее, согласованнее, событийнее... «Пространство» женских нарративов населеннее, оно более насыщено живыми людьми со своими страстями и переживаниями, но они зачастую плохо «поименованы» (просто Сонечки, просто Николай Петровичи). Пространство мужчин – более номинированное, там больше конкретных имен с фамилиями, да еще со званиями и социальным статусом, но что это за характеры – подчас догадаться нелегко» [18, с. 307]. Таким образом, в исследовании отражены послеленческие, гендерные и возрастные особенности воспоминаний «детей войны».

Оккупационный режим на территории СССР зачастую соотносят с Генеральным планом «Ост», который был подготовлен по приказу рейхсфюрера СС Гиммлера, носил теоретический характер, дорабатывался в 1941–1943 гг. и известен в нескольких отрывках, но не в целостном тексте. Это был определенный расчет на «историческую перспективу», в которой славянским народам и другим народам СССР отводилась роль полуграмотных рабов, обслуживавших

арийскую расу.

В ходе установления оккупационного режима административно-территориальное деление было изменено. Многие меры оккупационных властей зависели уже от распоряжений по округам, дистриктам, рейхкомиссариатам. Восточнее Днепра (включая практически всю оккупированную территорию России, значительные регионы Украины и Белоруссии) действовала юрисдикция военной администрации под контролем Верховного командования вермахта.... Другая часть оккупированной территории управлялась гражданской администрацией под руководством имперского министерства по делам оккупированных Восточных территорий во главе с Розенбергом. Эти территории передавались гражданским властям постепенно, по мере продвижения гитлеровских войск на Восток. Их административные границы начали оформляться в августе – сентябре 1941 г. Зона под контролем гражданской администрации была разделена на рейхскомиссариаты «Остланд» и «Украина» [4, с. 45]. Восточная часть Белоруссии вошла в генеральный округ «Белоруссия» рейхскомиссариата «Остланд». Юго-западные районы Брянской области, как часть РСФСР, не имели единой гражданской администрации и унифицированного управления. В городах создавались управы, в сельских районах – комендатуры. Вся полнота власти в районах (волостях) принадлежала соответствующим военным комендантам. В волостях назначались старшины (бургомистры), в деревнях и селах – старосты. Все бывшие советские органы были распущены, общественные организации – запрещены. Порядок в сельских районах обеспечивали полицейские, в крупных населённых пунктах – подразделения СС и охранные части. Кроме утраты государственности, оккупанты руководствовались положением Генерального плана «Ост» об освобождении от местного населения земель Украины и Белоруссии, Прибалтики для переселения 4,5 миллиона немцев. Для этого предполагалось истребить или переселить в Западную Сибирь 75 % населения Белоруссии, 65 % населения Западной Украины [4, с. 48]. Возможно, этими перспективами руководствовалась армия вторжения на территории Восточной Белоруссии, где мы фиксируем в ответах респондентов о появлении врага постоянную и неоправданную жестокость по отношению к местным жителям.

«Немцы знаешь что делали? Немцы шли прямо на город. С ними хороший наш человек, умев гаманёт по-нямецки А я ...кабан был годовик вяликий... осталась дура стяречь. Мужчина тэй: чагой-та ты? Утыкай...знаешь что будут делать? Ён их вёв, усё рассказывав и указывав, а тада все равно застрялили»¹.

«А мой старый [муж пошёл в соседнее село после отступления немцев] дак питав: «Штой-то в вас такое? Ни печи, ничего»...Всё спалили, только четыре двory остались...а недорослых ловили и на колки садили. А старых полные колодцы понакидывали»².

Примечательно, что женщины из сел Добрушского р-она Гомельской области называют врагов только словом «немцы», а жительницы юго-запада Брянщины упоминают немцев вскользь и останавливаются на других нациях оккупантов. «... Да как, жили, а тогда смотрим – едут немцы на мотоциклах, на машинах, ну заселились. Некоторые, конечно, были в восторге, плохо и плакали, а другие

¹ Записано от Евсеенко М. И., 1920 г.р., с. Усоха Буда Добрушского р-на Гомельской области.

² Записано от Евсеенко М. И., 1920 г.р., с. Усоха Буда Добрушского р-на Гомельской области.

встречали с хлебом, с солью, там один такой был у нас, что его и старостой поставили. Ну такое ж было это время»³.

«...Я не могу сказать, то ли мордвины, то ли французы, черт их знает. ...Я стою, подъезжает машина голубая шикарная и оттуда они по-своему что то говорят. Ну не немцы были. А я же плачу, те поддерживать меня стали: «Не плачь!» Один подошел, меня по головке погладил и дал большую широкую шоколадину, дает мне, а я не беру. А другой подошел и по-русски говорит: «Не плачь, не плачь, бери шоколадку, а где твой папа, где твоя мама?» Я говорю: «Нет у меня ни папы, ни мамы. Он говорит: «А где они?» Я отвечаю: «Не знаю, немцы забрали». Он посмеялся. Ну не немец же был, я их и не видела ни разу»⁴.

В рассказах о других народах среди оккупантов встречаются и истории о «добром человеке на войне»: «...Какие-то шли поляки. Мы болели и корью, коклюшем и скарлатиной. Одни придут в дом, просят еды. Боялись, что б не заразиться, отказывались и сахарок давали. А другие придут. Им matka плачет, что дети болеют. Всякие же были. Были милосердные, хорошие, а другие придут, дом откроют и тянут зашкурки матку, требуют все. Она плачет: «Что я? У меня б детей. Нет ничего». Всякие были. А были поляки, придут в дом, вынут из сумки сахарок и в чаек, чаек. Рассказывали, что они приходили к больным детям с лекарством»⁵.

Иногда человек другой национальности был не просто чужой, он старался сотворить зло, а все вместе дети противостояли беде, заступаясь друг за друга.

«По моим воспоминаниям у нас были по национальности только итальянцы, а один раз ворвался к нам в дом итальянец, а у нас соседская девочка была в гостях звали её Катя, красивая такая и он за ней, а мы с моей сестрой Тасей сцепились за Катю, он уже хотел забрать её с собой, да мы не дали»⁶.

«Сейчас я тебе расскажу, не так немцев, как там модяров завербовывали ещё каких-то, черт их знает. И они заходят и давай там яйца, масло. И пошла Уля там, соседка, в сарай, а их двое. Один стал на дверях, а другой за ней в сарае. Да и давай её хотел изнасиловать. Схватил, а она тоже такая как я, лет десять, она кричать, а этот не пускает. Да она в окно...»⁷.

Итак, первые впечатления о враге в детских воспоминаниях связаны не только с поименованием – кто эти враги, убежденностью, что они могут забрать детей или их родителей, но и с появлением техники: автомобили, мотоциклы. Многие участники опроса вспоминают, что боялись появления техники на улице своего села и сразу убегали домой. «Мы боялись машин, их тогда не было, если машина какая-

³ Записано от Хроменок Веры Евлампиевны, 1933 г. р. с. Чолхов, пос. Марковщина, проживает в Гетмановой Буде Климовского района Брянской области.

⁴ Записано от Грюкановой Нины Алексеевны, 1938г. р. с. Гетманова Буда Климовского района Брянской области.

⁵ Записано от Грюкановой Нины Алексеевны, 1938г. р. с. Гетманова Буда Климовского района Брянской области.

⁶ Записано от Гучковой Анны Васильевны, 1928 г. р., с. Замишево Новозыбковского района Брянской области.

⁷ Записано от Ткачу Екатерины Терентьевны, 1929 г. р., д. Садок Климовского района Брянской области.

нибудь едет, так бежали во двор к кому-нибудь»⁸. «18 августа 1941 года мне было 14 лет, в нашу деревню вошли немцы утром, первыми в деревню приехали немецкие мотоциклисты, затем машины и танки. Жители прятались в домах и не выходили на улицу, боялись, что фашисты будут по ним стрелять»⁹.

Жители сел в своих небольших сообществах в период оккупации больше соприкасались с противостоянием местных пособников врагов – полицаяев, также общаются о коллаборационистах – власовцах. Каждая семья опрашиваемых в той или иной степени была связана с партизанами. Их прятали, кормили, переправляли в лес и даже случайно встречали. Дети передают в своих рассказах, как на уровне местного сообщества нужно было решать, как поступить в том или ином случае, чтобы остаться в живых и не подвести взрослых, особенно партизан. В одном из повествований женщина сообщила, что в лесу группа детей случайно встретила партизанских разведчиков, которые их подробно расспрашивали, но, когда часть партизан ушла проверить сведения в село, детей не отпустили и продержали до вечера. *«Сидели-сидели, уже темно, а нас держат, партизаны не пускают домой.*

– Вас целый день там держали?

– Да, потому что думают, вы ж пойдете, расскажете там и не дай Бог, полиция туда нагрянет. Ну, правильно. Этот, что поставили его старостой, так и его ж там двое детей было. И он вскипятился, только сказал, пойду в полицию заявлю, а тут наши родители: «Ты что, детей хочешь погубить?». Не разрешили ему, не пустили. Держали нас до самой темноты, уже солнце зашло. Запрягли тройку и поехали они по своему пути, партизаны куда-то переправлялись и нас посадили. Мы все в плач, думаем, куда же они нас везут. Но они нас довели до конца леса, разворачивают тройку коней и посадили сопровождающих с винтовками и нас до края леса довели и отправили, ну и мы побежали. Нас встречали: «Так и так, где партизаны?», уже уехали, идите, ищите. Вот так и было»¹⁰.

Время оккупации по-разному помнят малыши и подростки. У того, кто был в 1941–1943 гг. ребенком 3–5 лет, постоянно присутствует сюжет вкусной еды, сладкого – как чудеса избавления, радость, иногда коварство врага. *«Пришли с лесу, у нас тогда скамейки стояли и только заходим в хату, а на скамейке, как копеечка, лежит... кто-нибудь положил. Конфета. Я скорее конфету в рот, а мамка у меня забирает изо рта, может, говорит, отраву какую ... Я в слезы, мы же не видели в то время конфет»¹¹.*

«Бежали на улице, гуляли, мама пришла – плачет и папа плачет, а мы стали все пятеро и говорим: «Мам, а что такое?» Она говорит: «Ой, деточки мои, что ж такое, война идет, папку нашего на войну заберут». Я самая меньшая стою, Лени еще не было, Леня родился, когда отступали. А я стою и говорю: «А пускай наш папа идет на войну, так нам принесет много конфет и одежды, обуви, так мы будем не босые бегать, а одеты и обутые». Дурная была. Мат-

⁸ Записано от Грюкановой Нины Алексеевны, 1938г. р. с. Гетманова Буда Климовского района Брянской области.

⁹ Записано от Войтенка Алексея Стефановича, 1927 г. р., С.Басихино, Стародубский район Брянской области.

¹⁰ Записано от Хроменок Веры Евлампиевны, 1933 г. р. с.Чолхов, пос. Марковщина, проживает в Гетмановой Буде Климовского района Брянской области.

¹¹ Записано от Хроменок Веры Евлампиевны, 1933 г. р. с.Чолхов, пос. Марковщина, проживает в Гетмановой Буде Климовского района Брянской области.

*ка как заплачет, все плачут, а я говорю, пускай идет папа на войну за конфетами. Разве я тогда конфет видела? Картошку толченую с маслом*¹².

Со слов Леженниковой Антонины Андреевны, которой на момент начала оккупации было три года, записали: *«Помнит как началась война, она находилась у своей бабушки, после объявления войны и всеобщей паники её с братом посадили на повозку, укутали платками дав с собой пару булок хлеба, и отправили в лес по дороге. Они встретили немцев, которые ехали на мотоциклах с колясками следом за ними. Приехав в лес, она увидела, как мужчины рыли окопы и землянки, жители деревни перегоняли туда скот коров и строили для них хлева. Через какое-то время она сильно заболела, её кормили супом. через какое-то время она выздоровела»*¹³.

Сюжет с едой в воспоминаниях самых маленьких «детей войны» имеет и объективные причины, связанные с «решением продовольственного вопроса» оккупационными властями. Если изначально нацистским идеологам казалось, что можно немедленно пожертвовать миллионами советских граждан и расчислить территорию для немецких поселенцев, то реалии первых месяцев войны показали, что оккупационные власти нуждаются в местном населении: нужен их труд, продукты питания, снабжение армии, администрации и населения городов. Система распределения продуктов на оккупированной территории для местного населения была организована по остаточному принципу (в первую очередь снабжался вермахт, потом германские подданные, фольксдойче, нееврейское население и лишь затем – местные жители) Евреи занимали последнее место в этой иерархии [4, с. 71]. Попытки создать видимость мирной жизни выражались и в открытии начальных школ на данной территории. 10 сентября 1941 г. гауляйтер генерального округа «Белоруссия» В. Кубе издал директиву о «культурном возрождении края». Она предусматривала открытие школ для детей (за исключением еврейских) от 7 до 14 лет. К концу 1942 г. здесь было 3485 школ и прогимназий, в которых обучались почти 350000 учащихся и работали около 10000 педагогов [4, с. 48].

Однако никто из наших респондентов не посещал школу в период оккупации. Многих детей практически не выпускали из дома, а подростки должны были работать. Мы различаем в их воспоминаниях два вида труда: помощь семье и труд по принуждению по распоряжению оккупационных властей. Последнее подростки-девочки вспоминали как мучение и оскорбление. Их отправляли на тяжелые и опасные работы, как взрослых. Зачастую инициатива принадлежала полицаям и старостам.

«Когда началась война, мне было 13 лет.... До войны я окончила четыре класса, а когда уже началась война, когда нас забрали немцы, мы уже выходили работать, нас гоняли чистить шлях. Во время оккупации шлях манюковский считался еще замишевскими... заставляли, гоняли чистить его, чтобы туда и оттуда могли проехать немецкие машины. А зима крепко снежная была, снега было много, и каждое утро полицай ходили по дворам и выгоняли всех чистить

¹² Записано от Хроменок Веры Евлампиевны, 1933 г. р. с.Чолхов, пос. Марковщина, проживает в Гетмановой Буде Климовского района Брянской области.

¹³ Записано от Леженниковой Антонины Андреевны, 1938 г. р., с. Старые Бобовичи Новозыбковского района Брянской области.

дорогу. А горы уже высокие понакидали, что я даже не докидывала до этой кучи»¹⁴.

«Помню, полицаи гоняли всех чистить дорогу трогубом, и, говорят, идите снег чистить, а я не успела за печку спрятаться, сидела возле окна в белом платке, и он заметил, что я на печку, а он зашел и говорит: «слазь.» Я оделась и пошла снег чистить. А что я ростом маленькая, а сугробы большие, я его кидаю, а он обратно. Немец подошел и говорит: «Иди домой.» Я и пошла»¹⁵.

«В зимнее время гоняли на снег... расчищать дороги... все это было бесплатно. В двенадцать годов немцы нас уже считали трудоспособными. Кто не пойдет – полицаи плетками били»¹⁶.

Существенную помощь подростки оказывали своим семьям. Видимо, их проще было отправить заниматься мелкой торговлей, обменом, чем взрослых женщин. Так, одна из респонденток носила продавать самогон итальянцам, другая ходила менять на продукты брошки и заколки. Им было 13–14 лет, как и тем девочкам, что помогали с младшими братьями и сестрами ухаживать за скотом и огородом.

«Когда началась война, мне было 14 лет. На улицу выходить нам нельзя было, а куда выходить, выходили только к соседям. Вот так к бабе пойдём за полпудом муки и тянем. До войны собирались у девчонок соседских на квартире и сидели болтали... Работали мы, на себе таскали плуг, пахали свои огороды. Зато итальянцы жили у нас в школе, а я ходила самогонку продавать туда им, мамка знала, а я ходила продавала...»¹⁷. Мальчик-подросток вспоминал: «...Продуктов не хватало, собирали съедобные травы, грибы, брошенную на полях картошку. В лес по грибы было ходить страшно. Если немцы ловили кого возле леса, сильно били и могли расстрелять, как партизана. На улице мы не играли, немцы запрещали собираться группами. Немцы и полицаи выгоняли жителей деревни рубить лес вдоль железной дороги, чистили ее от снега, забрасывать ямы на дороге землей»¹⁸.

Дети вспоминают об играх, которые были им доступны в период оккупации. Подростки также говорят об играх, но вспоминают, что «это было до войны», «я помню такую игру, но играть было некогда».

«Игры были такие, что уже творили дети на улицах. В илку гуляли – в мяч. Соберется человек 20. Одни стоят мяч забивают. Один подкидывает, другой подбивает – беги на старт. Если попадут мячом в тебя, значит проиграл, теперь ты стоишь сзади, а другие играют в мяч. Только снег сойдет, а мы уже босые в илку играем.

В пыжа. Настругают пыжик из дерева и рисуют лицо, пыж этот кладут

¹⁴ Записано от Пилютко Анастасии Ильиничны, 1928 г. р., с. Замишево Новозыбковского района Брянской области.

¹⁵ Записано от Пилютко Анастасии Ильиничны, 1928 г. р., с. Замишево Новозыбковского района Брянской области.

¹⁶ Записано от Алешкиной П.Н. 1929 г. р., с. Новое Место Новозыбковского района.

¹⁷ Записано от Гучковой Анны Васильевны, 1928 г. р., с. Замишево Новозыбковского района Брянской области.

¹⁸ Записано от Войтенка Алексея Стефановича, 1927 г. р., С.Басихино, Стародубский район Брянской области.

и отправляют. Если поймает кто пыж – проиграл.

Каменьки. 10 каменьков хороших, специально ждем, что бы дождь прошел. Что бы они блестели. 10 каменьков ложим в руку и палочкой выбивали каменек. Такая игра была. Кукол не было. Один слепой лепил кукол, а мы подражали»¹⁹.

«Когда шла война, мы с подружками играли в игры, но особо так я не нагулялась, так как у меня болела моя младшая сестра Тася. Девчонки прибежали: «Пошли гулять.» А куда я сестру брошу. Так что я особо не видела и не знала, что такое гулять. Помню одну игру, называется она «классы». Это чертишь на земле прямоугольник и делишь его на десять квадратов, берешь баночку какую-нибудь из-под крема и играешь. Баночка между двух черточек и ногой отталкиваешь её, чтобы она не перелетела за черту. И так в каждый квадрат. Если дойдешь до десятого квадрата и банка не перелетит, то значит ты выиграл. Так же до войны играли в «битны»: одна команда с одной стороны, другая – с другой. Мячик резиновый и палка и подкидываешь мяч и отбиваешь его палкой на другую сторону. Если на той стороне поймают значит, мы меняемся и теперь другая команда кидает, а мы должны словить. А если нет то мы продолжаем, и если отобьют мяч все в нашей команде и другая команда не споймает, значит мы победили»²⁰.

Популярным развлечением респондентки называют качели, однако в какое время они могли использовать качели, ведь это уличное развлечение, они точно не припоминают, что соотносит нас с ситуацией «безвременья», часто встречающейся в женских воспоминаниях о войне [См.: 17]. *«Нет, ну раньше что... Качели делали. Ставили эти... Качели. Да. Качались. Ну, ездили молодежь идем в лес, тянем дерево, одно второе, ставим вот эти и делали старшие уже... И нас тогда качали качелях этих»²¹.*

Сравнивая воспоминания «детей войны» из сельской местности и города, можно отметить почти полную информационную изоляцию жителей деревень и сел. Михаилу Степановичу Гумен в 1941 г. было 13 лет, во время оккупации он жил в Паломах (Злынковский район). Описывая это время, он говорит: *«Практически живя в лесу, мы оставались в полном неведении, что будет дальше, так как не было ни радио, ни газет».*

Они могли догадаться о происходящих событиях только по косвенным признакам и слухам: движение войск противника, нервозность полицаев, какие-то работы, на которые сгоняли взрослых и подростков (наведение переправ и т. д.)

«Ну тут матка и говорит: «...раз уже полетели самолеты наши, значит уже, наверное, идет отступление и через неделю она уже пошла в Буду посмотреть дом: целый или нет»²². В данном случае, в почти волшебный объект превращается самолет. «Легенда о самолете» сопровождает несколько собранных нами историй.

«А меня брат двоюродный летчиком был. У нас по Буда было 4 летчика.

¹⁹ Записано от Хроменок Веры Евлампиевны, 1933 г. р. с. Чолхов, пос. Марковщина, проживает в Гетмановой Буда Климовского района Брянской области.

²⁰ Записано от Гучковой Анны Васильевны, 1928 г. р., с. Замишево Новозыбковского района Брянской области.

²¹ Записано от Ткачу Екатерины Терентьевны, 1929 г. р., д. Садок Климовского района Брянской области.

²² Записано от Грюкановой Нины Алексеевны, 1938 г. р. с. Гетманова Буда Климовского района Брянской области.

Ушли из жизни все. А как летали над нами, так низенько опускались и давали громкий рев. Это значило «не бойтесь»²³.

«Мы только сели, слышим – самолеты режут. Мы прячемся, matka плачет: колеса стоят, конь, корова. А что они, не видят что ли? А потом нам соседи сказали, что это русские были, это наши самолеты, не бойтесь»²⁴.

Шендерей Мария Петровна вспоминает, что в их доме жил партизан Попудренко. Партизаны возвращались в деревню, дом начал обстреливать немецкий самолёт, внимание которого, судя по всему, привлекли стоявшие возле дома лошади»²⁵.

В городах оккупанты использовали массовые средства информации для пропаганды. Издавались газеты, печатались листовки, выходили радиопередачи. Люди недоверчиво относились к пропаганде, но все же в условиях города можно было посетить больше мест: рынок, железнодорожный вокзал, церковь – и поговорить о разных полученных известиях. Одна из наших респонденток была насильственно переселена со Смоленщины в Новозыбков. В ее рассказе фигурирует несколько важных событий, которые фоном проходят через бытовой рассказ о злоключениях семьи: *«В 41 или 43, нас подогнали в машины большие, погрузили всех. Что... Да ничего не дали взять, за что только хватились, то и отвезли в деревню. А туда по пути уже как ехать, сгрузили там. Не было куда дальше везти этой машине и что, мы там переночевали в каком-то поселочке. А на завтра подослали большую машину, погрузили, закрыли. Довезли до станции Вжацк, раньше было, сейчас Гагарина. Там посадили нас всех в вагоны в такие товарные, закрыли и до Новозыбкова не открывали. Привезли в Новозыбков. Тогда еще был тут такой, что вон на конях ездить, буржуместр или что. И он подъехал тогда тоже к вокзалу. Ну и сказал: «Идите и ищите себе жильё, где кто найдет». А это ж в войну. И гуляли в еврейские дома. Ну, мы ходили, пошли с мамашей, отец же умер, на фронте был, ну нашли возле первой школы, на Замышевской, первый дом, большой такой. Поселились. Живем. Туда-сюда и явились хозяева, вернулись. Нас выдворили. Пошли опять искать. Нашли на пяти углах где-то, пожили немножко. Оттуда тоже попросили нас. Тогда возле желдор клуба на углу тут Цветная и Ломоносова, там Лермонтова... Там нашли и жили.*

Вот было мне, сколько... 15 ти что... Я работала на железной дороге, и все были на моем иждивении. Карточки ж раньше давали. И вот по карточкам получали уже хлеб. Магазин у нас был рядом, где сейчас это ДК, это был наш магазин... Через дорогу»²⁶.

Как видим, это наличие местных властей, «решение еврейского вопроса» в Новозыбкове и пустующие дома, труд на железной дороге, обеспечение продовольствием работающих городских жителей по карточкам.

Как видим, политика оккупационных властей по отношению к местным жителям была противоречивой. Необходимость в продовольствии из сельской ме-

²³ Записано от Грюкановой Нины Алексеевны, 1938г. р. с. Гетманова Буда Климовского района Брянской области.

²⁴ Записано от Хроменок Веры Евлампиевны, 1933 г. р. с. Чолхов, пос. Марковщина, проживает в Гетмановой Бude Климовского района Брянской области.

²⁵ Записано от Шендерей Марии Петровны 1928 г. р., с. Ново-Сергеевка Злынковского района, проживает в г. Новозыбков Брянской области

²⁶ Записано от Рощиной Валентины Ивановны 1928 г. р., г. Новозыбков Брянской области.

стности, дешевой рабочей силе в ходе затянувшейся войны существенно корректировали нацистские планы, судьбы славянских народов. Согласимся с И. Альтманом в том, что «прямая зависимость между Генеральным планом «Ост» и практикой нацистского геноцида на территории СССР представляется несколько упрощенной» [4, с. 48]. Вряд ли изначально планировались зверства нацистов из-за поддержки жителями Брянщины и Белоруссии партизан. Однако уже в 1942 г. стало ясно, что сельская поселенческая структура позволяет партизанам при помощи местных жителей выживать в лесах, получать помощь и добывать нужные сведения. Не случайно две крупные операции – «Цыганский барон» в Орловско-Брянско-Гомельских лесах и операция «Волшебная флейта» в Минске – начались почти одновременно и использовали тактику «выжженной земли» и террора в отношении мирных жителей любого возраста и пола, чтобы прекратить их поддержку партизанского движения и подпольщиков [4, с. 48]. Это мнение подкрепляют подсчёты немецких историков, которые в 2013 году обнародовала Die Welt: в ходе таких масштабных операций, как «Цыганский барон», только 20–30% погибших или взятых в плен действительно были партизанами. Остальные были мирными жителями.

Истреблять сельских жителей могли и по другим причинам. Иногда сельские жители отказывались сдавать хлеб, мясо и другие продукты оккупантам. Такие деревни, как Кожановка, Серовка, Петрятинка не сдали немцам ни одного фунта хлеба и мяса, за это фашистские изверги в июле месяце 1942 г. на глазах всего народа расстреляли из этих двух первых деревень 44 человек и запретили хоронить их в течении трех дней. В рабочем поселке Софиевка фашисты расстреляли 25 человек, якобы подозревавшихся в связи с партизанами, в том числе и 6-месячного ребенка, а после расправы сожгли поселок, оставив людей без крова.

Пережив страшные два года оккупации, «дети войны» как самое яркое событие вспоминают момент освобождения. *«А як их назад гнали... Заступали четыре человека: «Запрягай коня... Только надели хомут, тому волю. а наши четыре военных... хоп за их и повели. А наши ще йдуть, так яна [мать] была рада»²⁷.*

Мария Митрофановна Шеверняева рассказывает очень подробно о дне отступления немцев через деревню Борщовка Добрушского района Гомельской области. Описание строится как рассказ о чудесном спасении всех трех детей, борьбы матери за корову, ранении гранатой брата нашей собеседницы. Так личные переживания связываются с ощущениями войны.

Итак, воспоминания «детей войны» о своем детстве в двухлетний период оккупации юго-запада Брянщины и востока Гомельщины – важный источник истории военной повседневности и истории детства. Не смотря на жестокость врагов, множество реальных опасностей и морального состояния страха, о которых говорят и помнят «дети войны», они проживали это время как свое детство и хранят память об играх с друзьями, самодельных игрушках, радость от спасения своей семьи, встречи с отцом, своего трудового вклада в выживание семьи.

Литература и источники

1. Альтман И.А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР: Учеб. Пособие для студентов высших учебных заведений/Под ред. Проф.

²⁷ Записано от Евсеенко М.И., 1920 г. р., с. Усоха Буда Добрушского р-на Гомельской области.

А.Г. Асмолова.-М.: Фонд «Холокост»,2002.

2. Ковалев, Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации / Б. Н. Ковалев. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 656 с.

3. Мищенко, Т.А. «Мирная жизнь» в условиях оккупации: специфика женского восприятия / Т. А. Мищенко, О. В. Белугина // Раманаўскія чытанні – XI: Зборник артыкулаў Міжнароднай навуковай канферэнцыі: Магілёў, 26–27 лістапада 2015 г / МДУ імя А.Л. Куляшова. – Магілёў; 2016. – 224 с.

4. Пушкарева, Н. Гендерная теория и историческое знание / Н. Пушкарева. – Спб, 2007. – 496 с.

Протоиерей Носко Михаил, кандидат богословия, настоятель Александро-Невского храма г. Пружаны, благочинный церквей Пружанского округа

Nosko Mikhail, candidate of theology, hegumen, Alexander Nevsky Church, Pruzhany; dean of churches, Pruzhany district.

ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСИЙ РУСЕЦКИЙ (1871–1945): ЖИЗНЬ И СЛУЖЕНИЕ

ARCHPRIEST ALEXY RUSETSKY (1871-1945): LIFE AND MINISTRY

Статья посвящена изучению биографии митрофорного протоиерея Алексия Русецкого, которого можно отнести к числу легендарных пастырей Православной Церкви первой половины XIX века. Соединив в своей жизни приходское служение на белорусской земле в мирное время, а также пастырское служение на полях сражений в годы Первой мировой войны и последующей Гражданской войны, он явился свидетелем и активным участником многих событий того времени. Оставил священник заметный след в истории Православия на брестской земле и, особенно, в жизни Свято-Александро-Невских храмов г. Пружаны и г. Кобрин в межвоенное время, проявив себя как ревностный священнослужитель и активный защитник Православия от проводимой государственными властями Второй Речи Посполитой колонизации белорусского края, за что подвергался гонениям.

The article is devoted to the study of the biography of the mitered archpriest Alexy Rusetsky, who can be classified as one of the legendary pastors of the Orthodox Church in the first half of the 19th century. Having combined in his life the parish ministry on Belarusian land in peacetime, as well as pastoral ministry on the battlefields during the World War I and the subsequent Civil War, he was a witness and an active participant in many events of that time. The priest left a noticeable mark in the history of Orthodoxy in the Brest land and, especially, in the life of the St. Alexander Nevsky churches in the cities of Pruzhany and the city of Kobrin in the interwar period, showing himself as a zealous clergyman and an active defender of Orthodoxy from the Polonization of Belarusian region carried out by the state authorities of the Second Rzeczpospolita, for which he was persecuted.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Первая мировая война, Гражданская война, военное духовенство, православный приход, Полесская епархия.

Key words: Russian Orthodox Church, World War I, Civil War, military clergy, Orthodox parish, Polesye eparchy.

Протоиерей Алексей Антонович Русецкий родился 17 марта 1871 г. (по ст. ст.) в с. Мокраны Лунинецкого уезда Минской губернии в семье православного священника. Первоначальное образование он получил в Слуцком пятиклассном духовном училище, а затем в Минской духовной семинарии, после окончания кото-

рой в течение четырех месяцев исполнял обязанности псаломщика в с. Бучатине Слуцкого уезда. В 1897 г. Алексей Русецкий сочетался браком с Анной Когачевской, а 25 июля 1897 г. его рукоположили в сан священника и назначили настоятелем Старчицкого храма Слуцкого уезда [3, л. 3].

6 мая 1905 г. священник Алексей Русецкий был переведен в с. Еремичи Новогрудского уезда (в настоящее время в составе Кореличского района Гродненской области), где в большей мере раскрылись его выдающиеся способности. В этом небольшом селении ему удалось организовать отдел Минского православного народного братства во имя Животворящего Креста Господня, насчитывавшего более 150 членов. О масштабах приходской деятельности пастыря красноречиво говорили достигнутые результаты. Так, подводя итог работы, он отмечал в своем выступлении 8 февраля 1911 г. на съезде братства в г. Минске, что за прошедший год состоялось 75 религиозно-нравственных бесед, на которых присутствовало в общей сложности 30 000 человек, что в среднем составляло 400 человек на каждой беседе. Отдел братства построил новую школу, на которую собрали 6 000 рублей, а также были собраны 1036 рублей на другую церковно-приходскую школу [4, с. 51–52].

С началом Первой мировой войны отец Алексей был мобилизован на Западный фронт и назначен полковым священником 8-го Сибирского казачьего полка, где состоял в должности с 15 марта 1915 г. по 23 февраля 1918 г., а 20 марта 1916 г. стал благочинным 2-ой бригады Сибирской казачьей дивизии. В боях под г. Праснышем на территории Польши был ранен [7, с. 96]. О воинских заслугах пастыря свидетельствовали полученные на фронте боевые награды: ордена св. Анны 2-й ст. (с мечами), 3-й ст. (с мечами и бантом) и св. Владимира 3-й ст. (с мечами), 4-й ст. (с мечами и бантом) [4, с. 77].

После Октябрьского переворота отец Алексей вместе со своим полком был передислоцирован из Западного фронта в Сибирь и оказался в г. Петропавловске Омской губернии, захваченном большевиками. Он, являясь убежденным монархистом, не принял новой власти и включился в активную борьбу, став одним из инициаторов создания полулегального «Союза православных братчиков и сестриц». Официально Союз являлся просветительной и благотворительной организацией, которая собирала пожертвования для помощи раненым и заключенным. Трудом Русецкого было открыто 83 отделения Союза и собрано 23 000 рублей [7, с. 98–99].

В целом же «Союз православных братчиков и сестриц» вел работу по устранению советской власти. С этой целью отец Алексей совершал опасные для жизни миссионерские поездки по Омской епархии и убедительностью своего слова сумел поднять воинский дух казаков. Полковник П. П. Иванов-Ринов, бывший командир 8-го Сибирского казачьего полка, возглавил восстание, благодаря чему удалось изгнать из г. Петропавловска большевиков. В июне 1918 г. он создал в г. Омске 2-й Сибирский Степной корпус. На должность благочинного 25 июня был назначен священник Алексей Русецкий. После освобождения г. Тюмени и г. Екатеринбурга на базе Степного корпуса была создана Сибирская армия, которую возглавил возведенный в чин генерал-майора П. П. Иванов-Ринов. Отец Алексей стал Главным священником Сибирской армии, пребывая в этой должности с 31 августа 1918 г. по 25 ию-

ня 1919 г. [4, с. 55–56].

В то же время 18 ноября 1918 г. в г. Омске адмирал А.В. Колчак сверг власть эсеровской Директории и объявил себя Верховным правителем России. От лица военного духовенства священник Алексей Русецкий приветствовал Верховного главнокомандующего. Сибирская армия была реорганизована, однако отец Алексей сохранил свою должность Главного священника. 30 декабря 1918 г. Высшим временным церковным управлением он был удостоен сана протоиерея и награжден крестом с украшениями на Георгиевской ленте [7, с. 102–103].

22 июля 1919 г. приказом Верховного правителя Сибирскую армию разделили на две армии, которые вместе с Западной армией составили Восточный фронт. Протоиерей Алексей Русецкий занял должность Главного священника Восточного фронта и исполнял возложенные обязанности до 15 марта 1920 г. В его подчинении состояло около 2 000 церковно- и священнослужителей. К тому же он явился одним из участников создания добровольческих формирований «Дружин Святого Креста» для защиты православной веры [4, с. 63–64].

Осенью 1919 г. Восточный фронт был разгромлен Красной армией. Причиной поражения послужило предательство чешских войск, которые за золото выдали адмирала А. В. Колчака большевикам. Остатками Белой армии в условиях суровой сибирской зимы от г. Барнаула и г. Новониколаевска до г. Читы был совершен беспримерный и героический 2000-километровый переход, получивший название «Великий Сибирский поход» с неофициальным прибавлением «Ледяной» [4, с. 65]. Протоиерей Алексей Русецкий принял участие в этом знаменитом походе, за что был награжден знаком отличия военного ордена «За Великий Сибирский поход» 1-й степени за № 153 [3, л. 4].

Перед своей гибелью адмирал А. В. Колчак назначил казачьего атамана Г. М. Семенова главнокомандующим армии Восточной Сибири, который в январе 1920 г. в г. Чите учредил правительство Восточной окраины. В новых условиях протоиерей Алексей Русецкий сохранил свою должность, являясь с 15 марта 1920 г. по 1 июля 1921 г. Главным священником войск Российской восточной окраины [4, с. 66].

Первоначально японцы оказывали поддержку атаману Г. М. Семенову, а после заключения 17 июля 1920 г. Гонготского соглашения с большевиками вывели свои войска из Забайкалья. После ухода союзников, противостоять Советской России было невозможно, поэтому началась эвакуация белогвардейских войск в Китай. Отец Алексей переехал в г. Харбин. Обосновавшись в центре Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) г. Харбине, где жило много русских эмигрантов, он стал работать законоучителем (преподавателем Закона Божия) в семилетней русской торговой школе и с прежней энергией включился в церковную и общественную жизнь. По его инициативе 21 сентября 1921 г. состоялось собрание русских эмигрантов, на котором был организован беженский приход и создан комитет по строительству Покровской церкви [7, с. 110–111].

Около пяти лет прошло с тех пор, когда отец Алексей, взяв с собой жену и оставив на попечение своим родственникам трех дочерей, отправился в далекую Сибирь. За эти годы село Еремичи и другие родные места Западной Белоруссии, согласно советско-польскому мирному договору, заключенному 18 марта 1921 г. в г. Риге, отошли к Польскому государству – Второй Речи Посполитой. Устав

от скитаний на чужбине и переживая за детей, супруги Русецкие решили вернуться на Родину.

В июле 1922 г. протоиерей Алексей Русецкий официально демобилизовался из армии и вместе со своей матушкой в конце лета покинул Китай и отправился в Европу. 8 сентября 1922 г. Русецкие прибыли в г. Триест (Италия). Затем они вынуждены были на некоторое время переехать в Югославию – Королевство сербов, хорватов и словенцев, где проживало много переселенцев из России. В г. Новый Сад Русецкий выступал перед эмигрантами с лекциями, в которых рассказывал о белом движении в Сибири [7, с. 111–112].

19 мая 1923 г. протоиерей Алексей Русецкий написал прошение на имя епископа Пинского и Новогрудского Пантелеимона (Рожновского) с просьбой о назначении на какой-нибудь приход во вверенной ему епархии и ходатайстве на получение визы на въезд в Польшу [3, л. 1]. Однако епископ Пантелеимон (Рожновский) к тому времени польскими властями был отстранен от архиерейской кафедры, поэтому возвращение домой и назначение его на приходское служение зависело от нового управляющего епархией епископа Александра (Иноземцева), который откликнулся на просьбу. В результате супруги Русецкие прибыли в Польшу, где наконец-то встретились со своими двумя дочерьми: Ксенией – 20 лет и Галиной – 18 лет, которые с этого времени стали жить с родителями. Третья дочь, девятнадцатилетняя Лидия, вместе со своим мужем проживала в г. Минске, находившемся на территории СССР [7, с. 112–113].

23 мая 1923 г. протоиерея Алексея Русецкого назначили настоятелем Ястрембельской Никольской церкви Барановичского повета. В то время в г. Пружаны обострились отношения государственной польской власти к православному духовенству. Для урегулирования ситуации 6 августа 1923 г. протоиерея Алексея Русецкого перевели в г. Пружаны настоятелем Александро-Невского собора. А после отстранения польскими властями в конце декабря 1923 г. протоиерея Константина Пилинкевича от обязанностей благочинного, он стал благочинным 1-го округа Пружанского повета и в этом качестве был участником необычного события, произошедшего в пределах вверенного ему прихода [3, л. 9].

12 января 1924 г. в д. Городняны Пружанского повета в доме местного жителя П. К. Бунаты чудесным образом обновилась Иверская икона Божией Матери. Отец Алексей провел тщательное расследование, опросив 10 свидетелей произошедшего чуда, среди которых были и католики, и записал их показания в присутствии комиссии. Впоследствии им также были документально оформлены факты исцелений от Городнянской иконы. Затем, получив благословение епископа Полесского и Пинского Александра (Иноземцева) и добившись разрешения местной власти, отец Алексей организовал торжественное перенесение обновленной иконы из д. Городняны в Александро-Невский собор г. Пружаны. При этом он сумел провести его с большим размахом и торжественностью, на высоком духовном, молитвенном уровне. Это мероприятие привлекло множество народа, что позволило ему стать значимым событием в жизни не только Пружанского благочиния, но и всей Полесской епархии. В своем докладе правящему архиерею пастырь отмечал: «Богомольцев было так много, что весь город был переполнен верующими людьми с разных мест. Картина была неопишная, момент – редко переживаемый...» [2, л. 2, 2 об.,

3, 3 об., 12, 12 об., 13, 13 об.]

Энергичная деятельность священника обратила пристальное внимание и вызвала недовольство со стороны польских властей. Уже с первых дней после назначения в г. Пружаны он встретил самое неприязненное отношение к себе со стороны поветовой администрации и, в первую очередь, Пружанского старосты, которое в начале выражалось в мелочных придирках и интригах. Поводом к серьезному столкновению с властями послужил жилищный вопрос. Александр-Невский соборный приход имел в центре города рядом с храмом собственные дома, построенные еще в дореволюционные времена, с тремя квартирами: для диакона, псаломщика и церковного сторожа. Местные власти захватили большую часть жилья. В квартире псаломщика они поселили чиновника Пружанского староства М. Бискупского, а в квартире диакона открыли ветеринарную амбулаторию. При этом амбулатория с изолятором для заразных животных размещалась под одной крышей с квартирой, в которой жила семья церковного сторожа и находилась за алтарем храма на расстоянии 25–30 метров, поэтому запахи и звуки, издаваемые больными животными, разносились по церковному погосту. Расположение ветлечебницы рядом с Александро-Невским храмом православные люди расценили как оскорбление христианской святыни. К тому же, разместив среди жилых домов в центре города изолятор с заразными животными, власти нарушили санитарные нормы [3, л. 12].

Ситуация обострилась в конце 1923 г. После ареста накануне храмового праздника диакона Кирдана, на его место 29 ноября епархиальной властью был назначен диакон Филипп Рубан. Приезд в г. Пружаны семейного священнослужителя, нуждавшегося в жилье, поставил протоиерея Алексея Русецкого как настоятеля в затруднительное положение. Отца диакона пришлось временно поселить в квартире, где проживал церковный сторож со своей семьей, в проходной холодной комнате, за стенкой которой находилась ветлечебница с изолятором. Несмотря на многочисленные просьбы освободить церковные помещения, и Пружанское староство, и М. Бискупский отвечали полным нежеланием решать проблему. Отец Алексей Русецкий стал действовать официально. 15 мая 1924 г. от имени соборного причта он направил письмо на имя Поветового сеймика и пана Бискупского с просьбой освободить квартиры до 1 июля текущего года. Заявление было мотивировано крайней необходимостью их для нужд причта, а в отношении ветлечебницы указывалось на нарушение санитарных норм. Прошло больше месяца, а на отправленную бумагу не последовало никакого ответа. Тогда протоиерей Алексей Русецкий 24 июня 1924 г. отправился в Поветовый сеймик «за выяснением злополучного квартирного вопроса» [3, л. 12]. Не добившись положительных результатов, отец Алексей покинул сеймик, заявив, что судебным порядком будет отстаивать свои права [3, л. 22 об. – 23].

Польские чиновники решили отомстить православному священнику. Как результат, на следующий день отец Алексей получил оскорбительную повестку, в которой предписывалось явиться в Пружанское староство в строго назначенное время, в противном случае он будет доставлен принудительным способом с помощью полиции [3, л. 14].

Ровно в 2 часа дня 25 июня протоиерей Алексей Русецкий вошел в кабинет Пружанского старосты Е. Носля, который при его появлении схватился со сво-

его места и в «диком исступлении» начал кричать, обвиняя священника в нежелании выполнять распоряжения староста. «На мое замечание, – докладывал впоследствии отец Алексей правящему архиерею, – какое право имеет он, г. староста, так кричать на меня, последний с поднятыми кулаками и криком «Вон!» бросился на меня. Я поспешно удалился из кабинета старосты, боясь получить оскорбление действием». По возвращении домой отцом Алексием была составлена письменная жалоба министру внутренних дел Польши для привлечения Пружанского старосты к ответственности, а затем рапорт от 28 июня 1924 г. на имя епископа Александра (Иноземцева). «Настоящий случай, – писал он архиерею, – есть своеобразная фабрикация гонения на православное духовенство». На притеснении православных староста делал себе карьеру, поэтому после насильственного удаления Пилинкевича он наметил новые жертвы среди духовенства: Сobotковского, Шумаковича, Крейдича, Станкевича, Вольховского – лучших священников благочиния. «Или будет энергичное вмешательство Вашего Преосвященства, или будут новые жертвы за веру со стороны лучших Ваших подчиненных пастырей», – предупреждал Русецкий правящего епископа [3, л. 12–12 об.].

В спешном порядке Пружанским старостой были собраны показания поветовых чиновников, оформленные в виде шести протоколов, и направлены в Полесское воеводство на рассмотрение. В целом бытовой конфликт приобрел политическую окраску [3, л. 22–25 об.].

Реакция воеводства не заставила себя ждать. 27 июня 1924 г. на имя епископа Александра (Иноземцева) было отправлено официальное предписание, в котором указывалось, что по причине беспрецедентного случая, связанного с поведением священника Алексея Русецкого, его необходимо безоговорочно удалить от всех занимаемых должностей и впредь никакого места в пределах воеводства не предоставлять [3, л. 20].

Конфликт между поветовым старостой и православным благочинным в г. Пружаны приобрел широкий общественный резонанс. К тому же, в руководстве Полесским воеводством произошли кардинальные изменения. В октябре 1924 г. вместо С. Довнаревича, воеводой стал К. Млодзяновский. Если предшественник отличался жесткостью и непримиримостью в своих решениях, касавшихся православного духовенства, то его преемник занял более осторожную позицию, поэтому дело Русецкого было отложено.

Протоиерей Алексей Русецкий оставался непреклонным и продолжал требовать от местной администрации возвращения церковных помещений, чем вызвал очередную волну недовольства. Полесский воевода К. Млодзяновский обратил на это внимание и своим письмом от 24 июня 1925 г. напомнил епископу Александру (Иноземцеву) о необходимости увольнения Русецкого [3, л. 19]. Отец Алексей добился аудиенции у воеводы, которая состоялась 26 июня 1925 г. В ходе беседы выяснилась вся абсурдность обвинения его в политическом выступлении против Польского государства, поэтому К. Млодзяновский отметил, что не видит политических мотивов для перевода, об этом он сообщил и в письме от 8 июля епископу Александру. Однако пан воевода лукавил: священнику он сказал, что лично против него ничего не имеет и перемещение зависит исключительно от воли епархиального архиерея, а в упомянутом выше письме от 8 июля заявил о неизбежности перевода [3, л. 26–27].

Не имея серьезных оснований для обвинения протоиерея Алексея Русецкого в политической неблагонадежности, власти решили пойти на компромисс, и 9 июля 1925 г. он был переведен в г. Кобрин на аналогичную должность настоятеля Александро-Невского собора и благочинного 1-го округа Кобринского повета [3, л. 28–29]. На новом месте служения священник стал трудиться с прежним рвением. Пострадавший в годы военного лихолетья собор нуждался в серьезном ремонте. Новому настоятелю удалось привести храм в надлежащий вид [3, л. 49 об.].

Более важная задача заключалась в православном просвещении местного населения, зараженного безбожием и сектантством. Протоиерей Алексей Русецкий вступил в борьбу за спасение человеческих душ, главными средствами которой избрал молитву и проповедь. В сослужении диакона Иоанна Кирдана и псаломщика Г. Габрушука он совершал торжественные богослужения в Александро-Невском соборе. За довольно короткий срок он сумел объединить паству, в результате храм во время богослужений был переполнен молящимися [3 л. 49 об., 57].

В октябре 1927 г. протоиереем Алексием Русецким был организован крестный ход с чудотворной Иверской иконой Божией Матери, обновившейся ранее в д. Городняны, из Александро-Невского собора г. Пружаны в Кобринский собор. Принимавший участие в крестном ходе на всем его протяжении пастырь использовал всякий удобный случай для духовно-нравственных поучений [1, л. 1–2].

Энергичная деятельность протоиерея Алексея Русецкого очень сильно обеспокоила врагов Православной церкви и, как результат, вначале по городу поползли упорные слухи, что его сместят с должности благочинного и настоятеля собора. Священник старался не придавать значения этим разговорам. Вскоре Полесской духовной консисторией было получено письмо из министерства исповеданий Польской Республики, в котором содержалось указание об освобождении протоиерея Алексея Русецкого от обязанностей благочинного 1-го округа Кобринского повета. В результате 21 октября 1927 г. он был отстранен от занимаемой должности [3, л. 69]. На этом испытания не закончились...

Крестьянин д. Андроново Кобринского повета Е. Ничипорук, уличенный отцом Алексием в воровстве, обвинил священника в том, что он якобы избил его [3, л. 46–46 об.]. 17 ноября 1927 г. состоялось судебное заседание. Пастыря в этот день срочно вызвали к умиравшему человеку, поэтому он опоздал на суд. В результате священника заочно признали виновным. Как следствие, 25 ноября последовала резолюция правящего епископа о перемещении его в д. Ворониловичи Коссовского уезда (в настоящее время в составе Пружанского района) [3, л. 30].

Так, в результате тонко сплетенной интриги, был устранен от ключевых церковных должностей и фактически сослан в глушь деятельный и талантливый пастырь. Прихожане энергично выступили в защиту своего священника и 4 декабря 1927 г. составили коллективное прошение, под которым поставили свои подписи несколько сот человек [3, л. 49-50 об.]. На повторном судебном заседании 6 декабря Е. Ничипорук отказался от своих претензий к священнику Алексею Русецкому и следственное дело было навсегда прекращено [3, л. 60–61]. Мощная поддержка прихожан и прекращение судебного дела сыграли свою роль, и 10 декабря 1927 г. Полесская консистория уведомила протоиерея Алексея

Русецкого, что он освобожден от перемещения в д. Ворониловичи и прикомандирован к Кобринскому Александро-Невскому собору сверхштата [3, л. 63]. В прежней должности его так и не восстановили.

В следующем году, 1 декабря 1928 г., протоиерея Алексия Русецкого назначили настоятелем Петро-Павловской церкви г. Кобрина. Деятельный по натуре, не сломленный человеческой подлостью, он включился в приходскую жизнь и уже через три дня – 4 декабря, при Свято-Петро-Павловском храме организовал кружок благочестивых женщин и братство Святого Креста, заняв, как настоятель, должность председателя братства.

Через полгода, когда братство окрепло, протоиерей Алексей Русецкий приступил к изданию духовно-просветительной литературы. В своем докладе от 6 августа 1929 г. архиепископу Александру (Иноземцеву) он предлагал издать в тысячах экземплярах две листовки «Есть ли Бог» и «Великий грех», тексты которых сам составил, а также стихи В. Ф. Клишевича «Выбор веры», «Баптисты» и «Пьянство» [7, с. 120].

В своей пастырской деятельности отец Алексей старался поддерживать талантливых людей, используя их дарования на благо Церкви. Так, в период служения в Пружанах, он ценил за музыкальный талант псаломщика Г. Р. Ширму, который впоследствии стал видным деятелем белорусской культуры, композитором и собирателем народных песен. В Кобринском Свято-Петро-Павловском приходе пастырь обратил внимание на В. Ф. Клишевича, имевшего поэтические способности.

Последним крупным мероприятием, организованным отцом Алексием Русецким в Свято-Петро-Павловском приходе, был крестный ход из г. Кобрина в Яблочинский монастырь (в настоящее время находится на территории Польши) ко дню преподобного Онуфрия Великого с 21 по 24 июня 1931 г., который возглавлял на всем его протяжении.

В 1931 г. протоиерей Алексей Русецкий перешел на служение в Гродненскую епархию и 24 октября был назначен настоятелем церкви в с. Негневичи Новогрудского повета. 28 октября 1932 г. ему за труды и заботы по постройке каменной часовни была выражена благодарность епархиального начальства. Помимо приходских трудов отец Алексей исполнял обязанности Новогрудского миссионера, за что 8 апреля 1934 г. был награжден митрой. 16 марта 1936 г. его назначили благочинным и настоятелем храма г. Скиделя, а 19 июля 1937 г. перевели настоятелем Георгиевского храма в г. Несвиж. За неполные три года на новом приходе он заслужил любовь и уважение народа, а на его проповеди приходили и католики. На месте сгоревшей в 1846 г. Преображенской церкви им был поставлен памятный крест [7, с. 120–121].

Начавшаяся 1 сентября 1939 г. Вторая мировая война положила конец политическому существованию Польши. 17 сентября Красная армия двинулась в свой «Освободительный» или «Польский поход», в результате которого Западная Украина и Западная Белоруссия вошли в состав СССР. С установлением советской власти православное духовенство было поставлено в жесткие условия выживания [5, с. 95–97]. Приход большевиков не сулил ничего хорошего и протоиерею Алексею Русецкому. В г. Несвиже он жил один, так как семья в это время находилась в г. Варшаве, поэтому погрузил нажитое имущество в повозку и

выехал из города, для того чтобы воссоединиться со своими родными. Однако далеко он не смог уехать, так как по дороге был ограблен «освободителями». Священник вернулся в г. Несвиж только в одном подряснике и с кнутом в руках.

Новая власть конфисковала всю церковную землю, включая приусадебные участки священнослужителей. Храмы были обложены огромными налогами, за неуплату которых священникам угрожал арест и ссылка. В то же время за духовенством была установлена слежка.

Согласно донесению Несвижского райотдела НКВД, получив извещение об обложении налогом, отец Алексей 12 мая 1940 г. выступил в своем храме перед паствой со словами: «Други мои, пришла на церковь скорбь, обложили налогом в 5 000 рублей, будьте крепки в своей вере, если хотите, чтобы большевики не закрыли церкви, собирайте деньги». Через неделю, 19 мая, в д. Пахобовщине в разговоре с чекистским информатором он заявил: «Вот пришла эта зараза большевистская. Нам надо усиленно молиться, чтобы нас Бог избавил от большевиков, иначе они нас задушат, – и в заключение добавил, – наверное, нам с вами придется расстаться». Отец Алексей предчувствовал свой арест. Вскоре ему увеличили размер налога до 15 000 рублей, а затем арестовали.

В начале Великой Отечественной войны священник Алексей Русецкий оказался на свободе. В период фашистской оккупации он продолжал служение в г. Несвиже, оставаясь верным своему пастырскому долгу. Рискуя собственной жизнью, он спасал евреев, выдавая им справки о крещении. Спас от расстрела ксендза Григория (Гжегожа) Викентьевича Колосовского, который впоследствии прослужил в Несвижском костеле 52 года до самой смерти в 1991 г. [7, с.121–122].

В июле 1944 г. протоиерей Алексей Русецкий, опасаясь репрессий НКВД, ушел с отступавшими немцами. После окончания войны он служил в польском городе Плоцке, где и умер 16 декабря 1945 г. [6, с. 734].

Литература и источники:

1. Письмо протоиерея Алексея Русецкого протоиерею Константину Губареву: Указ Полесской Духовной Консistorии от 11 октября 1926 г. // Архив Александро-Невского храма г. Пружаны.
2. Дело о чудесном обновлении Иверской иконы Божией Матери в д. Городнянах Линовской волости Пружанского соборного прихода в доме волосного старшины Павла Константиновича Бунаты 30 декабря ст. ст. 1923 г. // Архив музея-усадьбы «Пружанский палацки».
3. Государственный архив Брестской области. – Ф. 2059. – Оп. 2. – Д. 491.
4. Ильин, А. Непростые и загадочные судьбы братьев Русецких и их потомков / А. Ильин, Е. Игнатюк. – Пинск, 2020.
5. Кривонос, Ф. Белорусская Православная Церковь в XX столетии: спецкурс лекций для Минской духовной семинарии / Ф. Кривонос. – Минск: Врата, 2008. – 255 с.
6. Sosna, Grzegorz. Hierarchia i kler Kościoła Prawosławnego w granicach II Rzeczypospolitej i Polski powojennej w XIX–XXI wieku / Sosna Grzegorz, Troc-Sosna Antonina. – Ryboly, 2012.
7. Шудляков, В. А. Главный священник Восточного фронта протоиерей Алексей Русецкий / В. А. Шудляков // Вестник Омской православной духовной семинарии. – 2018. – № 2.

Петрушко В. И., доктор церковной истории, кандидат исторических наук,

профессор кафедры общей и русской церковной истории и канонического права
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университет

Petrushko V.I., doctor of church history, candidate of historical sciences, Professor, Department of General and Russian Church History and Canon Law, St. Tikhon Orthodox Humanitarian University

СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И МИТРОПОЛИТ КИРИЛЛ II HOLY BLESSED BETTER PRINCE ALEXANDER NEVSKY AND METROPOLITAN KIRILL II

Статья посвящена особенностям церковной жизни XIII века, учитывая внешнеполитический фактор и взаимоотношения, которые существовали между князьями. Рассмотрена роль и влияние Митрополита Кирилла на церковные и внутриполитические процессы в государстве.

The article is devoted to the peculiarities of the church life of the 13th century, taking into account the foreign policy factor and the relationship that existed between the princes. The role and influence of Metropolitan Kirill on church and internal political processes in the state is considered.

Ключевые слова: митрополит Кирилл, Александр Невский, православное духовенство, Православная церковь, уния.

Key words: Metropolitan Kirill, Alexander Nevsky, Orthodox clergy, Orthodox Church, Unia.

Митрополит Кирилл II, как известно, был выходцем из западнорусских земель и входил в ближайшее окружение князя Даниила Романовича Галицкого, выдвинувшего его на вакантную Киевскую кафедру около 1242–1243 гг. Под этой датой Кирилл уже упоминается в Ипатьевской летописи как митрополит (разумеется, нареченный) [13].

Поставлению Кирилла II на митрополию предшествовали несколько лет борьбы между Даниилом Галицким и Михаилом Черниговским – оба князя хотели провести на Киевскую митрополичью кафедру своего ставленника, чтобы потом пользоваться его поддержкой. Но Константинопольский патриарший престол (с центром в Никее) с 1240 по 1244 г. оставался вакантным, что также не позволяло решить вопрос о поставлении нового митрополита.

Кирилл направился на поставление в Никею к патриарху Мануилу II лишь осенью 1246 г. [19]. Это произошло после того, как Даниил Галицкий побывал в Орде, выразил покорность Батыю и был обласкан главой Улуса Джучи, заинтересованного в лояльности правителя самого западного русского княжества. В том же 1246 г. в Монголии был отравлен ранее признанный старейшим среди русских князей Ярослав Всеволодович, великий князь Владимирский и Киевский. Наконец, в том же 1246 г. в Улусе Джучи был казнен князь Михаил Всеволодович Черниговский, и вопрос с выдвинутой им на митрополию кандидатурой епископа Белгородского Петра был закрыт. Очевидно, что князь Даниил спешил воспользоваться моментом, чтобы добиться поставления митрополитом своего ставленника.

Близость Кирилла к Даниилу Романовичу и стремление Галицкого князя добиться поставления на митрополию именно его дают основания думать, что

первоначально Кирилл не выступал против прозападной позиции своего покровителя. Это было вполне естественно для выходца из Галицкой Руси, которая уже на протяжении столетия к тому времени была вовлечена в теснейшие политические, экономические и культурные отношения с западными соседями – Венгрией, Польшей, Германией и др.

Между тем, политика Даниила Галицкого предполагала не только политический союз с германскими, венгерскими, польскими и другими европейскими монархами, направленный против монголов, но и поддержку Рима, которая могла быть получена лишь в случае признания главенства папы Римского.

Осенью 1245 г. состоялись переговоры посланника папы Иннокентия IV Платона Карпини с братом Даниила – Владимиро-Волынским князем Василько Романовичем.²⁸ Францисканец привез Романовичам грамоту понтифика с призывом к церковному единству [6]. Весной 1246 г. Платон Карпини встретился в донских степях с самим Даниилом Галицким, возвращавшимся из ставки Батыея [6]. Тогда же папа Иннокентий IV направил в Галицко-Волынское княжество несколько булл [3]. В них понтифик выражал радость по поводу высказанного князем Даниилом пожелания перейти в церковную юрисдикцию Рима. Папа обещал князю свое покровительство и помощь против монголов²⁹.

Был ли Кирилл в курсе намерения Даниила и Василька принять унию, неизвестно. Скорее всего, переговоры с Римом велись князьями тайно. Тем не менее представляется, что, если бы Кирилл в то время занимал ярко выраженную антилатинскую позицию, вряд ли бы Даниил Галицкий в 1246 г. стал добиваться его поставления на Киевскую митрополию. Об этом же свидетельствует и поездка Кирилла в Венгрию, куда он прибыл по пути в Nikeю, где должно было состояться его поставление на митрополию. В Венгрии Кирилл выступил посредником в переговорах между князем Даниилом и королем Белой IV. Их итогом стало заключение военно-политического союза между Галицким князем и Венгерским королем, скрепленного браком между сыном Даниила – Львом и дочерью Белы – Констанцией [13]. При этом, по условиям договора, Констанция осталась в браке с Львом Даниловичем католичкой, а по прибытии на Русь построила во Львове первый костел и основала доминиканский монастырь.

Когда же и в связи с чем произошел «антизападный» поворот в убеждениях Кирилла? Вряд ли это могло случиться в Nikee, где в 1247 г. состоялись архиерейская хиротония и поставление Кирилла на Русскую митрополию, после чего он в том же году вернулся на Русь [16]. Политический курс императора Nikeйской империи Иоанна III Дуки Ватаца был во многом сходен с политикой Даниила Галицкого. Он также активно вел переговоры с папским Римом, заключил союз с Германским императором Фридрихом II Штауфеном.

Можно предположить, что первые перемены в отношении Кирилла II

²⁸ По пути в Монголию францисканец Платон Карпини побывал в Юго-Западной Руси.

²⁹ Папа Иннокентий IV также извещал князя Даниила Романовича о предстоящем приезде в его землю папского легата — Альберта II, архиепископа Прусского, Ливонского и Эстляндского. По просьбе Галицкого князя папа направлял на Русь монахов Польской провинции Доминиканского ордена – Алексея и Генриха. Понтифик предписал своему легату лично принять у Галицко-Волынских князей и их сановников присягу на верность унии. Однако неизвестно, исполнил ли Альберт предписание главы Католической церкви и приезжал ли он вообще за пределы Галицко-Волынской Руси.

к политике Даниила произошли после возвращения митрополита на Русь в 1247 г., когда продолжились переговоры между Галицким князем и Римом. Плато Карпини на обратном пути из Монголии в июне 1247 г. вновь побывал в Галицко-Волынской Руси. Папский посланник еще раз встретился с князьями Даниилом и Васильком, их сановниками и православными епископами епархий, расположенных на территории Галицко-Волынского княжества. По словам францисканца, все они якобы подтвердили, что *«желают иметь владыку папу своим отцом и господином, а святую Римскую церковь владычицей и учительницей»* [6].

Однако на самом деле митрополит Кирилл и западнорусские епископы, скорее всего, не поддержали униатский курс Даниила Галицкого, который, судя по всему, только в это время был предан огласке. Сделать такой вывод позволяет следующий факт. Когда князья Даниил и Василько Романовичи направили с Плато Карпини письмо к папе Римскому, его должно было отвезти в Рим специальное посольство. Но при этом в состав посольства вошел лишь один клирик Русской церкви — игумен Зимненского Святогорского монастыря Григорий, которого сопровождали исключительно представители католического духовенства и монашества: доминиканцы Алексей и Генрих и священник Хазелон из Вильсторфа [5]. Никакого отдельного обращения к папе от лица православного духовенства с посольством направлено не было.

Можно предположить, что, еще поддерживая на тот момент стремление Даниила Галицкого получить на Западе политическую поддержку против монголов, митрополит Кирилл, тем не менее, не разделял намерения добиться этого путем заключения унии.

О негативном отношении митрополита Кирилла к унии также могут свидетельствовать следующие факты. В августе – сентябре 1247 г. Иннокентий IV вновь издал несколько булл, касавшихся его сношений с Галицко-Волынскими князьями. Папа подтвердил, что берет под свое покровительство Даниила и Василька Романовичей и их княжества, запретив при этом западным крестоносцам совершать на них нападения. По просьбе князя Даниила папа разрешил перешедшему в юрисдикцию Рима русскому духовенству совершать богослужение на квасном хлебе и сохранять другие греческие богослужебные обычаи. Своему легату архиепископу Альберту понтифик даровал право в особых случаях рукополагать в священный сан даже тех жителей Руси, которые имели к этому канонические препятствия [5].

Как видно, возглавлять униатское духовенство Галицко-Волынской Руси и рукополагать новых униатских клириков должен был иерарх латинского обряда в ранге папского легата. То есть ни митрополит, ни епископы унию не поддержали. А тот факт, что легату давалось право рукополагать в священный сан канонически ущербных кандидатов, говорит о том, что сторонники унии испытывали серьезные проблемы с кандидатами в клир.

Папа Иннокентий IV намеревался создать для защиты восточных рубежей Европы крупный военный союз, к которому примкнули бы Галицко-Волынские князья, рыцари Тевтонского ордена и венгерской ветви ордена госпитальеров. К этому союзу понтифик стремился подключить и Александра Невского. Однако, если Даниил Романович надеялся, что папа способен организовать масштабный крестовый поход против монголов и побудить западных

крестоносцев участвовать в нем, то Александр Ярославич смотрел на эту перспективу гораздо более трезво. После столкновений с крестоносцами на северо-западе Руси Александр не допускал возможности военного сотрудничества с западными соседями, стремившимися захватить часть территорий ослабевшей после монгольского нашествия Руси. Военное противостояние с западными христианами сформировало у князя Александра резко негативное отношение к католицизму.

Правда, в официальных отношениях с Римом Александр Ярославич сохранял корректность и терпимость. В частности, он разрешил построить в Пскове католический храм (впрочем, в Великом Новгороде и Пскове латинские церкви в колониях западноевропейских купцов существовали издревле). Но Иннокентий IV, направивший Александру в 1248 г. две буллы, ошибочно принял дипломатическую вежливость князя за согласие признать над собой главенство Рима [2]. При этом папа ссылался на пример отца Александра – Ярослава Всеволодовича, якобы перешедшего в католичество незадолго до своей смерти в столице Монгольской империи. Но никаких иных свидетельств, подтверждающих этот факт, нет. Думается, Александр Ярославич лучше понтифика знал характер своего отца, и поэтому, когда папские послы пытались убедить князя признать главенство Рима, он отверг это предложение в самой жесткой форме [11].

Следует обратить внимание на то, что в то самое время, когда Даниил Галицкий вел переговоры с Римом, Александр Невский наглядно показал, что избрал прямо противоположный курс. В 1247–1249 гг. он вместе с братом Андреем Ярославичем совершил поездку в ставку Батые, затем оба князя направились в столицу Монгольской империи – Каракорум [17]. На фоне переговоров Даниила Романовича с Римом действия Александра Ярославича были восприняты Чингизидами как подчеркнутое выражение лояльности монголам. В результате Александр Ярославич в 1249 г. возвратился на Русь, получив ярлык на Киев *«и всю Русьскую землю»* (то есть Южную Русь), а Андрей Ярославич стал великим князем Владимирским [14].

Разрыв между митрополитом Кириллом и князем Даниилом Галицким наступил не сразу. Как видно, поначалу терпимо настроенный к католикам Кирилл по мере углубления переговоров об унии и реализации Римом первых практических шагов в направлении ее насаждения на Руси начинает все более решительно отмежевываться от этой инициативы Даниила Романовича. Однако курсу Галицкого князя, направленному на военно-политическое сближение с Западом, Кирилл, вероятно, еще какое-то время оказывал поддержку. Это подтверждают следующие факты.

Осенью 1250 г. митрополит Кирилл впервые направился во Владимирское княжество [14]. Эта поездка была связана с династическим браком: зимой 1250–1251 гг. Кирилл совершил во Владимире на Клязьме венчание великого князя Андрея Ярославича с дочерью Даниила Галицкого Устиньей [14]. Очевидно, что этим шагом Даниил надеялся сделать Андрея своим союзником и Кирилл оказал ему в этом поддержку.

Как показали дальнейшие события, надежды Галицкого князя вполне оправдались. Под влиянием тестя великий князь Андрей Ярославич также стал строить иллюзорные планы освобождения Руси от монголов. Но в 1252 г.

на Владимирское княжество обушилась «Неврюева рать». Русское войско, которым командовали Андрей Ярославич и его младший брат князь Ярослав Тверской, было разгромлено монголами. Потерпевшие поражение князь бежали в Великий Новгород, откуда Андрей вскоре вместе с супругой отплыл в Швецию [15]. Попытка восстать против монголов обернулась лишь новым разорением русских земель. Александр Невский, сохранивший лояльность монголам, сменил брата на великом княжении Владимирском.

Очевидно, эти драматические события, которым предшествовало состоявшееся весной 1251 г. в Великом Новгороде знакомство митрополита Кирилла II с Александром Невским [14;15], решительно изменили политические ориентиры предстоятеля Русской церкви. С этого времени митрополит прекращает контакты с Даниилом Галицким и начинает поддерживать Александра Ярославича, явившего пример политического курса, наиболее реалистичного и оптимального для Руси в создавшихся условиях.

Александр, чьи земли отстояли далеко от других государств, рано осознал, что союзников ему искать негде, а сил самостоятельно противостоять монголам у Руси нет. Следовательно, нет и иного выбора, кроме как признать над собой власть монгольского хана. Несмотря на все ужасы Батыева нашествия, Русь, попав в зависимость от монголов, тем не менее сохранила свою, пусть и ограниченную, государственность, православную веру, национальную культуру и самобытность. Это давало надежду на то, что со временем удастся собрать силы и освободиться от поработителей. Политика Александра Ярославича, как показал дальнейший ход событий, оказалась гораздо более дальновидной, чем линия Даниила Романовича. Галицкое княжество уже к середине XIV в. было поглощено западными соседями, а его русское население стало объектом католического прозелитизма, что в итоге привело к утрате национальной и религиозной идентичности.

Таким образом, можно утверждать, что решительная перемена в позиции митрополита Кирилла, которую вполне можно назвать переоценкой ценностей, была связана именно с влиянием Александра Невского. Благодаря великому князю Владимирскому митрополит смог более глубоко и объективно взглянуть на положение завоеванной монголами Руси, исходя из интересов всей Русской земли, а не только Галицко-Волынского княжества.

Это в известной мере подтверждается той исключительной поддержкой и подчеркнутым уважением, которые в дальнейшем неизменно выказывал Александру Невскому предстоятель Русской церкви. Так, в 1252 г. он устроил у Золотых ворот во Владимире торжественную встречу великому князю Киевскому и Владимирскому, возвращавшемуся из ставки Батыева. Вскоре митрополит Кирилл возглавил церемонию восшествия Александра Ярославича на Владимирский великокняжеский престол [14]. В 1255 г. митрополит вместе с великим князем и другими русскими князьями участвовал в погребении в Успенском соборе Владимира брата Александра Невского – Галицкого и Дмитровского князя Константина Ярославича [14]. Когда в 1256 г. началась война со шведами, митрополит не только прибыл с Александром Невским в Великий Новгород, но и провожал выступавшее в поход русское войско до Копорья [15].

На протяжении длительного времени митрополит Кирилл продолжал оставаться во Владимиро-Суздальской Руси, духовному окормлению которой

он уделял повышенное внимание. Здесь около 1255–1258 гг. им была основана епископская кафедра в Твери³⁰. В 1261 г. состоялось поставление первого архиерея на Сарайскую епархию, учрежденную Кириллом в столице Улуса Джучи [16].

Решительный переход митрополита Кирилла на сторону Александра Невского совпал по времени с апогеем переговоров Даниила Галицкого с папой, итогом которых стала коронация Даниила королевской короной, присланной ему из Рима. Коронация состоялась в конце 1253 – начале 1254 г. в г. Дорогичине при участии папского посольства [4;7;9].

Частью церемонии было признание Даниилом папы Римского *«своим отцом»*. Это фактически означало переход князя в юрисдикцию Рима. В коронации приняло участие и высшее православное духовенство Западной Руси, хотя, скорее всего — под давлением Галицкого князя. По свидетельству Галицко-Волынской летописи, Даниил Романович принял корону *«от отца своего папы Некентия³¹ и от всех епископовъ своихъ»* [13]. Однако участие православных архиереев в этой церемонии само по себе еще не означало принятия ими унии. Тем более, что разочарованный бесперспективностью попыток найти союзников на Западе и отсутствием реальной помощи от папы «король Руси» вскоре прекратил всякие сношения с Римом и вплоть своей кончины их более не возобновлял [1].

Тем не менее, в глазах митрополита Кирилла его бывший покровитель Даниил был дискредитирован своими сношениями с Римом, и поэтому предстоятель Русской Церкви по-прежнему пребывал преимущественно в Северо-Восточной Руси, подчеркнуто продолжая демонстрировать поддержку Александру Невскому. Не исключено, что митрополит мотивировал свое пребывание при Александре Ярославиче тем, что великий князь Владимирский одновременно (хотя и чисто номинально) занимал и Киевский престол. Кроме того, вплоть до 1274 г. Кирилл не поставлял на Владимирскую епископскую кафедру самостоятельного епископа и фактически присоединил Владимирскую епархию к митрополичьему округу. Вероятно, Кирилл задумывался о переносе своей резиденции во Владимир на Клязьме, что впоследствии осуществил его преемник Максим. При этом нельзя не обратить внимания на параллель в статусе Александра Невского как великого князя Киевского и Владимирского и сопряжении Киевской и Владимирской кафедр митрополитом Кириллом.

В заключение также следует отметить, что митрополит Кирилл, судя по всему, являлся духовным отцом Александра Невского. Это подтверждают обстоятельства состоявшегося 23 ноября 1263 г. в соборе монастыря Рождества Богородицы во Владимире отпевания и погребения Александра Ярославича, которое возглавил Кирилл. Летописец отмечал, что при этом произошло чудо: когда митрополит хотел вложить в руку великого князя разрешительную грамоту, покойный протянул ее и сам взял свиток [15].

Известно, что в средневековой Руси существовал обычай: именно духовник

³⁰ Поппэ А. Митрополиты Киевские и всяя Руси // Шаповя Н. Государство и Церковь Древней Руси XI–XIII вв. М., 1989. С. 191–206. Прил. 1. С. 205.

³¹ То есть от папы Римского Иннокентия IV (1243—1254 гг.).

влагал в руки почившего государя разрешительную грамоту. В частности, в XVI—XVII вв. по отношению к Московским царям этот ритуал традиционно исполнял протопоп Благовещенского собора, по должности являвшийся государевым духовником. Возможно, подобный обычай существовал уже в XIII в. Поэтому с большой долей вероятности можно утверждать, что большинство своих важнейших деяний, предпринятых в последнее десятилетие своей жизни, Александр Ярославич совершил по прямому благословию митрополита Кирилла и в полном согласии с волей предстоятеля Русской церкви

Литература и источники

1. Regesta pontificum romanorum/ Ed. August Potthast. – Berolini, 1875. – Vol. 2. – № 16731.
2. Акты исторические. – СПб., 1841. – Т. 1., № 78.
3. Большакова, С. А. Папские послания галицкому князю как исторический источник / С. А. Большакова // Древнейшие государства на территории СССР. 1975 год. – М., 1976. – С. 122–129.
4. Великий, А. Г. Проблема коронації Данила Романовича / А. Г. Великий // *Analecta ordinis S. Basilii Magni*. – 1954. – Vol. 2 – С. 95–104.
5. Домбровский, Д. Даниил Романович / Д. Домбровский // Полная энциклопедия. – М., 2006. – Т. 14. – С. 118–125.
6. Карпини Дж. дель Плано. История монгалов. / Дж. дель Плано Карпини // Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло / Г. де Рубрук; Сост., вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М., 1997. – С. 68–69.
7. Котляр, Н. Ф. Даниил, князь Галицкий. Документальное повествование / Н. Ф. Котляр. – СПб., 2008. – С. 288.
8. Кучкин, В. А. К биографии Александра Невского / В. А. Кучкин // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования / отв. ред. А.П. Новосельцев. – М., 1986. – С. 71–80.
9. Майоров, А. В. Был ли Даниил Галицкий коронован папой Иннокентием IV? / А. В. Майоров // Русин. – 2011. – № 3(25). – С. 42–49).
10. Мазутова, В. И. Послание папы Иннокентия IV князю Александру Невскому / В. И. Мазутова, В. И. Пашуто // *Studia historica in honorem N. Kruus*. Tallinn, 1971. – С. 136–138.
11. Новгородская первая летопись. – Л., 1950. – С. – 305–306.
12. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси / В. Т. Пашуто. – М., 1968. С. 298.
13. Полное собрание русских летописей. – М., 1998. – Т. 2.
14. Полное собрание русских летописей. – М., 1997. – Т. 1.
15. Полное собрание русских летописей. – М., 1949. – Т. 25. – С. 71–80.
16. Поппэ, А. В. Митрополиты Киевские и всея Руси (988—1305 гг.) / А. В. Поппэ // Государство и Церковь Древней Руси X—XIII вв. / Я.Н. Щапов. – М., 1989. – С. 204–205.
17. Присёлков, М. Д. Троицкая летопись / М. Д. Присёлков. – М.; Л., 1950. – С. 322.
18. Рошко, Г. Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия: послания Папы Римского Даниилу Галицкому и Александру Невскому / Г. Рошко // Символ. – Париж, 1988. – № 20. – С. 92–115.
19. Рыбинский В. Митрополичья кафедра с половины XIII до конца XVI в. / В. Рыбинский. – К., 1891. С. 6.

Свирид А. Н., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории славянских народов учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

Svirid A.N., doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the History of Slavic Peoples of the Educational Institution «Brest State University named after A.S. Pushkin»

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ТЕРРИТОРИИ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД С 1953 ПО 1964 ГГ.

POLICY OF THE SOVIET AUTHORITY TO THE ORTHODOX CHURCH IN THE TERRITORY OF THE BREST REGION DURING IN 1953–1964

В статье рассматривается политика советской власти по отношению к Православной церкви в период 1953–1964 гг. Время нахождения Н. С. Хрущёва во главе советского государства является периодом максимального давления на неё со стороны государства.

The article put attention on the policy of the Soviet government in relation to the Orthodox Church in the period 1953-1964. The time of N.S. Khrushchev at the head of the Soviet state is a period of maximum pressure on the Orthodox Church from the state.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Брестская область, конфессиональная политика.

Key words: Russian Orthodox Church, Brest region, confessional policy.

Положение Православной церкви в Брестской области в период с 1953 по 1954 гг. было намного лучшим по сравнению с другими конфессиями. В первую очередь, это связано с послевоенной политикой Сталина по отношению к православной церкви. Несмотря на целый ряд ограничений, действовала относительно свободно. Это можно объяснить как следствием определённой инерции традиционной приходской жизни, так и нежеланием властей дополнительно накалять социальную обстановку в и без того непростое время в условиях проведения коллективизации сельских хозяйств. Немаловажным фактором такого отношения стало и то обстоятельство, что во время войны Православная церковь в большинстве случаев героически проявила себя, помогая Красной армии и партизанам, призывала к борьбе с оккупантами. После окончания войны Православная церковь стала поддерживать советскую власть. Это дало повод Иосифу Виссарионовичу Сталину смягчить антирелигиозную политику [5].

В своих отчетах председатель исполкома Брестской области районного Совета депутатов трудящихся М. Кринитофович отмечал: «В Советском Союзе церковь отделена от государства и государство от церкви. Государство не вмешивается во внутреннюю, вероисповедальную, то есть каноническую часть деятельности церкви. Отделение церкви от государства, невмешательство государства в дела церкви и секты рассматривается как неограниченная свобода для священнослужителей. Отделив церковь от государства Советское государство не отказывается от осуществления по отношению к церкви государственной власти. Советское государство сохраняет за собой право надзирать и регламентировать деятельность церкви» [2, с. 23].

На такой же позиции стоял и Н. С. Хрущёв. С 1953 по 1954 гг. наблюдался рост православных храмов не только на восточной территории БССР, но и на западной. Увеличилось количество верующих и священников [5].

Но ситуация изменилась с 1955 г. Начался жесткий контроль над деятельностью Русской православной церкви как со стороны местных, так центральных органов власти [4, с. 264]. Идеологические службы ЦК КПБ не могли не учитывать, что центральной задачей партии становится коммунистическое воспитание, борьба за «преодоление пережитков в сознании религиозных масс» [4, с. 256]. Начинается ущемление прав православных верующих, их прошения никто не

рассматривает, а также идет подрывание материальной базы [4, с. 266].

В этот период активно работала научно-атеистическая пропаганда среди молодежи, которая особенно усилилась с 1959 г.

С 1955 г. по 1959 г. в Брестской области не наблюдалось ни одной регистрации православных храмов и самих священнослужителей. Также в 1959 г. был разработан план мероприятий, который запрещал деятельность «бродячих проповедников и других шарлатанов, проводится борьба с незаконной деятельности религиозных обществ и духовенства, граждан верующих. Мероприятия по сужению количества религиозного актива» [2, л. 20–21].

В своих отчетах председатель исполкома Брестской области районного Совета депутатов трудящихся М. Кринитофович отметил:

«Религиозным обществам РПЦ запрещается:

Строить или приобретать молитвенные дома, а также другое строительство, приобретать транспортные средства и другое имущество, производство утвари и предметов религиозного культа без специального на то разрешения Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. Организация касс взаимопомощи, а также оказание какой бы то ни было материальной помощи всяким лицам. Принудительное взыскание сборов и обложений в пользу религиозных организаций и духовенства, установление обязательных сумм приношений в церковь, выделение специальных людей проводить сбор пожертвований по домам верующих, в том числе и обходы домов и квартир верующих с целью сбора «пожертвований».

Самовольное проведение сборов добровольных пожертвований верующих на строительство и покупку молитвенного здания и других сооружений, а также на цели, не имеющие отношений к религиозным потребностям. Проведение специальных детских, юношеских, женских собраний по обучению религией. Применение мер принуждения, угроз и запугивания детей и юношей, применение мер принуждения или наказания по отношению к родителям, дети которых не ходят в церковь. Организовывать кружки художественной самодеятельности и других детских, юношеских и женских кружков и групп. Проведение экскурсий, вечерних и других «развлечений» для детей, юношества, молодежи и других незаконных действий в отношении детей, юношества и женщин. Проведение кустовых молитвенных собраний, проведение молитвенных собраний помимо молитвенных домов, которые зарегистрированы в установленном порядке, прием общиной различных бродячих проповедников и других шарлатанствующих элементов. Крещение детей без воли родителей.

Религиозные организации и служащие культа, зарегистрированные в установленном порядке, могут: 1. Проводить без особого на то разрешения молитвенные собрания (богослужения) в здании культа, а также заседание исполнительного органа и ревизионной комиссии. Примечание: Совершение богослужения с 00 ч. до 6 ч. запрещается за исключением тех дней, когда совершение богослужения установлено требованиями обряда. 2. Собираение пожертвований (натурой или деньгами) как в молитвенном здании, так и вне его, но среди верующих данного религиозного общества. 3. Совершать шествия, являющиеся необходимой частью богослужения, вокруг молитвенного здания при том, однако, условии, что эти шествия не нарушают уличное движение.

Примечание: Религиозные шествия, а также совершение религиозных обрядов и церемоний под открытым небом (крайний случай указан в настоящем пункте) допускается каждый раз с письменного разрешения исполнительного городского или районного Совета по делам ходатайствам, подающего за 2 недели до срока назначения церемонии...

Проведение собраний в молитвенном здании религиозного общества по вопросам, связанным с деятельностью общества, с предварительным уведомлением не менее чем 3 дня городского, районного, поселкового или сельского Совета. Примечание: Заявление за подписью одного из членов исполнительного религиозного общества подает в горсовет, райисполком, в поселковый или сельский совет и указывает время и место собрания, предполагаемое количество участников, а также перечень вопросов, подлежащих обсуждению. Собрание верующих является открытым. О принятых на собрании решениях сообщают горсовету, райисполкому, в поселковый или сельский советы, которого уведомяли об этих решениях уполномоченного совета.

В случае нарушения законодательства религиозным обществом рекомендуется принимать следующие меры: Сообщить уполномоченному совету по делам РПЦ или уполномоченному совету по делам религиозных культов о характере того или иного нарушения. В следующем, не требуя отлагательств, вызов служителей культа или председателя исполнительного органа в местный Совет и предупредить их о прекращении того или иного незаконного действия, с последующим сообщением уполномоченного совета.

В особо серьезных случаях составление актов со свидетельством и виновниками незаконного действия и передача их следственным органам и уполномоченному совету.

Сообщая о вышеизложенном исполкому областного Совета депутатов трудящихся, вместе с тем предупреждаем о недопущении оскорбительных действий по отношению к верующим и духовенству. В постановлении ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» указано: «Необходимо иметь в виду, что оскорбительные действия по отношению к церкви, духовенству, верующим несовместимо с линией государства в проведении научно-атеистической пропаганды и противно Конституции СССР, представляет совести граждан гражданскую свободу совести» [2, л. 23–27].

Атеистическая пропаганда усилилась в начале 60-х гг. Этому способствовало развернутое постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», принятого 9 января 1960 г. В нем отмечалось, что жизнь каждый день приносит новые победы коммунистической идеологии, которая овладевает разумом сотни миллионов человек, и обсуждалось такое положение, когда не обращается внимание на «обновление и укоренение под маркой «национальных традиций» отсталых, а руководители некоторых организаций занимали «пассивную, оборонительную позицию в отношении к вражеской марксизму-ленинизму религиозной идеологии» [4, с. 268]. Чтобы лишить религиозные общины возможности нормально действовать, через три дня, 12 января, ЦК КПСС, приняли секретное постановление «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» [4, с. 269].

Такие постановления развязывали руки безбожникам, способствовали на-

рушениям со стороны советских работников элементарных нравов религиозной жизни. В практику уполномоченных по делам РПЦ все больше укоренялась снятие с регистрации того или иного священника на несколько месяцев или бессрочно [4, с. 270]. Усилилась компания массового закрытия церквей, которая продолжалась до 1964 г. Начиная с 1960 по 1964 гг. были закрыты следующие церкви, которые отмечены в отчете Уполномоченного по делам религий по Брестской области: Сакская церковь Каменецкого района закрыта в 1960 г. по причине аварийного состояния здания; были сняты с регистрации церкви в августе этого же года в селе «Сенкевичи» Лунинецкого района, Омелец Высоковского района и в д. Цмень Столинского района как прекратившие свою деятельность. Сняты с регистрации церкви в 1961 г. в г. Кобрине, в с. Ляховичи Ивановского района по причине отсутствия прихожан [3, л. 2, 17, 31, 59].

Также в 1962 г. были сняты церкви в д. Гершоны Брестского района, где священника в то время не было и церковная служба не проводилась в д. Кругель, д. Малые Взводы Каменецкого района, д. Косичи Брестского района как прекратившие свою деятельность. В 1963–1964 гг. были сняты с регистрации церкви в д. Зелово, д. Ольшево Брестского района, Железница Барановичского района как прекратившие свою деятельность [3, л. 34, 39, 41, 89, 120, 122, 131].

Таким образом, с 1953 по 1964 гг. на территории Брестской области осуществлялось беспрецедентное давление на Православную церковь со стороны государственных властей.

Литературные источники

1. Документы о регистрации, деятельности и о снятии с учета религиозного общества РПЦ в дер. Миловиды, Барановичского района (списки, опись имущества, автобиографии, анкеты и др.) за 1945–1981 гг. // Государственный архив Брестской области (далее ГАБО) – Ф. 210. – Оп. 1. – Д. 103. – 138 л.
2. Отчетно-информационные доклады, статистические отчеты и планы работы за 1959 г. // ГАБО. – Ф. 1339. – Оп. 2. – Д. 14. – 67 л.
3. Документы о снятии с учета действующих и закрытых зданий рпц в населенных пунктах области (решения, заключения, справки). – 1953–1964 гг. // ГАБО. – Ф. 1482. – Оп. 2. – Д. 11. – 148 л.
4. Навіцкі, У. І. Канфесіі на Беларусі (канец XVII–XX ст.). / У. І. Навіцкі. – Мінск : Беларусь, 1998. – 400 с.
5. Степанюк, Е. А. Отношение государства к Православной церкви на территории Брестской области в 1953–1964 гг. / Е. А. Степанюк // Электронная Библиотека Минской духовной академии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.minda.by/handle/123456789/1397?offset=20>. – Дата доступа: 18.06.2021.

Сілава С. Ул., кандыдат гістарычных навук, дацэнт установы адукацыі “Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я. Купалы”, г. Гродна

Silava S.Ul., candidate of historical sciences, associate professor, Grodno State University named after Ya. Kupala, Grodno

ПРАБЛЕМЫ ФАРМАВАННЯ ГІСТАРЫЧНАЙ ПАМ'ЯЦІ БЕЛАРУСКАГА НАРОДА (НА ПРЫКЛАДЗЕ ДЗЕЙНАСЦІ ПРАВАСЛАЎНАЙ ЦАРКВЫ Ў БЕЛАРУСІ У 1941–1945 ГГ.)

PROBLEMS OF FORMING THE HISTORICAL MEMORY OF THE BELARUSIAN PEOPLE (ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF THE ORTHODOX CHURCH IN BELARUS IN 1941-1945)

У артыкуле разглядаюцца асноўныя праблемы фарміравання гістарычнай памяці беларускага народа праз прызму рэлігійнай дзейнасці Праваслаўнай царквы Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Прааналізаваны подзвіг праваслаўных святароў і вернікаў у барацьбе з нямецка-фашыстскімі захопнікамі.

The article examines the main problems of the formation of the historical memory of the Belarusian people through the prism of the religious activities of the Orthodox Church of Belarus during the Great Patriotic War. The heroic deed of Orthodox priests and believers in the fight against the German-fascist invaders is analyzed.

Ключавыя словы: Праваслаўная царква, святары, нямецка-фашыстскія захопнікі, гістарычная памяць.

Key words: Orthodox Church, priests, German-fascist invaders, historical memory.

Сёння досыць актыўна абмяркоўваюцца праблемы гістарычнай памяці, нацыянальнай самасвядомасці, удзелу ў гэтым рэлігійных інстытутаў. Дыскусія, якая прайшла яшчэ ў сакавіку 2009 г. у Санкт-Пецярбургу сярод прадстаўнікоў свецкіх і рэлігійных даследчыкаў, паказала, наколькі востра стаіць праблема гістарычнай памяці і гістарычнага пакаяння. Сімвалічна і назва артыкула, якая выйшла пасля круглага стала – “Без сапраўднага пакаяння ў Расеі няма будучыні” [1]. Протаіерэй А. Сцяпанаў, Я. Гордзін, Ул. Правдюк, К. Аляксандраў адзначалі, што да гэтага часу гістарычная навука і грамадскасць звяртаюцца да савецкага перыяду гісторыі, тэрору XX стагоддзя, яго наступствах для грамадства цяпер.

Усё больш актуальная цяпер ідэя пакаяння. Так, протаіерэй А. Сцяпанаў адзначаў, што пакаянне заўсёды звязана з асабістым, глыбока ўнутраным працэсам. У Царкве менавіта гэта і разумеецца як пакаянне – «змяненне розуму». Пакаянне сапраўды заўсёды індывідуальна, але яно можа стаць досыць масавай з’явай, калі многія людзі раптам пачынаюць ўсведамляць свой грэх і змяняюць свой лад паводзінаў, свой лад жыцця, і гэта прыводзіць да нейкіх агульных зрухаў, прарывам. Арыгінальную ідэю агучыў К. Аляксандраў, пазначыўшы постсавецкае грамадства як грамадства з “адбітай гістарычнай памяццю”. А “адбітая гістарычная памяць” перашкаджае ўзнікненню працэсаў, якія можна было б назваць нацыянальным пакаяннем.

Прот. А. Сцяпанаў адзначаў, што цяпер важна распрацоўваць тэму маральнага асэнсавання мінулага. “Вядома, мяне вельмі палохае маральнае нячуласць гэтай тэмы шматлікімі вернікамі людзьмі, якія ходзяць у храмы і ў асяроддзі якіх мы досыць часта чуем панегірыкі ў адрас таго жа Сталіна, спробы яго апраўдаць, спробы сказаць: “А вось да Царквы ён стаў ставіцца усе-такі неяк асабліва добра, 1943 год і гэтак далей... Гэта сведчыць аб тым, што мы не здолелі належным чынам маральна выхаваць сваю паству. Гэта, безумоўна, адна з найважнейшых задач. І абмеркаванне гістарычных тэм з’яўляецца выдатным інструментам для таго, каб маральныя пачуцці нашых пасам выходзіць. Гэта ставіць пытанне пра маральнае вымярэнні не толькі ў адносінах да якой-то выдзеленай групы, але да ўсіх людзей” [1].

Патрыярх Маскоўскі і ўсяе Русі Аляксій II заклікаў гісторыкаў напярэдадні святкавання 60-годдзя Перамогі па-іншаму зірнуць на падзеі ваеннага перыяду і даць ім новую ацэнку. “Сышлі ў мінулае часы, калі ва ўгоду афіцыйнай ідэалогіі

замоўчваліся асобныя эпідоды гісторыі Вялікай Айчыннай вайны і скажалася гісторыя ўсенароднага подзвігу. Сёння ў нас ёсць усе магчымасці для аднаўлення поўнай і аб'ектыўнай карціны тых вялікіх і трагічных гадоў», – адзначыў Аляксій ІІ, выступаючы на царкоўна-грамадскай канферэнцыі “За бліжняга свайго: Руская праваслаўная царква і Вялікая Айчынная вайна”, якая напярэдадні адкрылася ў Маскве. Форум, прысвечаны 60-годдзю Перамогі, быў закліканы адкрыць новую старонку ў вывучэнні гісторыі самай кровапралітнай у гісторыі чалавецтва вайны, у тым ліку і такіх маладаследаваным тэм, як ўклад Царквы ў агульнанародную перамогу над фашызмам.

У канферэнцыі прынялі ўдзел архірэй і клірыкі Рускай праваслаўнай царквы, дзяржаўныя і грамадскія дзеячы, ветэраны Вялікай Айчыннай вайны, у тым ліку праваслаўныя святары, а таксама военачальнікі, ваенныя і царкоўныя гісторыкі, навукоўцы і архівісты з навуковых цэнтраў Расіі, Украіны і Беларусі. “Гады Вялікай Айчыннай вайны – гады духоўнага адраджэння нашага народа пасля доўгіх гадоў панавання бязбожнага рэжыму. І гэта адраджэнне выяўлялася не толькі ў аднаўленні царкоўных структур і адкрыцці духоўных навучальных устаноў. Усё гэта былі толькі следства”, – адзначаў Патрыярх, адкрываючы канферэнцыю. Прычынай жа духоўнага ўздыму, на думку Аляксія ІІ, было

“масавое рэлігійнае натхненне, якое ахапіла многіх нашых суайчыннікаў, якія адышлі ад Царквы ў гады ганенняў ці ж з нараджэння гвалтоўна пазбаўленых магчымасці духоўнага акармлення, а цяпер якія ўступаюць у царкоўную агароджу, якія вяртаюцца ў Бацькоўскі Дом”. «Да цяперашняга часу гісторыкі ў недастатковай меры аддавалі сабе справаздачу ў гэтым», – адзначаў прадстаяцель РПЦ.

Патрыярх Аляксій нагадаў, што ўжо ў самым пачатку вайны “Царква ў асобе Месцаблюсціцеля Патрыяршага прастола мітрапаліта Сергія благаславіла абаронцаў Айчыны, благаславіла будучы агульнанародны подзвіг”, і затым на працягу ўсіх ваенных гадоў свяшчэннаначалле, духавенства і свецкія ўносілі свой пасільны ўклад у справу барацьбы з ворагам.

У пачатку вайны па ўказанню Сталіна Я. Яраслаўскі піша артыкул “Чаму рэлігійныя людзі супраць Гітлера”, які кардынальна адрознівацца па танальнасці ад усіх яго антырэлігійных артыкулаў [3]. У гэты час шмат што пераацэньваецца. Праваслаўе здаўна было нацыянальным веравызнаннем. У «перыяд пераменаў» (1917–1941 гг.) большавікі адмаўляліся ад рэлігіі. Але падчас вайны, “час збіраць камяні”, трэба было вярнуцца да спрадвечнай праваслаўнай традыцыі, дапамагчы аб'яднанню народа на аснове агульнай гісторыі, агульным веравызнаннем. Гэта добра разумеў і Гітлер. Адно з яго указанняў абвясціла, што фашысты павінны перашкаджаць уплыву адной царквы на вялікі раён, затое з'яўленне сект на акупаваных тэрыторыях, як форму расколу і раз'яднання, варта заахвочваць [2].

У час вайны не было перашкод для масавых набажэнстваў і царкоўных збораў (якія ішлі, у асноўным, на дапамогу фронту), здымаліся абмежаванні на рэлігійную дзейнасць. Органы ўлады на месцах зараз не перашкаджалі адкрыцці храмаў, спыніліся рэпрэсіі. Калі раней праводзілася палітыка ганенняў на царкву, вернікі вялі рэлігійную дзейнасць падпольна, цяпер жа

яны атрымалі свабоду веравызнання. Шэраг тэлеграм прадстаўнікоў праваслаўнага духавенства з паведамленнямі аб пералічэнні грашовых сродкаў на патрэбы абароны ў першыя ж месяцы вайны з’явіліся на старонках цэнтральных газет “Правда” і “Известия”, там жа давалася інфармацыя аб рабоце Праваслаўнай царквы, друкаваліся біяграфіі новаабраных Патрыярхаў Сергія і Аляксія. Гэта азначае, што патрыятычная дзейнасць Царквы асвятлялася ў друку і прызнавалася уладай. З лагераў вызвалілі дзясяткі царкоўнаслужыцеляў, у тым ліку шэсць архіепіскапаў і пяць епіскапаў. Зноў адкрываліся праваслаўныя храмы. Яшчэ ў 1941 годзе былі зачыненыя антырэлігійныя перыядычныя выданні і згорнутая дзейнасць Саюза ваяўнічых бязбожнікаў. У 1942 годзе, па прапанове Л. П. Берыі, 50-тысячным накладам выйшла кніга “Праўда аб рэлігіі ў Расіі”. Гэтую кнігу можна назваць адказам савецкага ўрада Рузвельту, які прапанаваў арганізаваць “інфармацыйную кампанію ў ЗША аб свабодзе рэлігіі ў СССР” [4].

Розныя гістарычныя школы займаліся вывучэннем ваенных аперацый, палітыкі нацыстаў на захопленых тэрыторыях, партызанскага і падпольнага руху, ўкладу савецкага народа ў Перамогу над нацыскай Германіяй. Стваральнікі абагульняючых прац, падрабязна аналізуючы розныя бакі Вялікай Айчыннай вайны, альбо не закраналі гісторыю Праваслаўнай царквы ў Беларусі як у перыяд акупацыі рэспублікі, так і ў перыяд з ліпеня 1944 па май 1945 гадоў, альбо закраналі гісторыю Праваслаўя толькі фрагментарна.

Неабходна, на наш погляд, прааналізаваць больш пазіцыі духавенства, дынаміку царкоўнага будаўніцтва, выяўленне прычын розных адносін духавенства да акупацыйнаму рэжыму і да партызанскага руху.

У кожнага з нас на Зямлі ёсць месца, якое мы называем Радзімай. Для кагосьці гэта ўся краіна, для іншага – невялікае мястэчка, вёска. Але для кожнага паняцце Радзімы, Бацькаўшчыны свята. І імкненне абараніць ці вызваліць сваю Радзіму ад ворага генетычна закладзена ў кожным з нас. Дваццатае стагоддзе прынесла чалавецтву дзве сусветныя вайны, якія змянілі ход гісторыі. Праваслаўная царква ва ўсе стагоддзі благаслаўляла на абарону Айчыны. Свяціцель Маскоўскі Філарэт гаварыў сваёй пастве: “Ухіляючыся ад смерці за гонар веры і за свабоду Айчыны, ты памрэш злачынцам або рабом; памры за веру і Бацькаўшчыну – ты прымеш жыццё і вянец на сябе” [5, с. 73].

Святы праведны Іаан Кранштацкі так пісаў пра любоў да зямной Айчыны: “Любі Бацькаўшчыну зямную ... яно цябе выхавала, ўшанавала, усім задаволіла, але асабліва любі Бацькаўшчыну нябесную. Але каб быць членамі той Айчыны, паважай і любі (яго) законы, як ты абавязаны паважаць і законы зямной Айчыны” [5, с. 73].

Нацысты дазвалялі існаванне і дзейнасць праваслаўных прыходаў толькі ў рамках жорсткага кантролю. І ні ў якой меры не павінна была выявіцца патрыятычная пазіцыя Царквы. Зараз ужо настаў, відавочна, час для аднаўлення справядлівасці. Мы ўжо ў поўны голас можам гаварыць і пісаць аб супрацоўніцтве беларускага праваслаўнага духавенства з партызанамі і падпольшчыкамі, пра іх уклад у агульную Вялікую Перамогу, пра што раней практычна не было шырока вядома. Народ не прыняў “новага парадку” і

падняўся на барацьбу.

Многія прадстаўнікі праваслаўнага духавенства не толькі малітвамі падтрымлівалі партызан і падпольшчыкаў, але і аказвалі дзейсную дапамогу. Святары ў большасці сваёй падзялілі лёс сваіх прыхаджан, у цяжкі час выконвалі свой пастырскі абавязак і думалі не пра сябе, а пра іншых, думалі не пра сучасасць, а пра будучыню, сталі сапраўднымі патрыётамі Беларусі. Горыч з нагоды перанесеных рэпрэсій у адносінах да духавенства з боку Савецкай ўлады не заслانیла свядомасці агульнай бяды, якая прыйшла на беларускую зямлю з пачаткам нацысцкай акупацыі.

Значная частка праваслаўнага духавенства не прыняла акупацыйную ўладу і лаяльна ставілася да партызанскага і падпольнага руху. Больш за тое, яны актыўна падтрымлівалі сваіх вернікаў – членаў сем'яў партызан і падпольшчыкаў, хавалі параненых і хрысцілі габрэйскіх дзяцей. Формы дапамогі былі самыя розныя: святары забяспечвалі партызан прадуктамі, медыкаментамі, падавалі прытулак для адпачынку, лячылі параненых, даставалі дакументы, пісалі фіктыўныя даведкі, хавалі моладзь, удзельнічалі ў разведоперацыях. Уступленне праваслаўных святароў у партызанскія атрады не было масавым, але адзінкавыя выпадкі мелі месца.

Прывядзём толькі некалькі прыкладаў. Святар Анатоль Гандаровіч з вёскі Рабунь Вілейскага раёна Мінскай вобласці не раз прымаў у сябе партызан, заданняў ад іх не атрымліваў, але даваў ім прадукты і падаваў месца для адпачынку. Партызаны захоўвалі ў доме святара тол, капсулы і бікфордавы шнуры. Дапамагаў святар і медыкаментамі [6, с. 23]. Святар вёскі Масаліны Бераставіцкага раёна Гродзенскай вобласці Анатоль Місеюк неаднаразова перадаваў прадукты для партызанскага атрада “Зорка”, спачатку праз сувязнога атрада Івана Калеснікава, а затым, пасля яго арышту, праз камандзіра роты гэтага ж партызанскага атрада Мікалая Шышкіна перадаваў партызанам яйкі, сала, хлеб [7, с. 24].

Святар вёскі Блячыно Клецкага раёна Мінскай вобласці Мікалай Аляксандравіч Хільтоў пастаянна дапамагаў разведвальнай групе пад камандаваннем Міхаіла Шершнёва з брыгады імя Васіля Іванавіча Чапаева, якая дзейнічала ў той жа вобласці. Протаіерэй Аляксандр Раманушка – настояцель Мала-Платніцкі царквы Пінскага раёна Пінскай вобласці, неаднаразова ўдзельнічаў у баявых аперацыях.

Любая сувязь з партызанамі жорстка каралася акупацыйнай уладай. Гітлераўцы не толькі давалі дазвол на адкрыццё цэркваў, але і бязлітасна спальвалі іх, калі была заўважаная сувязь з партызанамі. Так, у Дрысенскім (цяпер Верхнядзвінскім) раёне Віцебскай вобласці пры правадзенні карных акцый былі спалены пяць цэркваў. У кастрычніку 1943 года ў вёсцы Доры Валожынскага раёна Мінскай вобласці карнікі знішчылі 106 чалавек, з іх 26 былі сагнаны ў царкву і там спалены жыўцом [8, с. 45].

Такая ж страшная доля была прыгатаваная і жыхарам вёскі Вулька Лунінецкага раёна Брэсцкай вобласці. Усіх пакінутых у жывых сорок сем жыхароў вёскі, уключаючы і сям'ю святара, сагналі ў царкву і спалілі.

Святар Іаан Лойка быў настояцелем царквы ў імя Пакрова Божай Маці ў

вёсцы Хоростово Салігорскага раёна Мінскай вобласці, якая знаходзілася ў партызанскай зоне. У 1942 годзе падчас храмавага свята пасля набажэнства а. Іаан благаславіў сваіх сыноў Уладзіміра, Георгія і Аляксандра перад сыходам іх у партызанскі атрад. 15 лютага 1943 г. у Свята Стрэчання Гасподняга набажэнства ў царкве пачалося як звычайна каля шасці гадзін раніцы. Праз некаторы час пачуліся стрэлы, і тым, хто сабраўся ў царкве, стала ясна, што карнікі акружылі вёску. А. Іаану перадалі, што карнікі сказалі ўсім ісці ў царкву на малітву. Неўзабаве храм быў перапоўнены, але нікога з будынка не выпускалі. Адчуўшы небяспеку, святар заклікаў усіх прысутных шчыра памаліцца і прычасціцца Святых Тайн. Падчас народных спеваў “Верую” у храм уварваліся карнікі і сталі сілай выводзіць з царквы маладых жанчын і дзяўчат. А. Іаан звярнуўся з просьбай да афіцэра даць магчымасць скончыць набажэнства. Адзін з эсэсаўцы штурхнуў святара, і той упаў на царскія вароты. У дзверы храма ўбівалі цвікі, пад’ехала некалькі саней з саломай. Паліцыянт, які ўдзельнічаў ў акцыі знішчэння, сведчылі потым, што з ужо агорнутага агнём храма даносілася: “Цела Хрыстова прыміце, Крыніцы Бясмертнага спазнаеце” [9, с. 46–47]. Больш за 300 жыхароў загінула, у тым ліку святар Іаан Лойка, сялянка Анастасія Корж з трыма малымі дзецьмі, з якіх адзін грудной, сям’я Канстанціна Казлоўскага з пяці чалавек, 90-гадовы дзед Данілевіч.

Калі хто-небудзь са святароў быў заўважаны ў сувязях з партызанамі, то яго чакала смерць. Так, быў па-зверску закатаваны святар Полацкай епархіі Уладзімір Назарэўскі, які супрацоўнічаў з партызанамі, а тыя ў падзяку ўзаралі ноччу агарод святара. Раніцай а. Уладзімір быў арыштаваны. Быў падвергнуты арышту і пакараны 92-гадовы айцец Аляксандр Валасовіч за адмову супрацоўнічаць з акупацыйнымі ўладамі [10, с. 49]. За сувязь з партызанамі была расстраляная восенню 1943 года немцамі сям’я святара вёскі Лаша Віталя Бароўскага. Яго выдала жонка памочніка старасты вёскі Марыя Лянгер, якая ўбачыла

ў доме святара партызан. Не пазбегла адплаты і даносчыца. Партызаны яе расстралялі [11, с. 49].

У асобных выпадках святары-патрыёты былі адзначаны ўрадавымі ўзнагародамі. За заслугі перад Радзімай і за асабістую мужнасць святар (пасля протаіерэй, настояцель Свята-Аляксандра-Неўскай царквы, што на Вайсковых могілках у Мінску) Віктар Васільевіч Бекарэвіч быў узнагароджаны ордэнам Вялікай Айчыннай вайны II ступені. За ўдзел у партызанскім руху Кузьма Пятровіч Раіна быў узнагароджаны баявымі медалямі “За перамогу над Германіяй” і “Партызану Вялікай Айчыннай вайны” I ступені. А Васіль Копычко узнагароджаны медалямі “За перамогу над Германіяй”, “За доблесную працу ў гады Вялікай Айчыннай вайны”. Заштатны протаіерэй Пётр Рожановіч з вёскі Рухча Столінскага раёна Брэсцкай вобласці за сваё служэнне ў гады Вялікай Айчыннай вайны, за тую пасільную дапамогу, якую ён аказваў сваім прыхаджанам і мясцовым партызанскім атрадам, быў узнагароджаны медалём “За доблесную працу ў гады Вялікай Айчыннай вайны” [12, с. 53].

Усё вышэй сказанае яшчэ раз дазваляе гаварыць аб тым, што пазіцыя Праваслаўнай Царквы ў гады вайны – гэта неад’ёмная частка нашай агульнай гістарычнай памяці, ад якой нельга адмовіцца.

Літаратура і крыніцы

1. Без подлинного покаяния у России нет будущего // Церковный вестник. – 2009. – № 6 (403).
2. Фирсов, В. Г. Была ли безбожная пятилетка / В. Г. Фирсов [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://religion.ng.ru/history/2002-10-30/7_ussr/html. – Дата доступа 22.08.2021.
3. Цыпин, В. История Русской Православной Церкви: учебное пособие для православных духовных семинарий / В. Цыпин. – Москва : Хроника, 1994. – С. 117–120.
4. Якунин, В. Изменение государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны / В. Якунин // Власть. – 2002. – № 12. – С. 67–74.
5. Русская церковь на рубеже веков. Юбилейный Архиерейский Собор Московской Патриархии. – Санкт-Петербург : изд-во «Царское дело», 2001. – 319 с.
6. Силова, С. В. Крестный путь: Белорусская православная церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. / С. В. Силова. – Минск : из-во Белорусского Экзархата, 2005. – С. 23.
7. Силова, С. В. Крестный путь: Белорусская православная церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. / С. В. Силова. – Минск : из-во Белорусского Экзархата, 2005. – С. 24.
8. Силова, С. В. Крестный путь: Белорусская православная церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. / С. В. Силова. – Минск : из-во Белорусского Экзархата, 2005. – С. 45.
9. Силова, С. В. Крестный путь: Белорусская православная церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. / С. В. Силова. – Минск : из-во Белорусского Экзархата, 2005. – С. 46–47.
10. Силова, С. В. Крестный путь: Белорусская православная церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. / С. В. Силова. – Минск : из-во Белорусского Экзархата, 2005. – С. 49.
11. Силова, С. В. Крестный путь: Белорусская православная церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. / С. В. Силова. – Минск : из-во Белорусского Экзархата, 2005. – С. 52.
12. Силова, С. В. Крестный путь: Белорусская православная церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. / С. В. Силова. – Минск : из-во Белорусского Экзархата, 2005. – С. 53.

Шевченко К. В., доктор исторических наук, профессор кафедры правовых дисциплин Российского государственного социального университета (филиал в г. Минске)

Shevchenko K.V., doctor of historical sciences, professor, Department of Legal Disciplines of the Russian State Social University (Branch in Minsk)

НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: МИР И ЕВРОПА К ИЮНЮ 1941 ГОДА ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: WORLD AND EUROPE BY JUNE 1941

В статье анализируется положение в Европе, сложившееся к лету 1941 г. К этому времени нацистская Германия, окончательно ликвидировав Чехословакию в марте 1939 г., сумела разгромить Польшу, Францию, Югославию и ряд других более мелких стран. К июню 1941 г. практически вся континентальная Европа представляла собой либо завоёванные Германией страны, либо страны-сателлиты гитлеровской Германии. Экономические и военные ресурсы этих стран были поставлены на службу нацистской Германии. Именно эта объединённая Гитлером Европа и приняла участие в агрессии против СССР, начавшейся 22 июня 1941 г., при этом в военных действиях против Красной армии на стороне германского вермахта принимали активное участие военные подразделения Финляндии, Венгрии, Румынии, Словакии, Хорватии, Италии и Испании. Одной из главных целей германских нацистов была полная ликвидация славянских народов. Именно по этой причине начало Великой Отечественной войны СССР с нацистской Германией было воспринято рядом славянских народов, среди которых резко выросли просоветские настроения, как единственная возможность освобождения от угрозы неминуемого уничтожения в нацистском рейхе.

The article focuses on the analysis of the situation in Europe by summer 1941. By this time, Nazi Germany finally liquidated Czechoslovakia and defeated Poland, France, Yugoslavia and a number of other smaller states. By June 1941, practically all continental Europe was either coun-

tries, conquered by Nazi Germany, or satellites of Germany. Economic and military resources of those countries were used by Nazi Germany. In fact, aggression against USSR on June 22, 1941, was unleashed by collective Europe, united by Hitler. Military units from Finland, Hungary, Romania, Slovakia, Croatia, Italy and Spain took an active part in military actions against the Red Army as allies of Germany. One of the principal goals of Nazi policy was total liquidation of the Slavic nations. Because of that, beginning of the Great Patriotic War against Nazi Germany was perceived by a number of Slavic peoples as the only real opportunity to free themselves from the imminent threat of destruction.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, СССР, Германия, славянские народы.

Keywords: Second world war, Great Patriotic war, USSR, Germany, Slavic peoples.

Согласно общепринятой в настоящее время точке зрения, агрессия нацистской Германии против Польши, развязанная 1 сентября 1939 г., положила начало Второй мировой войне. Поскольку несколько дней спустя связанные с Польшей союзными обязательствами Франция и Великобритания объявили войну Германии, а вскоре их примеру последовали Австралия, Индия, Канада, Новая Зеландия и Южно-Африканский Союз, война действительно приобрела мировой характер. Впрочем, существуют и альтернативные точки зрения, предлагающие начать отсчет Второй мировой войны существенно раньше. Так, по мнению прекрасно информированного и авторитетного политика – президента Чехословакии Э. Бенеша, «Вторая мировая война началась именно с Мюнхена» [7, с. 311]. Бенеш имел здесь в виду Мюнхенскую конференцию 29–30 сентября 1938 г., когда лидеры Великобритании и Франции Чемберлен и Даладье любезно предоставили Гитлеру возможность оккупировать Судетскую область Чехословакии, поставив чехословацкое руководство перед свершившимся фактом. Это существенно усилило гитлеровский рейх, создав условия для его дальнейшей экспансии на восток и предопределив окончательную оккупацию чешских земель Германией в марте 1939 года. Впрочем, точка зрения президента Бенеша о начале Второй мировой войны в сентябре 1938 г. крайне неудобна представителям Великобритании, Франции и Польши, которые в ходе Мюнхенской конференции 1938 г. фактически оказались в позорной роли союзников нацистской Германии, оказав ей содействие в ликвидации Чехословакии.

Свою вполне обоснованную точку зрения по поводу начала Второй мировой войны имеют и китайские историки, справедливо критикующие узкий европоцентризм в данном вопросе и указывающие на то, что к сентябрю 1939 г., когда в Европе началась полномасштабная война, Китай уже потерял около 20 миллионов своих граждан в результате японской агрессии. По мнению китайцев, действительное начало Второй мировой войны следует сдвинуть либо на 18 сентября 1931 г., когда Япония развязала агрессию в Маньчжурии, либо на 7 июля 1937 г., когда японцы начали полномасштабную войну с Китаем, сопровождавшуюся массовыми расправами с мирным китайским населением [2, с. 32–33].

Вторая мировая война в Европе первоначально имела весьма специфический характер. Реальные военные действия изначально велись только на польско-германском фронте; Великобритания и Франция, несмотря на формальное вступление в войну с Третьим рейхом, воздерживались от действительного выполнения своих союзнических обязательств в отношении Польши. В то время как гер-

манский вермахт, используя свое колоссальное техническое преимущество,громил польскую армию и методично уничтожал Варшаву, ни одна французская или британская бомба не упала на Берлин или какой-либо другой город нацистского рейха. Франция и Великобритания, по сути, дали Гитлеру «зелёный свет» на уничтожение Польши. Демонстративное нежелание Лондона и Парижа начинать военные действия против Германии вызвало сначала недоумение и затем шок в Варшаве, до последнего наивно надевавшейся на поддержку Запада. Имея четырехкратный перевес в танках и почти трехкратное преимущество в авиации, германская армия быстро прорвала непродуманно организованную польскую оборону, растянутую вдоль границ; уже 8 сентября 1939 г. началась 20-дневная оборона Варшавы [3, с. 9]. Участие в агрессии против Польши приняло и марионеточное словацкое государство, созданное по инициативе Берлина после окончательной ликвидации Чехословакии в марте 1939 г.

На фоне героически сражавшейся польской армии, в ряды которой было мобилизовано большое число белорусов и украинцев, политическое руководство Польши «проявило трусость и некомпетентность. Отрицательный пример показал президент Игнаций Мосцицкий, уехавший из Варшавы в первый же день войны. 5 сентября столицу покинуло правительство страны...» [2, с. 32–33]. Всего в ходе боев с германским вермахтом в сентябре 1939 г. погибло примерно 60 тысяч польских военнослужащих. При этом во время освобождения Польши от нацистской оккупации Красной армией в 1944–1945 гг. погибло около 600 тысяч советских солдат – примерно в десять раз больше... [4, с. 14].

После окончательного разгрома Польши, где был установлен жесткий оккупационный режим и практически сразу началась политика истребления еврейского и польского населения, Вторая мировая война превратилась в «странную войну», справедливо названную так французским журналистом Роланом Доржелесом [3, с. 11]. На франко-германском фронте установилось длительное затишье и боевых действий не велось; французская армия, уверенная в неприступности оборонительной «линии Мажино», занималась игрой в карты и футбол; солдаты развлекались, пили вино и активно отдыхали – к маю 1940 г. более 15 % личного состава французской армии находилось в отпусках [3, с. 11].

Идиллия на франко-германском фронте закончилась 10 мая 1940 г., когда немецкие войска, перейдя в наступление и использовав тактику массированных танковых ударов, к 4 июня вышли к Дюнкерку, разгромив англо-французские войска в Северной Франции. Уже 14 июня в Париж без боя вступили гитлеровские войска; 22 июня 1940 г. в Компьенском лесу Франция капитулировала. Север и запад Франции были непосредственно оккупированы Германией, на юге страны было образовано марионеточное правительство под руководством маршала Петена, послушно выполнявшее волю Гитлера. Еще ранее вермахт играючи разгромил Бельгию, Нидерланды, Данию и Норвегию; при этом скольконибудь заметное сопротивление немецкой агрессии оказала только Норвегия. Последней жертвой Гитлера перед его нападением на СССР символично стала Югославия, продержавшаяся под натиском превосходящих сил Германии и её союзников с 6 по 17 апреля 1941 г.; при этом в агрессии против Югославии помимо немецких войск приняли участие 44 итальянские и 4 венгерские дивизии.

Таким образом, к июню 1941 г. гитлеровская Германия полностью перекрои-

ла политическую карту континентальной Европы, которая представляла собой в то время либо непосредственно оккупированные Германией территории, либо страны-сателлиты Третьего рейха. Именно эта объединенная Гитлером Европа и обрушила свой удар на СССР 22 июня 1941 года. Единственной страной, противостоящей в то время Германии, оставалась островная Великобритания, привычно укрывшаяся за бурным проливом Ла-Манш; однако военное противостояние между Германией и Великобританией ограничивалось лишь воздушными боями.

Только Швеция и Швейцария сумели сохранить свой формальный нейтралитет исключительно благодаря заинтересованности Гитлера, который в полной мере использовал эти страны в интересах Германии. Так, Швеция активно поставляла в Германию стратегически важную железную руду; Швейцария часто использовалась Берлином в качестве удобной площадки для деликатных финансовых операций и неформальных контактов с Западом.

Экономический и военно-промышленный потенциал стран, подчиненных нацистской Германией, был сполна использован Гитлером для наращивания мощи Третьего рейха. Особую роль в укреплении военного могущества Германии сыграла не только военная промышленность Франции, являвшейся одной из наиболее развитых европейских стран, но и Чехии, обладавшей крупным военно-промышленным комплексом. После окончательной оккупации чешских земель вермахтом в марте 1939 г. в руках гитлеровской Германии оказалась значительная часть вооружения чехословацкой армии, в том числе около 680 тысяч винтовок и карабинов разных типов, 130 тысяч пистолетов, 33 тысячи лёгких и тяжелых пулеметов, 4200 артиллерийских орудий и минометов, 307 танков и 6 бронепоездов [10, s. 2–3].

За годы оккупации чешских земель с 1939 по 1945 гг. чешская военная промышленность была ключевой частью военно-промышленного комплекса нацистской Германии и активно работала на рейх вплоть до начала мая 1945 года. По данным чешских историков, многочисленные и хорошо оснащённые военные заводы протектората Богемия и Моравия произвели для германского вермахта более миллиона единиц стрелкового оружия, около 80 тысяч пулемётов, 52 тысячи авиационных пулемётов, не менее 5 тысяч самоходных артиллерийских установок, 406 тяжелых корабельных орудий, а также огромное количество боеприпасов и военного снаряжения. Тяжелые 420-миллиметровые гаубицы чешского производства активно использовались вермахтом при осаде Севастополя и против блокадного Ленинграда [10, s. 2–3].

Планы немецких нацистов в отношении славян исходили из нацистской расовой теории, трактовавшей все славянские народы как «расово неполноценные». Враждебно-высокомерное отношение к славянам как к «неполноценным» народам традиционно было в той или иной степени характерно для немецкой геополитической мысли, Так, император Вильгельм II, последний представитель династии Гогенцоллернов на германском троне, открыто признавался в своей иррациональной ненависти к славянским народам. Глубоко укорененные антиславянские традиции германской общественно-политической мысли были впоследствии подхвачены и «творчески» развиты нацистами, поднявшими их до уровня официальной доктрины.

Идеологи нацистской Германии планировали постепенную ликвидацию сла-

вянских народов путем частичной германизации наиболее «подходящих в расовом отношении» и путем депортаций и частичного физического истребления всех остальных. Западнославянские народы были обречены стать самыми первыми жертвами нацистского рейха. «Территорию Чехии и Моравии мы заселим немецкими крестьянами. Чехов мы выслем в Сибирь или на Волынь, выделив им резервации. Чехи должны покинуть Среднюю Европу, – утверждал Гитлер. – Если они тут останутся, они продолжат формирование своего гуситско-большевистского блока» [6, s. 69]. Более детально политика нацистской Германии в отношении чехов была разработана руководителями протектората Богемия и Моравия К. Г. Франком и К. фон Нейратом. В документе под названием «План ликвидации чешского народа», направленном Гитлеру 28 августа 1940 г., Франк указывал, что «целью имперской политики в Чехии и Моравии должна быть полная германизация пространства и населения» [6, s. 76]. Франк предусматривал либо полное выселение чехов за пределы империи с последующим заселением Чехии и Моравии немцами, либо «изменение национальности расово пригодных» чехов с выселением «расово непригодной» части чешского населения, враждебно настроенной чешской интеллигенции и всех «деструктивных элементов». Франк предлагал более мягкий второй вариант, аргументируя это технической невозможностью тотальной депортации 7, 2 миллионов чехов в условиях войны, отсутствием необходимого числа немецких колонистов, способных быстро освоить освободившееся пространство и целесообразностью использования квалифицированной рабочей силы чехов в интересах рейха. Уже 23 сентября 1940 г. этот план был поддержан Гитлером. В октябре 1940 г. Гитлер окончательно сформулировал главную цель нацистской политики в отношении чешского населения, которая заключалась в «онемечивании Чехии и Моравии путем германизации чехов... Политика ассимиляции не будет распространяться на тех чехов, расовые качества которых вызывают сомнения, а также на тех, кто демонстрирует враждебное отношение к рейху. Эти категории необходимо уничтожить» [8, s. 60]. Примечательно, что антиславянские и античешские настроения германских нацистов в то время разделяли и многие представители британской политической элиты. Так, посол Великобритании в Германии сэр Нэвилл Гендерсон накануне конференции в Мюнхене в сентябре 1938 г. оскорбительно отозвался о чехах как о «свиноголовой расе», что было одобрительно воспринято его немецкими собеседниками.

Ещё более печальная участь была уготована полякам, к которым ряд нацистских бонз относился с особой ненавистью и которых нацистские «расовые теоретики» даже не признавали единым народом. Подвергнув «расовому анализу» все крупные этнографические группы польского населения сквозь призму германской «расовой теории», нацистский профессор Байер из немецкого университета в Праге пришёл к заключению о том, что «единого польского народа не существует...; имеются несколько польских этносов с общим языком. Поляки не являются единым народом ни в расовом, ни в духовном, ни в политическом отношении» [1, с. 199]. Некоторые польские этнические группы трактовались нацистскими идеологами как славянизированные потомки готов и других германских племён. Это было призвано обосновать необходимость германизации «расово подходящей» части польского населения; при этом «расово неподходящая часть» подлежала физическому уничтоже-

нию. В представлении идеологов нацизма, «польский вопрос» решался предельно просто. «Польская политика означает укрепление и распространение немецкого народа, – излагал азы нацистской политики в отношении поляков немецкий профессор Байер. – Без внутренне здорового и полноценного немецкого национального организма на востоке невозможно удовлетворительное решение польского вопроса на территории германского пространства...» [1, с. 212].

Однако исчезновение с этноязыковой карты Европы грозило не только оккупированным Германией славянским народам в лице чехов и поляков, но и тем славянам, которым было позволено образовать зависимые от Третьего рейха государства-сателлиты. В донесении о внутривосточной ситуации в Словакии с предложениями «о решении судьбы словацкого народа», направленном в феврале 1943 г. рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру, представитель СС в Словакии оберштурмбанфюрер СС В. Нагелер отмечал, что «Словакия непосредственно относится к германскому жизненному пространству. Расовая природа словаков подобна немецкой... Из этого следует, что переселения в значительных масштабах не требуются. Имеются все предпосылки для ассимиляции... Данный процесс, первая фаза которого уже началась, завершится в нескольких поколениях» [9, с. 48].

Оккупированные Германией славянские народы прекрасно осознавали уготованную им нацистами трагическую участь и отдавали себе отчет в том, что единственным шансом на национальное самосохранение, освобождение и возрождение собственной государственности является победа СССР над нацистской Германией. Именно это обстоятельство объясняет резкое усиление просоветских настроений и рост авторитета коммунистических партий среди славянских народов сразу после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Агрессия нацистской Германии против СССР, начавшаяся 22 июня 1941 г., в корне изменила характер вялотекущей до этого времени Второй мировой войны. Если с начала Второй мировой войны в сентябре 1939 г. вплоть до июня 1941 г. неизменным победителем была нацистская Германия, подчинившая себе в результате серии молниеносных войн почти весь европейский континент, то с началом Великой Отечественной войны решающие события Второй мировой переместились на советско-германский фронт. Уже в декабре 1941 г. нацистская Германия потерпела первое крупное поражение в битве под Москвой, что стало в то время сенсацией для всего мира, привыкшего к непобедимости германского вермахта.

Принципиально важным обстоятельством является то, что Великая Отечественная война была не только войной СССР против нацистской Германии, но и войной против всей объединённой Гитлером Европы. В агрессии гитлеровской Германии против СССР активное участие приняли такие союзники и сателлиты Берлина как Финляндия, Венгрия, Румыния, Словакия, Хорватия, Италия и Испания, вооружённые подразделения которых воевали на советско-германском фронте на стороне вермахта против Красной армии. На начальном этапе войны в агрессии против Советского Союза помимо 170 немецких дивизий приняло участие 38 дивизий стран-сателлитов Германии, среди которых оказалась и славянская Словакия [11, с. 43].

Срыв гитлеровского «блицкрига» осенью 1941 г. благодаря героизму

Красной армии сделал возможным формирование антигитлеровской коалиции, где с самого начала решающую роль играл СССР, нёсший основное бремя вооружённой борьбы с нацистской Германией и её многочисленными сателлитами. Зверства германских войск на оккупированных территориях, героическая борьба Красной армии и сопротивление оккупантам со стороны партизан и населения оккупированных Германией советских областей усилили антифашистские настроения у славянских сателлитов нацистской Германии – военнослужащих словацкой Охранной дивизии, расквартированной в Южной Белоруссии и Северной Украине для охраны военных объектов и коммуникаций. Дружеские контакты словацких военнослужащих с местным белорусским и украинским населением вскоре переросли в сотрудничество с советскими партизанами и в последующий переход словацких солдат и офицеров в партизанские отряды, где словаки плечом к плечу с белорусами сражались против немецких оккупантов. Первые коллективные переходы словацких солдат на сторону советских партизан начались уже в сентябре 1942 г. Только во второй половине 1942 – начале 1943 гг. на сторону белорусских и украинских партизан перешло более 800 солдат и офицеров словацкой Охранной дивизии, образовавших словацкие подразделения в рядах советских партизанских отрядов. Командовавший словацким подразделением в составе партизанского соединения А. Н. Сабурова капитан словацкой армии Ян Налепка, перешедший на сторону советских партизан в мае 1943 г. и героически погибший в бою с немецкими оккупантами за освобождение украинского Овруча в ноябре 1943 г., стал одним из первых иностранцев, удостоенных звания Героя Советского Союза.

Сами реалии войны быстро превращали солдат и офицеров словацкой армии из сателлитов нацистской Германии в активных антифашистов, понимавших, что только СССР и Красная армия способны освободить славянские народы от неизбежной гибели в застенках нацистского рейха. Большинство словаков «видело в Советском Союзе надёжного союзника, испытывая к нему традиционные симпатии, основанные на чувстве славянской общности. Вера в победу СССР стала движущей силой движения Сопротивления, которое активно развивалось уже в 1941 году» [12, s. 99]. Таким образом, Великая Отечественная война народов СССР против германской агрессии быстро стала и войной других поработанных нацистами народов за своё освобождение. «Антифашистское движение в Словакии находилось под колоссальным влиянием героической борьбы советского народа против гитлеровских оккупантов, которую словацкие солдаты видели собственными глазами прямо на фронте, – писал словацкий историк и очевидец описываемых событий С. Фалтян. – С одной стороны, солдаты видели зверства фашистов, их террор и массовые убийства на оккупированных территориях, с другой стороны, они стали прямыми свидетелями героического сопротивления советских патриотов, жертвенности советских граждан, подпольщиков, партизан и военнослужащих советской армии. Всё это сыграло исключительную роль в развитии антифашистского движения в словацкой армии и в целом в Словакии» [11, s. 8–9].

В одной из антифашистских листовок, распространявшихся среди солдат словацкой армии в октябре 1941 г., говорилось: «Да здравствует СССР и Красная

Армия – защитница малых народов и могила фашизма» [11, s. 40]. Поручик словацкой армии П. Гайдош, перешедший на сторону Красной армии ещё летом 1942 г., в своём обращении к словацким солдатам в июле 1942 г. писал: «Я добровольно перешёл на сторону Красной Армии, потому что не хотел воевать с русскими... Войну против Советской России считаю преступлением... Наш словацкий народ всегда с любовью и надеждой смотрел на русский народ... Русские воюют за освобождение всех славянских народов...» [11, s. 65–66]. Примечательно, что чёткое осознание данного принципиально важного обстоятельства всеми народами, ставшими жертвами германского нацизма, наступило уже летом 1941 года, создав предпосылки для последующей активизации антифашистского движения.

Литература и источники

1. Баер, Г. Й. Доля поляків. Раса – народна вдача – племінна порода / Г. Й. Баер. – Прага, 1944. – 219 с.
2. Кошкин, А. Японский вызов / А. Кошкин // Историк. Журнал об актуальном прошлом. – 2019. – № 9 (57). – С. 31–35.
3. Назаров, О. Судьба Польши и «странная война» / О. Назаров // Историк. журнал об актуальном прошлом. – 2019. – № 9 (57). – С. 8–12.
4. Шевченко, К. Советский Союз, славянские народы и Вторая мировая война / К. Шевченко // Итоги Второй мировой войны 1939–1945 гг. и народы Центральной и Восточной Европы. – Минск : Колорград, 2020. – С. 12–17.
5. Sládek, M. Němciv Čechách. Německá menšina v Českých zemích a Československu 1848 – 1946 / M. Sládek. – Praha, 2002. – 173 s.
6. Beneš, E. Odsunněmců. Výbor z paměti a projevy doplněny edičními přílohami / E. Beneš. – Praha, 1995. – 112 s.
7. Beneš, E. Paměti. Od Mnichova k nové válce a k novému vítězství / E. Beneš. – Praha: Orbis, 1947. – 517 s.
8. Cesta k dekretům a odsun Němců. – Praha, 2002. – 235 s.
9. Slovenské národné povstanie. Dokumenty / Zost. V. Prečan. – Bratislava, 1965. – 648 s.
10. Štrait, J. Protektorátní zbraně od Atlantického valu po Moskvu / J. Štrait // Hálo noviny. – 04 ledna 2021. – S. 2–3.
11. Falt'an, S. Slováci v partizánských bojoch v Sovietskom Sväze / S. Falt'an. – Bratislava: Slovenské vydavateľstvo politickej literatúry, 1957. – 238 s.
12. Šalgovič V. Kapitán Repkin odchádza. Ján Nálepka – učiteľ, partizán, hrdina / V. Šalgovič. – Bratislava: Obzor, 1968. – 243 s.

Яловая Н. П., проректор по воспитательной работе учреждения образования «Брестский государственный технический университет», кандидат технических наук, доцент

Сушко В. В., доцент кафедры гуманитарных наук учреждения образования «Брестский государственный технический университет», кандидат исторических наук

Yalovaya N. P., candidate of technical sciences, associate professor, vice-rector for educational work, Brest State Technical University,

Sushko V. V., candidate of historical sciences, associate professor, Department of Humanities, Brest State Technical University

**ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ 1941–1945 гг.: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ
ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ**
**THE ORTHODOX CHURCH DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
1941-1945: ACTIVITIES UNDER THE CONDITIONS OF THE FASCIST
OCCUPATION**

Статья посвящена анализу рассмотрения государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов и деятельности Православной церкви в условиях немецко-фашистской оккупации. Охарактеризованы основные направления деятельности православных священнослужителей и верующих, обращенные на сопротивление немецким захватчикам.

The article is devoted to the analysis of the consideration of state-church relations during the Great Patriotic War of 1941-1945 and the activities of the Orthodox Church under the Nazi-fascist occupation. The main areas of activity of Orthodox clergy and believers, turned to resist the German invaders, are characterized.

Ключевые слова: Православная церковь, государственно-церковные отношения, немецко-фашистская оккупация, священнослужитель, антифашистское сопротивление.

Key words: Orthodox Church, state-church relations, Nazi-fascist occupation, priest, anti-fascist resistance.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. является одной из самых трагических, но и самых героических страниц Новейшей истории. Будучи оккупированной немецко-фашистскими войсками, территория Беларуси подверглась геноциду и угнетению белорусского народа в рамках так называемого плана Ост. Но население оккупированных регионов повсеместно организовывало партизанские отряды сопротивления захватчикам, подпольное и антифашистское движение. Воины и командиры Красной Армии и Флота, а также труженики тыла были объединены высокой целью: они защищали весь мир от нависшей над ним смертельной угрозы, от антихристианской идеологии нацизма. Поэтому Отечественная война стала для каждого священной.

Научный интерес к вопросу о деятельности Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны является актуальным у широкого круга специалистов. До сих пор введен в научный оборот узкий круг исторических источников, который может раскрыть миссионерскую, просветительскую, социально-экономическую работу русского православия в 1941–1945 гг.

Однако именно после встречи в сентябре 1943 г. И.В. Сталина и митрополитов Сергия (Старгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича) наблюдается значительная активизация церковной жизни православных приходов [2, с. 222]. В целях дальнейшего налаживания контактов и взаимодействия между Православной Церковью и государством, 14 сентября 1943 г. был создан Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Народных Комиссаров СССР. Первым его руководителем стал Г. Карпов (возглавлял Совет до 1960 г.). Было принято положение о Совете Русской Православной Церкви, основной целью которого было осуществление взаимодействия между правительством СССР и Патриархом Московским и всея Руси. На местах были

созданы соответствующие аппараты уполномоченных по делам Русской Православной Церкви.

Позиция высших священников в г. Москве была сформулирована местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Сергием 22 июня 1941 г. в его послании к «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви». Первоиерарх призывал православных русских людей «послужить Отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может», чтобы «развеять в прах фашистскую вражескую силу». Принципиальный, бескомпромиссный патриотизм, для которого не существовало различия между «советской» и национальной сущностью схлестнувшегося с нацистским злом государства, определит деятельность священноначалия и духовенства Православной Церкви на не оккупированной территории государства. Сложнее и противоречивее складывалась ситуация на занятых германскими войсками западных землях СССР. Немцы изначально сделали ставку на восстановление церковной жизни на оккупированных территориях, поскольку видели в этом важнейшее средство антибольшевистской пропаганды [1, 4].

Актуальным являлся вопрос о юридической принадлежности земель Православной Церкви после оккупации немецко-фашистскими войсками. Ясно обозначились установки германских властей: поддерживать религиозное движение исключительно как фактор пропаганды против врага, но на корню пресекать его способность духовно консолидировать нацию. Церковная жизнь в той сложной ситуации, напротив, виделась сферой, где наиболее действенно можно сыграть на расколах и разделениях, поддерживая потенциал несогласия и противоречий между разными группами верующих.

Министром оккупированных территорий СССР в конце июля 1941 г. был назначен главный идеолог НСДРП А. Розенберг, настроенный к христианству по сути враждебно, а по форме настороженно и считающий православие лишь «красочным этнографическим ритуалом». К 1 сентября 1941 г. относится и самый ранний циркуляр Главного управления имперской безопасности, касающийся религиозной политики на Востоке: «О понимании церковных вопросов в занятых областях Советского Союза». В этом документе ставились три основные задачи: поддержка развития религиозного движения (как враждебного большевизму), дробление его на отдельные течения во избежание возможной консолидации «руководящих элементов» для борьбы против Германии и использование церковных организаций для помощи немецкой администрации на оккупированных территориях. Перспективные долгосрочные цели религиозной политики фашистской Германии в отношении республик СССР содержались в другой директиве Главного управления имперской безопасности от 31 октября 1941 г., причем в ней уже начинает подчёркиваться обеспокоенность массовым возрастанием уровня религиозности населения оккупированных территорий: «Крайне необходимо воспретить всем священникам вносить в свою проповедь оттенок вероисповедания и одновременно позаботиться о том, чтобы возможно скорее создать новый класс проповедников, который будет в состоянии после соответствующего, хотя и короткого обучения, толковать народу свободную от еврейского влияния религию». Этот документ свидетельствует об антихристианских целях религиозной политики немецких оккупационных властей [2, 4].

В целях недопущения возрождения сильной и единой Православной Церкви, были поддержаны некоторые раскольничьи юрисдикции на западе СССР, которые выступали против Московской Патриархии. Так, в октябре 1941 г. Генеральный комиссариат Беларуси поставил в качестве условия для легализации деятельности местного епископата проведение им курса на автокефалию Белорусской Православной Церкви. Эти планы активно поддерживались узкой группой националистической интеллигенции, которая не только оказывала всяческую поддержку фашистским властям, но и зачастую подталкивала их к более решительным действиям по разрушению канонического церковного единства. После отстранения от дел митрополита Минского и всея Беларуси Пантелеимона (Рожновского) и заключения его в тюрьму, в августе 1942 г. по настоянию нацистского руководства был созван Собор Белорусской Церкви, который, однако, даже испытывая мощный прессинг со стороны националистов и оккупационных немецких властей, отложил решение вопроса об автокефалии на послевоенное время. Осенью 1942 г. активизировались попытки Германии разыграть антимосковскую «церковную карту» — разрабатывались планы проведения Поместного Собора в Ростове-на-Дону или Ставрополе с избранием Патриархом архиепископа Берлинского Серафима (Лядэ) [2].

Немецко-фашистские оккупационные власти понимали, какой мощный патриотический заряд несет в себе восстановление церковной православной жизни на оккупированных территориях и потому пытались жестко регламентировать формы культовой практики. Ограничивалось время проведения богослужений — только ранним утром в выходные дни — и их длительность. Колокольный звон был запрещен. В г. Минске ни на одном из храмов немцы не разрешили воздвигнуть кресты. Вся церковная недвижимость, которая оказалась на занятых землях, объявлялась немцами собственностью рейха. При необходимости оккупанты использовали храмы в качестве тюрем, концлагерей, казарм, конюшен, сторожевых постов, огневых точек. Так, под концентрационный лагерь для военнопленных была отведена значительная часть территории древнейшего Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря XII в.

Большую ответственность взял на себя один из ближайших помощников митрополита Сергия (Страгородского) экзарх Прибалтики Сергей (Воскресенский). Он единственный из действующих архиереев канонической Русской Православной Церкви остался на оккупированной территории. Под руководством митрополита Сергия в дальнейшем на занятых землях была организована масштабная катехизаторская деятельность. При этом большая часть духовенства оккупированных территорий выражала свою поддержку патриотической позиции московского священноначалия. Многочисленны случаи казни нацистами на оккупированных территориях СССР священников за чтение в храмах первого послания митрополита Сергия (Страгородского). Большая часть священнослужителей, легитимизированных оккупационными властями, заявляли о своем подначалии Москве [1, 3].

Большую помощь православные священнослужители и верующие оказывали партизанскому, подпольному, в целом, антифашистскому движению и сопротивлению. Так, в январе 1942 г. в одном из своих посланий к пастве, остав-

шейся на оккупированных территориях, Патриарший местоблюститель призвал людей оказывать всяческую поддержку подпольной борьбе с врагом: «Пусть ваши местные партизаны будут и для вас не только примером и одобрением, но и предметом неперестанного попечения. Помните, что всякая услуга, оказанная партизанам, есть заслуга перед Родиной и лишний шаг к нашему собственному освобождению из фашистского плена». Этот призыв получил очень широкий отклик среди духовенства и простых верующих. Однако за помощь партизанскому движению только в Полесской епархии было расстреляно фашистами до 55 % священнослужителей. Так, в деревне Доры Воложинского района в октябре 1943 г. нацистские захватчики убили 106 человек, а 26 человек загнали в церковь и спалили вместе с храмом за то, что священник и верующие жители деревни оказывали помощь партизанам. За подвиг, проявленный в годы Великой Отечественной войны, сотни монашествующих, церковно- и священнослужителей были награждены орденами самого высокого достоинства [2, с. 219].

Православная Церковь и её иерархи осуществляли активную деятельность социально-экономического характера, направленную на материальную поддержку Красной Армии и фронта в целом. В январе 1943 г. Патриарший Местоблюститель обратился к И.В. Сталину с просьбой о разрешении на открытие Патриархией денежного банковского счёта, на который бы поступали средства в поддержку армии и фронта. Позже, 5 февраля председатель Совета Народных Комиссаров ответил согласием на это обращение главы Церкви. Это позволило организовать сбор средств, как священнослужителями, так и верующими православных приходов. Финансовые средства для победы над немецко-фашистскими захватчиками собирались даже на оккупированной территории. Так, на собранные средства Православной Церкви, была построена колонна из 40 танков Т-34 «Димитрий Донской» и эскадрильи «Александр Невский» [2, с. 223].

Необходимо отметить, что за период Великой Отечественной войны, в первую очередь на оккупированных землях СССР, от действий немецко-фашистских захватчиков пострадали многие православные храмы, которые являлись объектами историко-архитектурного наследия.

Таким образом, деятельность Православной Церкви в период Великой Отечественной войны осуществлялась в достаточно сложных условиях. Однако, не смотря на все тяготы и противоречия, церковная жизнь продолжалась, одной из целей которой была Победа над врагом – немецко-фашистскими оккупантами.

Литература и источники

1. Зеленова, О. В. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны / О. В. Зеленова // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-pravoslavnaaya-tserkov-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1/viewer>. - Дата доступа: 15.01.2022.

2. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор’ева [і інш.] ; пад рэд. У. І. Навіцкага. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

3. Кнышевская, О., Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны / О. Кнышевская // Режим доступа: <http://lhistory.ru/statyi/russkaya-pravoslavnaaya-cerkov-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny>. - Дата доступа: 12.02.2022.

4. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: сборник документов / Сост.: О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова ; под ред. И. Соловьева. – Москва : Издательство Крутицкого подворья, 2009. – 779 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕСТСВЕННОЕ СЛОВО РЕКТОРА УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ «БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ» АЛЕКСАНДРА ГЕННАДЬЕВИЧА БАХАНОВИЧА	3
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО МИТРОПОЛИТА МИНСКОГО И ЗАСЛАВСКОГО ВЕНИАМИНА, ПАТРИАРШЕГО ЭКЗАРХА ВСЕЯ БЕЛАРУСИ	4
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО ИОАННА, АРХИЕПИСКОПА БРЕСТСКОГО И КОБРИНСКОГО	7
БЕЗНЮК Д. К., ЧЕРНЯК Ю. Г., ШКУРОВА Е. В. ФЕНОМЕН ПАТРИОТИЗМА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ БЕЛАРУСОВ	10
БЕСПАЛОВА Т. В. ПОДВИГ, ГЕРОИЗМ, НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО	16
ВИЛИСОВ М. В. АВТОРИТЕТ СЛУЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ НЕФОРМАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	23
ГРОНСКИЙ А. Д. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ВОЙНА ЛОЗУНГОВ ДНЯ ПОБЕДЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	27
ЗАГОРНОВ А. А. СЛАВЯНЕ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ВОЙНЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В ОЦЕНКЕ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО	34
ЗАКУНОВ Ю. А. СВЯТОЙ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ КАК СИМВОЛ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ	39
ЛЕВШУН Л. В. КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ: САКРАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКА VS ПОЛИТИЗАЦИЯ СВЯТОГО (ОТ «ПОВЕСТИ О ЖИТИИ» ДО ФИЛЬМА С. ЭЙЗЕНШТЕЙНА)	47
МАЛЫХИНА Л. Ю. ФЕНОМЕН УВЕКОВЕЧИВАНИЯ ПАМЯТИ ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА И ЖЕРТВ ВОЙНЫ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ	55

МИЩЕНКО В. В. ХРИСТИАНСКИЕ МЕНЬШИНСТВА И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	61
МИЩЕНКО Т. А. КАЧЕЛИ, ИЛКА, ПЫЖИ, КАМЕНЬКИ: КАК ИГРАЛИ, РАБОТАЛИ, ВЫЖИВАЛИ «ДЕТИ ВОЙНЫ» В 1941-1943 ГГ.	66
НОСКО М. ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСИЙ РУСЕЦКИЙ (1871–1945): ЖИЗНЬ И СЛУЖЕНИЕ	76
ПЕТРУШКО В. И. СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И МИТРОПОЛИТ КИРИЛЛ II	84
СВИРИД А. Н. ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ТЕРРИТОРИИ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД С 1953 ПО 1964 ГГ.	91
СЛАВА С. Ул. ПРАБЛЕМЫ ФАРМАВАННЯ ГІСТАРЫЧНАЙ ПАМЯЦІ БЕЛАРУСКАГА НАРОДА (НА ПРЫКЛАДЗЕ ДЗЕЙНАСЦІ ПРАВАСЛАЎНАЙ ЦАРКВЫ Ў БЕЛАРУСІ У 1941–1945 ГГ.)	95
ШЕВЧЕНКО К. В. НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: МИР И ЕВРОПА К ИЮНЮ 1941 ГОДА	101
ЯЛОВАЯ Н. П., СУШКО В. В. ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941 – 1945 ГГ.: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ	108

Научное издание

Господь нам дарует Победу

Сборник научных статей по итогам:

Международной научно-практической конференции

«Господь нам дарует Победу», посвященной 800-летию со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского, 775-летию вокняжения святого благоверного князя Тимофея Довмонта, 80-летию начала Великой

Отечественной войны и произнесения «Послания пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Московского и Коломенского Сергия (Брест, БрГТУ, 21–23 июня 2021 года)

Ответственный за выпуск: Сушко В. В.

Редактор: Митлошук М. А.

Компьютерная вёрстка: Коноплёва О.В.

Корректор: Дударук С. А.

Издательство БрГТУ.

Свидетельство о государственной регистрации

издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/235 от 24.03.2014 г., № 3/1569 от 16.10.2017 г.

Подписано в печать 19.07.2022 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага «Performer». Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 6,68. Уч. изд. л. 7,19. Заказ № 671. Тираж 40 экз.

Отпечатано на ризографе учреждения образования

«Брестский государственный технический университет».

224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

ISBN 978-985-493-554-6

